Карен Мари Монинг
За горным туманом

Горец – 1

Карен Мари Монинг
За горным туманом

Часть 1 – БЕЛЬТАЙН[1]
(Весна)

Змейки с острым язычком,
Черви, ящерки, ежи,
Скройтесь, прочь, бегом, ползком,
Прочь от нашей госпожи![2]
У.Шекспир – Сон в летнюю ночь

ПРОЛОГ

Шотландия
1 февраля 1513

Запах жасмина и сандалового дерева плыл между рябиновыми деревьями. Над влажными от росы ветками, одинокая чайка проскользнула по краю тумана и взлетела, чтобы поцеловать рассвет над белыми песками Морара. Бирюзовая волна сверкала в тенях хвостов русалок напротив алебастрового берега.

Элегантный королевский двор Туата-Де Данаан пестрел на фоне пышной зелени. Шезлонги с подушками яркого алого и лимонного цвета обрамляли травянистый холм, разбросанные полукругом возле наружной стороны возвышения.

---

1 Бельтайн – кельтский праздник костров – 1 мая по старому стилю.
2 Перевод с англ. М. Лозинского.

– Говорят, что он даже красивее вас, – заметила Королева человеку, лениво вытянувшемуся в ее ногах.

– Это невозможно.

Его издевательский смех кристально чисто прозвенел в порывах ветра.

– Говорят, его мужскому достоинству в невозбужденном состоянии позавидовал бы жеребец.

Королева бросила взгляд из-под полуприкрытых век на своих сосредоточенных придворных.

– Вероятнее всего, мышь, – усмехнулся мужчина у ее ног. Изящные пальцы очертили небольшое пространство в воздухе, и смешки прорезали туман.

– Говорят, что в полной готовности он способен украсть разум женщины. Забрать ее душу.

Королева опустила бахрому ресниц, прикрывая глаза, в которых сверкнул намеренный обман. *Как легко спровоцировать моих мужчин!*

Мужчина закатил глаза, и презрение отразилось на его высокомерном лице. Он скрестил ноги в лодыжках и устремил свой взгляд на море.

Но Королеву было не провести. Мужчина у ее ног был тщеславен и не так равнодушен к ее провокации, как он показывал.

– Хватит нападать на него, моя Королева, – предупредил Король Финнбеара.

– Вы знаете, что может натворить дурак, если задето его самолюбие.

Он успокаивающе потрепал ее по руке.

– Вы достаточно подразнили его.

Королева в задумчивости прикрыла глаза. Она ненадолго задумалась о том, чтобы отказаться от своей мести. Но, бросив расчетливый взгляд на мужчин, отбросила эту мысль, вспомнив, что она подслушала прошлым вечером во всех мучительных подробностях.

То, что они говорили, было непростительным. Королева не просто женщина, чтобы ее сравнивали с другой женщиной и находили в ней недостатки. Она незаметно поджала губы. Ее изящная тонкая кисть сжалась в кулак. Она тщательно выбирала свои следующие слова.

– Но я узнала, что все, что про него говорят, – это правда, – промурлыкала Королева.

Это утверждение повисло в последовавшей за ним тишине, безответное, так как это был слишком жестокий удар, чтобы достойно перенести его.

Король рядом с ней и мужчина у ее ног беспокойно задвигались. Она было подумала, что недостаточно четко и болезненно нанесла удар, когда, одновременно, они поддались на ее уловку:

– Кто этот человек?

Королева эльфов Эобил скрыла довольную улыбку под деликатным зевком и упивалась ревностью мужчин.

– Его зовут Хок.

Глава 1

Шотландия
1 апреля 1513

Сидхок Джеймс Лайон Дуглас, третий граф Далкит гордо вышагивал по полу. Капельки воды падали с его влажных волос на широкую грудь, и собирались в небольшой ручеек между двумя рядами мускулов на животе.

Лунный свет сиял сквозь открытое окно, придавая серебристый блеск его бронзовой коже, что создавало иллюзию отлитой из стали фигуры.

Ванна позади него уже остыла и была забыта. Женщина в постели тоже была замерзшей и заброшенной. Она знала это. И ей это совсем не нравилось.

«Слишком красив для меня», – думала Эсмеральда. Но, ради всего святого, он был глотком яда, а единственное противоядие – ещё один свежий и долгий глоток его тела. Она думала о тех вещах, что сделала, чтобы завоевать его, чтобы разделить с ним постель, и – прости ее, Господи – о том, что она сделает, чтобы там остаться.

Она почти ненавидела его за это. Она знала, что ненавидит себя за это. «*Он должен быть моим»,* – думала Эсмеральда. Она наблюдала за ним, пересекающим просторную комнату в направлении окна, которое было расположено между рифлеными гранитными колоннами, сходившимися в высокой арке высотой двадцать футов над ее головой. Эсмеральда глумилась над ним за его спиной. Глупость, – иметь такие большие незащищенные проемы, – или самоуверенность. Ну и что с того, что можно лежать на массивной кровати с периной и смотреть через резную арку на бархатное небо, усыпанное блестящими звездами?

Она поймала его, смотрящим туда этой ночью, когда он вошел в нее, возбуждая такой необъяснимый голод в ее крови своим твердым, как камень мужским достоинством, которым обладал лишь он. Она стонала под ним, испытывая самый прекрасный экстаз в своей жизни, а он смотрел в окно – как будто никого рядом с ним не было.

«Что он делал, считал звезды? Неслышно повторял непристойные песенки, чтобы не свалиться и не заснуть?»

Она потеряла его.

«Нет», поклялась себе Эсмеральда, – «я никогда не потеряю его».

– Хок?

– Хм-м?

Дрожащими пальцами она разгладила шелковую простыню цвета лаванды.

– Вернись в постель, Хок.

– Я сегодня не засну, моя сладкая. – Он играл со стеблем большого бледно-голубого цветка. Получасом ранее он водил этими влажными лепестками по ее шелковистой коже.

Эсмеральда вздрогнула от его откровенного признания, что у него в запасе ещё есть энергия. Даже в полусонном состоянии, она могла видеть, что его тело с головы до ног наполнено неуёмной энергией. Что за женщина нужна, – или сколько женщин, – чтобы оставить его дремлющим в очарованном удовлетворении?

Более совершенная, чем она, и черт, это оскорбляло ее.

Оставила ли ее сестра его более удовлетворенным? Ее сестра, которая согревала его постель, до того, как Зельди нашла способ занять её место?

– Я лучше, чем моя сестра? – Слова вырвались раньше, чем она сумела остановить их. Она закусила губу, беспокойно ожидая его ответа.

Ее слова заставили его оторвать затуманенный взгляд от звездной ночи и взглянуть через просторную спальню на страстную цыганку, с черными, как вороново крыло волосами.

– Эсмеральда, – он мягко упрекнул ее.

– Что? – В ее хриплом контральто звучали сварливые ноты.

Он вздохнул.

– Мы с тобой уже обсуждали это…

– И ты никогда мне не отвечал.

– Перестань сравнивать, моя сладкая. Ты знаешь, это глупо…

– Как я могу не сравнивать, ведь ты можешь сравнить меня с сотней, нет, с тысячей других, даже с мой сестрой? – Ее очерченные брови сдвинулись в угрюмую складку над сверкающими глазами.

Он раскатисто засмеялся.

– А со сколькими меня сравниваешь ты, прекрасная Эсмеральда?

– Моя сестра не могла быть так же хороша как я. Она была почти *девственница* . – Она выплюнула последнее слово с отвращением. Жизнь слишком непредсказуема, чтобы девственность считалась ценностью среди её народа. Страсть, во всех её проявлениях, была здоровым элементом цыганской культуры.

Он поднял руку, останавливая ее.

– Остановись. Немедленно.

Но она не могла. Ядовитые слова обвинений выскакивали быстро и яростно, направленные на единственного мужчину, который заставлял ее языческую кровь петь, и на его скуку, высеченную как в граните на совершенном лице, когда он лежал меж её бедер в этот вечер. По правде говоря, и в течение других вечеров.

Он молча перенес вспышку ее гнева, и когда она, наконец, замолчала, повернулся обратно к окну. Вой одинокого волка прорвался в ночи, и она почувствовала ответный вопль, поднявшийся внутри неё. Она знала, что молчание Хока – это его прощание с ней. Уязвленная пренебрежением и унижением, она, дрожа, лежала на постели – на постели, в которую, она знала, ее больше никогда не попросят лечь.

Она совершила бы убийство из-за него.

Что и попыталась сделать несколько мгновений спустя, когда бросилась к нему с серебряным кинжалом, который стянула со столика у кровати. Возможно, Эсмеральда покинула бы его, не произнося клятвы мести, если бы он выглядел удивленным. Или хоть на мгновение встревоженным. Ну, хотя бы расстроенным.

Но он не выказал ни одной из этих эмоций. Его прекрасное лицо озарилось, и он засмеялся, легко увернувшись от нее, поймал ее руку и выбросил кинжал в открытое окно.

Он смеялся.

И она прокляла его. И все его потомство, рожденное в браке и вне брака. Когда он начал успокаивать ее поцелуями, она проклинала его через стиснутые зубы, несмотря на то, что ее предательское тело таяло от его прикосновения. Мужчина не должен быть так красив. Не должен быть таким непревзойденным. И таким чертовски бесстрашным.

Ни один мужчина не смеет бросать Эсмеральду. Он покончил с ней, но она еще не покончила с ним. Она никогда не покончит с ним.

* * *

– Это не твоя вина, Хок, – предположил Гримм. Они сидели на мощеной террасе Далкита, потягивали портвейн и курили заграничный табак с истинно мужским удовольствием.

Сидхок Джеймс Лайон Дуглас потер свой совершенный подбородок безупречной рукой, раздраженный тенью щетины, которая всегда появлялась там несколько часов спустя после бритья.

– Я просто не понимаю, Гримм. Я думал, она получает со мной удовольствие. Почему она пыталась убить меня?

Гримм нахмурил бровь.

– Тогда что же ты делаешь с девушками в постели, Хок?

– Я даю им то, что они хотят. Фантазии. Мою жаждущую плоть и кровь, чтобы выполнить каждую их прихоть.

– И откуда ты знаешь, каковы женские фантазии? – Размышлял вслух Гримм.

Граф Далкит мягко рассмеялся, пьянящим, самоуверенным, мурлыкающим рокотом, который, как он знал, сводил женщин с ума.

– Ах, Гримм, ты просто должен прислушаться всем своим телом. В ее глазах можно прочесть, знает она или нет. Она ведет тебя своими негромкими криками. В едва различимых покачиваниях ее тела ты узнаешь, хочет ли она, чтобы ты был спереди или позади её пышных изгибов. С нежностью или с силой, если она хочет нежного любовника или ищет самца. Если она хочет, чтобы ее губы целовали или жестоко пожирали. Если она хочет, чтобы ее грудь…

– Я всё понял, – прервал его Гримм, с трудом сглотнув. Он поменял положение на стуле и распрямил ноги. Скрестил их снова и натянул на них килт. Снова распрямил их и вздохнул.

– А Эсмеральда? Ты понял ее фантазии?

– Слишком хорошо. Одна из них – это стать леди Хок.

– Она должна была знать, что этого невозможно, Хок. Каждый знает, что ты почти что женат, с тех пор, как король Яков издал указ о твоей помолвке.

– Можно считать, что я почти покойник. И я не хочу говорить об этом.

– Время приближается, Хок. Ты не только должен говорить об этом, ты должен что-то делать с этим – например, поехать за своей невестой. Время уходит. Или тебе все равно?

Хок бросил косой взгляд в сторону Грима.

– Только чтобы удостовериться, и все. Ведь осталось не более двух недель, помнишь?

Хок пристально всматривался в ясную ночь полную сияющих звезд.

– Как я могу забыть?

– Ты действительно думаешь, что Яков выполнит свои угрозы, если ты не женишься на девчонке Комина?

– Абсолютно, – категорично ответил Хок.

– Я не понимаю, почему он так сильно ненавидит тебя.

На лице Хока мелькнула сардоническая улыбка. Он знал, почему Яков ненавидел его. Тридцать лет назад родители Хока унизили Якова до глубины его тщеславной души. Так как отец Хока умер, прежде чем Яков смог отомстить за себя, король вместо отца переключился на Хока.

В течение пятнадцать долгих лет Яков контролировал каждую минуту жизни Хока. За несколько дней до того, как срок его службы королю должен был истечь, Яков изобрел план, чтобы повлиять на каждый момент его будущей жизни. По указу короля Хок принужден был жениться на девице, которую не знал и не хотел. Старая дева-затворница, которая по слухам, была ужасно отвратительна и бесспорно безумна. Это была извращенная идея короля Якова о пожизненном приговоре.

– Кому дано понять королей, мой друг? – Уклончиво сказал Хок, явно положив конец этой теме.

Двое мужчин замолчали. Оба погрузились в раздумья по различным причинам, глядя в бархатное небо. Из сада послышался мягкий крик совы. Сверчки терли ножками, производя сладкую музыку, отдавая дань сумеркам, пришедшим в Далкит. Звезды пульсировали и мерцали на иссиня-черном занавесе ночи.

– Смотри. Одна упала. Там, Хок. Что ты сделаешь с этим? – Гримм показал на белую точку, резко упавшую с небес, оставляющую за собой молочно-белый след.

– Эсмеральда говорит, что если загадать желание на падающую звезду, то оно исполнится.

– Ты загадал сейчас?

– Бессмысленный разговор, – усмехнулся Хок. – Глупый романтический бред для мечтательных девиц.

Конечно, он загадывал. Каждый раз, в последнее время, как видел падающую звезду. Всегда одно и то же желание. В конце концов, время приближалось.

– Хорошо, я попробую, – проворчал Гримм, которого не поколебали насмешки Хока. – Я желаю…

– Сдавайся, Гримм. Какое у тебя желание? – полюбопытствовал Хок.

– Тебя это не касается. Ты в это не веришь.

– Я? Вечный романтик, который очаровал легионы своей поэзией и обольщением – не верю в эти прекрасные женские штучки?

Гримм послал своему другу предупреждающий взгляд.

– Осторожно, Хок. Смейся над ними на свой страх и риск. Возможно, однажды ты действительно разозлишь девушку. И ты не будешь знать, что с этим делать. В данное время, они ещё падают от твоих прекрасных улыбок…

– Ты имеешь в виду вроде этой. – Хок выгнул бровь и изобразил улыбку, дополненную сонным полуприкрытым взглядом, которая громко говорила той девушке, которой была

адресована, что она единственная настоящая красота его сердца, что в его сердце имеется место только для одной – кому бы ни случилось быть в объятиях Хока в этот момент.

Гримм покачал головой в шутливом отвращении.

– Ты делаешь это. Ты должен. Давай, признай это.

– Конечно, я это делаю. Это срабатывает. Почему бы и тебе не попрактиковаться?

– Бабник.

– Хм, – согласился Хок.

– Ты помнишь их имена?

– Все пять тысяч. – Хок скрыл свою усмешку за глотком портвейна.

– Подлец. Распутник.

– Повеса. Развратник. Хам. О, вот очень хорошее слово: сластолюбец, – с готовностью поддержал его Хок.

– Почему они не видят тебя насквозь?

Хок пожал плечами.

– Им нравится то, что они получают от меня. Здесь так много жаждущих девушек. Я не могу, говоря по совести, их отталкивать. Это будет терзать мою голову.

– Мне кажется, я точно знаю, какую твою голову это будет терзать, – сухо сказал Гримм. – Именно ту, что однажды вовлечет тебя в большие неприятности.

– Что ты загадал, Гримм? – Хок проигнорировал предупреждение с тем наплевательским отношением, которое было привычным для него, когда это касалось девиц.

Медленная улыбка поползла по лицу Грима.

– Девушку, которая не захочет тебя. Красивую, нет, потрясающе прекрасную, которая будет остроумна и мудра. С идеальным лицом и идеальным телом, и с идеальным «нет» на ее идеальных губах для тебя, мой такой идеальный друг. И я также пожелал бы понаблюдать за этой битвой.

Хок самодовольно улыбнулся.

– Это *никогда* не случится.

* * *

Ветер мягко прорывающийся меж сосен, принес бестелесный голос, который плыл на бризе жасмина и сандалового дерева. Этот голос со смехом произнес слова, которые не услышал ни один человек.

– Я думаю, это можно устроить.

Глава 2

Таинственный остров Морар был скрыт вечерней мглой, кварцевые пески отливали серебром под ногами короля Финнбеара, когда он нетерпеливо прогуливался в ожидании возвращения придворного шута.

Королева и ее любимые придворные вовсю веселились на празднике в отдаленной горной деревушке. Смотреть на его волшебную Эобил, танцующую и флиртующую со смертными горцами превращало его дремлющую ревность в проснувшийся гнев. Он сбежал с праздника костров раньше, чем его желание уничтожить деревню целиком взяло верх. Он был слишком зол на смертных сейчас, чтобы доверять себе и быть среди них. Даже простая мысль о его Королеве и смертном мужчине наполняла его яростью.

Так как и Королева имела фаворитов среди придворных, так же они были и у короля; хитрый придворный шут был его давним компаньоном по выпивке и картам. Он отправил шута изучить смертного по имени Хок, собрать информацию, с тем, чтобы придумать подходящую месть тому, кто осмелился вторгнуться на его волшебную территорию.

«Его мужскому достоинству в невозбужденном состоянии позавидовал бы жеребец… он крадет душу женщины». Король Финнбеара насмешливо повторил слова Королевы

ехидным фальцетом, потом раздраженно плюнул.

– Я боюсь, что это правда, – категорично заявил шут, появляясь из тени рябины.

– В самом деле? – Лицо короля Финнбеараа исказила гримаса. Он убедил себя, что Эобил немного преувеличила – в конце концов, мужчина был смертным.

Шут нахмурился.

– Я провел три дня в Эдинбурге. Этот мужчина – живая легенда. Женщины создают вокруг него шум. Они произносят его имя так, как будто это волшебное заклинание, которое гарантирует получение вечного экстаза.

– Ты видел его? Своими глазами? Он красив? – быстро спросил Король.

Шут кивнул и его рот скривился в горькой усмешке.

– Он безупречен. Он выше меня…

– Твой рост превышает шесть футов в этом обличии! – Возразил Король.

– Он почти на ладонь выше. У него прямые волосы цвета воронова крыла, которые связаны в хвост; черные глаза, в которых мерцает огонь; он словно высеченное совершенство – молодой бог с телом воина-викинга. Это отвратительно. Могу я покалечить его, мой господин? Изуродовать его совершенное сложение?

Король Финнбеара обдумывал эту информацию. Он чувствовал, что его живот сводит при мысли о том, что этот темный смертный касался прекрасного тела его Королевы, давал ей несравнимое наслаждение. *Забирал ее душу.*

– Я убью его для вас. – С готовностью предложил шут.

Король Финнбеара нетерпеливо отмахнулся:

– Глупец! И нарушишь договор между нашими народами? Нет. Должен быть другой способ.

Шут пожал плечами.

– Возможно, мы должны сидеть и ничего не делать. Хоку скоро придется пострадать от своего собственного народа.

– Расскажи мне, – приказал Финнбеара, с возросшим интересом.

– Я обнаружил, что Хок на днях должен жениться. Он помолвлен по указу своего смертного короля. Он будет уничтожен. Видите ли, мой господин, король Яков приказал Хоку жениться на женщине по имени Дженет Комин. Король ясно дал понять, что если Хок не женится на этой женщине, то он уничтожит кланы Дугласов и Коминов.

– Итак? В чем смысл? – Нетерпеливо спросил Финнбеара.

– Дженет Комин мертва. Она умерла сегодня.

Финнбеара немедленно напрягся.

– Ты навредил ей, шут?

– Нет, Ваше Величество! – Шут бросил на него взгляд оскорбленной невинности. – Сам папаша и умертвил ее. Только не подумайте, что ваш покорный слуга подкинул ему эту мыслишку. Это было бы равносильно тому, чтобы вручить ему ключ от башни, где она находилась.

– Значит ли это, что ты намекнул ему, или нет? – С подозрением спросил король.

– Да бросьте, Ваше Величество, – надулся шут. – Неужто вы думаете, я способен подобным надувательством поставить всех нас под угрозу?

Финнбеара сложил пальцы домиком и задумчиво посмотрел на шута. Несомненно, тот был непредсказуем, хитер и беззаботен, но не настолько глуп, чтобы рисковать самим существованием их расы.

– Продолжай.

Шут приподнял голову, и на его лице заиграла полуулыбка.

– Это просто. Теперь свадьба не сможет состояться. Король Яков уничтожит Дугласов. Да, и Коминов тоже, – добавил он неуважительно.

– Ах! – Финнбеара на мгновение задумался. Ему не пришлось даже поднять палец, а Хок скоро умрет.

Но этого недостаточно, вскипел он. Финнбеара хотел приложить свою руку к

уничтожению Хока. Он перенес личное оскорбление, и он хотел устроить глубоко личную месть. Ни один смертный не наставлял рога королю эльфов без последующего священного возмездия – и как божественно будет уничтожить Хока.

Проблеск идеи начал обретать очертания в его мыслях. Размышляя над этой идеей, король Финнбеара почувствовал себя более живым, чем на протяжении нескольких веков.

Шут не упустил самодовольную улыбку, которая появилась на губах короля.

– Вы обдумываете что-то безнравственное. Что вы замышляете, мой господин?

– Помолчи, – приказал король Финнбеара. Он задумчиво потер свой подбородок, перебирая различные варианты, тщательно выстраивая свой план.

Если и прошло достаточно времени, пока Финнбеара придумывал свой план, ни один эльф этого не заметил; время значило очень мало для народа, который мог путешествовать по нему по своему желанию. Первые лучи зари окрасили небо над морем, когда король снова заговорил:

– Этот Хок когда-нибудь любил?

– Любил? – Откликнулся безучастно шут.

– Знаешь, это то чувство, ради которого сочиняются сонеты, ведутся войны, воздвигаются памятники, – сухо пояснил король.

Шут помедлил на мгновение.

– Я бы сказал, что нет, мой король. Хок всегда добивался тех женщин, которых хотел, но при этом не похоже, что он когда-либо желал какую-то особенную женщину больше, чем другую.

– Женщина никогда не отвергала его? – Спросил король Финнбеара со скептическим видом.

– Из того, что я узнал – нет. Я не думаю, что найдется женщина, живущая и существующая в шестнадцатом веке, которая сможет отвергнуть его. Я же говорил вам, что он – легенда. Женщины теряют от него голову.

Король хищно улыбнулся.

– У меня есть для тебя еще одно поручение, шут.

– Все, что угодно, мой господин. Разрешите мне убить его.

– Нет! Не будет пролитой крови на наших руках. Слушай меня внимательно. Иди через века. Иди вперед – там женщины более независимы и хладнокровны. Найди мне женщину, которая неотразима, изысканна, умна, сильна; у нее должно быть свое мнение. Выбирай осмотрительно, она не должна сойти с ума, пройдя через время, она должна адаптироваться к таким странностям. Не стоит привозить ее к нему, если у нее будут не в порядке мозги. Она должна хоть немного верить в волшебство.

Шут кивнул.

– Абсолютно верно. Помните налогового инспектора, которую мы отправили в двенадцатый век? Она превратилась в бредящую сумасшедшую.

– Точно. Женщине, которую ты должен найти, должны быть привычны необычные вещи, и тогда она сможет перенести путешествие во времени без последствий. – Финнбеара поразмыслил над этим еще немного. – Я придумал! Посмотри в Салеме, где они все еще верят в ведьм, или, может быть, в Новом Орлеане, где древняя магия кипит в воздухе.

– Превосходные места! – С энтузиазмом заявил шут.

– Но самое важное, шут, ты должен найти мне женщину, которая испытывает особенную ненависть к красивым, распутным мужчинам; женщину, которая обязательно сделает жизнь этого смертного адом на земле.

Шут жестоко улыбнулся.

– Могу я приукрасить ваш план?

– Ты – самая важная часть этого плана, – сказал король со зловещим обещанием в голосе.

* * *

Эдриен де Симон задрожала, хотя для мая месяца в Сиэтле это был необычно теплый вечер. Она натянула свитер через голову и закрыла французские двери. Смотря через стекло и наблюдая за тем, как ночь опускается на сады, беспорядочно разбросанные за дорожкой.

В угасающем свете она изучала каменную стену, защищающую ее дом номер 93, на Коттейл-Лейн, затем обратила свой пристальный взгляд на тени под могучими дубами, выискивая любое постороннее движение. Она глубоко вздохнула и приказала себе расслабиться. Сторожевые собаки, охраняющие территорию, молчали – все должно быть в порядке, решительно уверяла она себя.

Необъяснимо напряженная, она набрала код на панели безопасности, который запускает детекторы движения, расположенные в стратегическом порядке на одноакровой лужайке. Любое необычное движение объекта массой более ста фунтов и ростом более трех футов приведет к запуску детекторов, хотя пронзительный сигнал и не приведет к прибытию полиции или других правоохранительных подразделений.

Эдриен скорее схватит пистолет, чем побежит звонить по телефону. Она схватит дьявола сама, прежде чем соберется вызвать полицию. Хотя прошло уже шесть месяцев, Эдриен все еще ощущала себя недостаточно далеко от Нового Орлеана, даже если бы пересекла один или два океана, что она в любом случае не смогла бы сделать; процент беглецов, пойманных при попытке покинуть страну, был очень высок.

«Была ли она действительно беглецом?» – Удивлялась Эдриен. Она никогда не переставала удивляться этому, даже после всех этих месяцев. Как может она – Эдриен де Симон – быть беглецом? Она всегда была честной, законопослушной женщиной. Все, чего она хотела в жизни – это дом, в котором будет комфортно, человека, который любит ее и которого будет любить она, и когда-нибудь – детей, детей, которых она никогда не оставит в приюте.

Она нашла все это – или думала, что нашла – в Эберхарде Дэрроу Гарретте, которого обожали в обществе Нового Орлеана.

Эдриен фыркнула, изучая лужайку в последний раз, затем задернула шторы. Несколько лет назад мир казался совсем другим – волшебным местом, многообещающим, возбуждающим и предлагающим бесконечные возможности.

Вооруженная только своим необузданным характером и тремя сотнями долларов, Эдриен Доу придумала себе новую фамилию и сбежала из приюта в тот день, когда ей исполнилось восемнадцать. Она была взволнована, узнав о том, что существуют студенческие ссуды, которые могли быть выданы практически каждому, даже необеспеченной сироте, как она. Устроившись на работу официанткой, поступила в колледж и начала свой путь к тому, чтобы сделать что-то из себя. Но что – она не знала точно, но всегда была уверена, что что-то особенное ждет ее за следующим углом.

Ей было двадцать, она училась на втором курсе университета, когда это «особенное» случилось. Работая в «Блайнд Лемон», где был элегантный ресторан и бар, Эдриен привлекла внимание, сердце и обручальное кольцо смуглого, привлекательного и богатого Эберхарда Дэрроу Гарретта, холостяка десятилетия. Это было точь-в-точь как в волшебной сказке. Долгие месяцы она витала в облаках счастья.

Когда облака вокруг ее головы начали таять, она отказывалась присмотреться внимательнее, отказывалась признать, что принц из волшебной сказки может быть принцем с темными делишками.

Эдриен зажмурила глаза, желая сморгнуть некоторые из плохих воспоминаний прочь. Какой легковерной она была! Сколько оправданий она придумывала – для него, для себя, – до тех пор, пока ей, наконец, не пришлось бежать.

Слабое мяуканье вернуло ее обратно в настоящее, и она улыбнулась, глядя вниз на единственную стоящую вещь, которая вышла из всего этого; ее котенок – Лунная тень, не по возрасту развитая беспризорница, которую она нашла возле заправки на пути на север. Луни терлась о ее лодыжки и с энтузиазмом мурлыкала. Эдриен схватила маленькое пушистое

создание, прижала его к груди. Безусловная любовь – это то, что подарила ей Луни. Любовь без ограничений или оговорок – чистая привязанность без темных намерений.

Эдриен напевала про себя, гладя ушки Луни, затем резко остановилась, когда слабый царапающий звук вновь привлек ее внимание к окнам.

Застыв на месте, она стиснула котенка и ждала, затаив дыхание.

Но вокруг была тишина.

«Это, должно быть, была ветка, царапнувшая по крыше», решила Эдриен. Но разве она не обрезала все деревья вокруг дома, кода переехала сюда?

Эдриен вздохнула, покачала головой и приказала себе расслабиться. Ей почти удалось сделать это, когда наверху скрипнула половица. Напряжение немедленно вернулось. Она положила Луни на набивное кресло и внимательно разглядывая потолок, прислушивалась к повторяющемуся скрипу. Возможно, это всего лишь осадка дома. Она, в самом деле, должна преодолеть свою нервозность. Сколько времени прошло до того, как она перестала бояться того, что, обернувшись, она увидит Эберхарда, стоящего сзади с легкой насмешливой улыбкой и сверкающим пистолетом? Эберхард был мертв. Она в безопасности, и ей это известно. Так почему же она чувствует себя столь ужасно уязвимой? В течение последних нескольких дней у нее было удушающее ощущение того, что кто-то следит за ней. Не важно, как упорно Эдриен пыталась убедить себя, что все, кто желал ей зла или были мертвы, или не знали, что она жива – все равно ее одолевало отвратительное беспокойство. Каждый инстинкт, которым она обладала, предупреждал, что что-то было не так – или должно произойти что-то ужасное. Эдриен выросла в Городе Призраков – душном, суеверном, волшебном Новом Орлеане – и научилась прислушиваться к своим инстинктам. Они почти всегда вели ее прямо к цели.

Ее инстинкты даже были правы в отношении Эберхарда. Поначалу она была о нем плохого мнения, но убедила себя, что в этом виновата ее собственная ненадежность. Эберхард был популярной личностью в Новом Орлеане; естественно, любая женщина чувствовала бы себя выбитой из колеи рядом с таким мужчиной.

Только позже она поняла, что так долго была одинока и так сильно мечтала о волшебной сказке, что попыталась представить реальность как свои мечты; вместо того, чтобы поступить иначе. Эдриен так часто обманывала себя невинной ложью, до тех пор, пока не настала время признать, что Эберхард был не тем человеком, за кого она его принимала. Она была такой дурой!

Эдриен глубоко вдохнула весенний воздух, которым повеяло из открытого окна позади нее, затем вздрогнула и резко обернулась. Она осторожно рассматривала колышущиеся занавеси. Разве она не закрыла это окно? Эдриен была уверена в этом. Она закрыла все окна, перед тем, как закрыть французские двери. Эдриен настороженно приблизилась к окну, быстро закрыла его и заперла.

Это были нервы, и ничего больше. В окне не появилось ничье лицо, собаки не залаяли, сигнализация не включилась. Какой смысл в принятии стольких мер безопасности, если она не может расслабиться? Там просто не может никого быть.

Эдриен заставила себя отойти от окна. Пройдя через комнату, она задела ногой маленький предмет, и он полетел, скользя по выцветшему турецкому ковру, и ударился с глухим звуком о стену.

Эдриен посмотрела на этот предмет и вздрогнула. Это была фигурка из шахматного набора Эберхарда, который она утащила из его дома в Новом Орлеане, в ту ночь, когда сбежала. Она забыла обо всем этом, после того как переехала. Она бросила его в коробку – одну из тех, что кучей лежали в углу, и которые так и не собралась распаковать. «Может быть, Луни вытащила фигурки», – подумала она, так как несколько из них были разбросаны по ковру.

Эдриен подняла фигурку, которую пнула, и осторожно покатала ее между пальцами. Волны эмоций затопили ее, море стыда, злости и унижения, а сверх того, еще и неослабевающим страхом от ощущения собственной небезопасности.

Порыв воздуха коснулся ее шеи и она напряглась, сжимая шахматную фигурку так сильно, что корона черной королевы впилась в ее ладонь. Логика подсказывала ей, что окна позади нее были закрыты – она знала, что они были закрыты, но – инстинкт предупреждал ее о противоположном.

Рациональная часть Эдриен знала, что в библиотеке нет никого, кроме нее и тихонько посапывающего котенка. Иррациональная же ее часть находилась на грани ужаса.

Нервно посмеиваясь, она ругала себя за излишнюю нервозность, потом прокляла Эберхарда за то, что он сделал ее такой. Она не станет уступать паранойе.

Опустившись на колени и даже не бросив взгляда назад, Эдриен сгребла разбросанные фигурки в одну кучку. На самом деле ей не нравилось дотрагиваться до них. Женщина не может вырасти в Новом Орлеане – главным образом благодаря креолу, жившему позади приюта и рассказывавшему разные истории – без того, чтобы не стать немного суеверной.

Набор был древний, настоящий скандинавский набор; старая легенда утверждала, что он был проклят, а жизнь Эдриен и так была достаточно проклятой. Единственная причина, по которой она стянула этот набор, – на тот случай, если ей срочно понадобятся деньги. Изготовленный из кости моржа и черного дерева, набор был бы оценен непомерно высоко любым коллекционером. И, с другой стороны, разве она не заработала его, после всего, через что он провел ее?

Эдриен пробормотала красочное ругательство в адрес красивых мужчин. Это просто нравственно неприемлемо, что такой дьявол как Эберхард был таким приятным на вид. Поэтическая справедливость требовала обратного – разве лица людей не должны отражать их сердца? Если бы Эберхард был так же уродлив снаружи, как он был внутри – что она обнаружила слишком поздно, то она никогда не пришла бы к тому, чтобы оказаться не с того конца пистолета. Конечно, Эдриен на горьком опыте узнала, что любая часть пистолета – это *не та* его часть.

Эберхард Дэрроу Гарретт был красивым, распутным, лживым мужчиной – и он разрушил ей жизнь. Крепко сжав черную королеву, она дала себе твердое обещание. «Я никогда больше не буду иметь дела с красивым мужчиной, до тех пор, пока живу и дышу. Я ненавижу красивых мужчин. Ненавижу их!»

* * *

С другой стороны французских дверей на Коттейл-лейн, 93, человек, не облеченный в материю, существо, которое не могло быть ни обнаружено, ни задержано человеческими устройствами, услышал ее слова и улыбнулся. Его выбор был сделан с быстрой уверенностью – Эдриен де Симон определенно была той женщиной, которую он искал.

Глава 3

Эдриен понятия не имела, как она очутилась на коленях мужчины. Ни малейшего.

Только что она была совершенно в здравом уме – возможно, немного нервничала, но все же была твердо уверена в своем здравомыслии – и вдруг земля под ее ногами исчезла, и ее засосало в кроличью нору – как Алису в стране чудес.

Ее первой мыслью было, что она, должно быть, видит это во сне: яркое, пугающее подсознательное вторжение в варварский кошмар.

Но во всем этом не было смысла; только что перед этим она гладила Лунную тень или делала… что-то… что? Не могла же она заснуть, не зная того, что засыпает!

Быть может, она споткнулась и ударилась головой, и эти галлюцинации были фантастическим результатом сотрясения?

«А может, и нет», – обеспокоено подумала она, оглядывая похожую на пещеру дымную комнату со странно одетыми людьми, говорящими на изуродованном английском языке. «Ну ты и наделала делов, Эдриен», – здраво размышляла она. «Ну вот, ты и добилась своего, –

мрачно усмехнулась Эдриен. – Наконец-то ты летишь в бездну, и ничто уже тебя не остановит». Она старалась сфокусировать свой взгляд, который стал непривычно тяжелым. Мужчина, прижимавший ее к себе, был просто отвратителен. Настоящее животное с толстыми ручищами и отвислым брюхом. А еще от него разило, как от помойки.

Неужели еще пару мгновений назад она находилась в своей библиотеке?

Жирная рука сжала ее грудь, и она громко завизжала. Замешательство было вытеснено смущенной яростью, когда рука мужчины намеренно задела кончик ее соска через свитер. Даже если это сон, она не может позволить происходить таким вещам без возражений. Она открыла было рот, чтобы произнести уничтожающие ругательства, как мужчина опередил ее. Его розовый рот в окружении спутанной массы волос расширился и напомнил букву О. Небеса, но этот мужчина даже не закончил жевать, и не удивительно – его немногие оставшиеся зубы были маленькими и коричневыми.

С отвращением Эдриен стерла кусочки цыпленка и слюну с лица после его крика, и с настоящей тревогой вникала в его слова, пытаясь разобрать их через ужасный акцент.

– Она послана Богом, – заявил мужчина, обращаясь ко всем в комнате. – Девушка – подарок ангелов. Она выйдет замуж завтра.

Эдриен упала в обморок. Ее бессознательное тело дернулось и застыло. Черная королева выпала из ее руки, упала на пол и изношенный кожаный ботинок толкнул ее под стол.

* * *

Очнувшись, Эдриен продолжала неподвижно, крепко-накрепко закрыв глаза. Она чувствовала, что под ее спиной лежат шероховатые, уложенные кучей подушки. Может быть, она в своей постели. Она купила старинные наволочки и перешила их, взбила и уложила сверху на свою кровать в стиле королевы Анны, высотой почти по пояс. Она любила старинные вещи, и не стеснялась этого.

Эдриен осторожно втянула носом воздух. Никаких странных запахов банкета, который ей приснился. Никакого жужжания ужасного акцента, который она вообразила себе раньше.

Но и никакого движения.

Она напрягла слух, внимательно вслушиваясь. Слышала ли она когда-нибудь такую тишину?

Эдриен резко вдохнула и попыталась замедлить биение своего сердца.

Она подпрыгнула на комковатой подушке. Может, именно так случается безумие? Начинается с непонятного подозрения, тревожности, ужасного ощущения того, что за тобой следят, затем быстро развивается в полноценное безумство, для того, чтобы перейти к кошмару, в котором вонючее, волосатое животное объявляет о ее надвигающемся бракосочетании?

Эдриен еще крепче зажмурила глаза, желая возвращения рассудка. Силуэт шахматного набора всплыл в ее сознании; готовые к бою ладьи и озлобленные королевы с абсолютной легкостью отпечатались на внутренней стороне ее век, и кажется, было что-то важное, что ей нужно было вспомнить. Что же она делала?

Ее голова болела. Это была тупая боль, сопровождаемая горьким неприятным привкусом *старых монет* в глубине горла. Она попыталась подавить ее, но пульсирование усилилось. Шахматный набор смутно вырисовывался в черно-белых тенях, затем превратился в далекую раздражающую деталь. И это не могло быть слишком важным. У Эдриен были более важные неотложные дела, о которых следовало думать – где, в каком синем пламени, она оказалась?

Она ждала, закрыв глаза. Еще несколько мгновений – и она услышит урчание БМВ, спокойно едущего по Коттейл-Лейн или сердитый звонок телефона…

Только петух не *должен* был кукарекать.

Еще минутку – и она услышит вопросительное мяуканье Луни, и почувствует, как ее

хвост скользит мимо ее лица, когда кошка запрыгивает на кровать.

Она не слышала визга скрипучих петель, скрежет двери, слишком низкой и задевающей каменный порог.

– Миледи, я знаю, вы проснулись.

Ее глаза резко распахнулись, чтобы увидеть полную женщину с посеребренными каштановыми волосами и розовыми щеками, стоявшую в ногах ее кровати и ломающую руки.

– Кто вы? – Осторожно спросила Эдриен, отказываясь смотреть на другое место в комнате, кроме того, на котором стояло это последнее видение.

– Ба! Она спрашивает, кто я? Девица, которая свалилась из ниоткуда, опрометью, как ведьма, если позволите, хочет узнать, кто я? Хм-м-м!

Говоря это, женщина поставила поднос с необычно пахнущей едой на ближайший столик, и подняла Эдриен, чтобы взбить подушки за ее спиной.

– Я – Талия. Меня послали позаботиться о вас. Ешьте. Вы ни за что не сможете вынести свадьбу с ним, если не будете есть, – мягко упрекнула она.

После этих слов и полного осмотра каменных стен, украшенных красочными гобеленами, изображающими охоты и оргии, Эдриен снова потеряла сознание – на этот раз с удовольствием.

* * *

Эдриен очнулась снова, чтобы обнаружить множество служанок, приносящих нижнее белье, чулки и свадебное платье.

Женщины купали ее в ароматной воде перед массивным каменным камином. Съежилась, погруженная в глубокую деревянную бадью, Эдриен изучала каждый дюйм комнаты. Как сон может быть таким живым, таким наполненным запахом и звуком? Вода в бадье пахла вереском и сиренью. Служанки негромко переговаривались, купая ее. Каменный камин, высотой в три человеческих роста – он возвышался почти до потолка и растянулся вдоль почти на половину восточной стены. Украшенный множеством со вкусом сделанных серебряных изделий; изящные филигранные корзинки, искусно сделанные розы, которые сияли подобно литому серебру, но каждый лепесток различался и выглядел наподобие бархатного. Над большой каминной доской, грубо высеченной из дуба медового цвета, висела картина со сценой охоты, изображающая кровавую победу.

Ее изучение было прервано скрипом двери. Изумленные вздохи и немедленно затихшие голоса заставили взглянуть через обнаженное плечо, и она, в свою очередь, громко выдохнула. Этот злодей со спутанной растительностью на лице! Ее щеки вспыхнули от смущения, и она погрузилась глубже в бадью.

– Милорд, здесь вам не место… – начала одна девушка.

Звук пощечины пролетел через комнату, заставив замолчать протестующую девушку, и останавливая возражения остальных, прежде чем они задумаются их высказать. Большое жирное животное из ее предыдущего кошмара присело на корточки перед бадьей, от которой валил пар, с плотоядным взглядом на лице. Прищуренные голубые глаза встретились с серо-стальными, в то время как Эдриен твердо встретила его грубый взгляд.

Его взгляд оторвался от ее глаз, нашел воду и изучил то, что под ней. Он усмехнулся, увидев ее розовые соски, до того, как она скрестила руки и крепко обхватила себя ими.

– Думаю, он не сделает плохого самому себе, – пробормотал мужчина.

Затем, переведя взгляд с воды на ее вспыхнувшее лицо, он приказал:

– С этого момента и впредь, тебя зовут Джанет Комин.

Эдриен ответила ему надменным взглядом.

– Меня зовут, – огрызнулась она, – Эдриен де Симон.

Удар!

Она недоверчиво подняла руку к щеке. Служанка выкрикнула негромкое

предупреждение.

– Попробуй еще раз, – мягко посоветовал он, и насколько были мягкими его слова, настолько же опасно жестокими были его глаза.

Эдриен потерла свою горящую щеку и промолчала.

Его рука поднялась и опустилась снова.

– Миледи! Умоляем вас! – Миниатюрная девушка упала на колени рядом с бадьей, положив руку на обнаженное плечо Эдриен.

– Правильно, дай ей совет, Бесс. Ты знаешь, что бывает с девушкой, которая глупа настолько, чтобы отказывать мне. Скажи это, – повторил он, обращаясь к Эдриен.

– Скажи, что твое имя – Джанет Комин.

Когда его мясистая рука поднялась и опустилась снова, он с яростью ударил по лицу Бесс.

Эдриен закричала, когда он ударил девушку несколько раз подряд.

– Остановитесь! – Потребовала она.

– Скажи это! – Скомандовал он, снова поднимая руку и опуская ее для удара. Бесс всхлипывала, съежившись на полу, но мужчина наклонился к ней, сжав руку в кулак.

– Меня зовут Джанет Комин! – Закричала Эдриен, наполовину высунувшись из бадьи.

Кулак Комина застыл в воздухе, и он снова присел на корточки с победным блеском в глазах. С победным блеском осматривая ее тело.

Эдриен вспыхнула под явно развратным взглядом его светлых глаз, и снова погрузилась в воду.

– Нет, в конце концов, для него это будет неплохая сделка. Ты гораздо симпатичнее, чем моя Джанет. – Его рот скривился в улыбке. – Хотел бы я, чтобы у меня было время, чтобы самому попробовать такие пышные подушечки, но ты появилась в самый последний момент.

– Появилась где?

– Появилась *откуда* , вот мой вопрос, – парировал он. Эдриен поняла, что недооценивать этого жестокого человека будет серьезной ошибкой. Потому что за небрежными манерами и неряшливым внешним видом скрывались стальной характер и острый как рапира ум. Дряблая рука наносила удары с силой развитых мускулов. Светлые прищуренные глаза, беспокойно блуждавшие, не пропускали ничего. Он не наказывал Бесс, поддавшись гневу. Он бил ее спокойно, расчетливо, чтобы получить то, что он хотел от Эдриен.

Она покачала головой, ее глаза расширились в замешательстве.

– На самом деле, я не имею ни малейшего понятия, как я сюда попала.

– Ты не знаешь, откуда ты появилась?

Бесс слабо всхлипывала, и глаза Эдриен потемнели, когда она увидела, что девушка свернулась клубком и пытается потихоньку отодвинуться подальше от Комина. Он протянул руку и схватил девушку за лодыжку. Бесс безнадежно захныкала.

– О, нет, моя прелесть, ты мне еще можешь понадобиться.

Он окинул ее дрожащую фигуру собственническим плотоядным взглядом. Эдриен задохнулась, когда он разорвал платье на Бесс и сорвал его с тела. Живот Эдриен свело судорогой, когда она увидела большие рубцы, вспухшие на боках и бедрах девушки. Жестокие, рваные рубцы от ремня или кнута.

Другие служанки покинули комнату, оставив ее наедине с плачущей Бесс и сумасшедшим хозяином.

– Это мой мир, Эдриен де Симон, – произнес он нараспев, и Эдриен посетило предчувствие, что то, что он сейчас произнесет, она запомнит на долгое время. Он слегка погладил дрожащее бедро Бесс. – Мои законы. Мои люди. Мое желание – жить кому-то или умереть. Тебе или ей. Мне немного надо от тебя. Если ты не сделаешь этого – она умрет. Затем другая, и за ней еще одна. Я доберусь до самой глубины этого глупого сострадания, которое ты используешь для защиты. И это делает тебя уязвимой, легко используемой. Но

все женщины таковы. Они слабы.

Эдриен молча сидела на корточках, ее затрудненное дыхание сопровождалось утомленными рыданиями Бесс.

– Тихо, девушка! – Он ударил служанку по лицу, и она еще плотнее свернулась клубочком, всхлипывая в ладони, чтобы заглушить звук.

«Однажды я убью его голыми руками», – про себя поклялась Эдриен.

– Я не знаю, как ты попала сюда или кто ты, и если честно, мне все равно. У меня есть одна проблема, и ты поможешь ее разрешить. Если когда-нибудь ты забудешь то, что я расскажу тебе, если ты когда-нибудь ошибешься, я убью тебя, но перед этим я уничтожу все, что тебе дорого.

– Где я? – Невыразительно спросила она, неохотно озвучивая один из тех вопросов, которые ее мучили. Эдриен боялась, что, начав задавать вопросы, она обнаружит что это вовсе не сон.

– Мне все равно, если ты сумасшедшая, – благодарно захихикал он. – В действительности, я скорее приветствую то, что у тебя не все дома[1]. Бог свидетель, то же было и с моей Джанет. Это не больше и не меньше, чем он заслуживает.

– Где я? – Настойчиво повторила она.

– Джанет тоже имела трудности с запоминанием этого.

– Так где же я?

Комин изучающее посмотрел на нее, затем пожал плечами:

– Крепость Комин – *моя* крепость.

Биение сердца в ее груди остановилось. Это было невозможно. Она в самом дела сошла с ума? Эдриен собрала волю в кулак, чтобы задать следующий вопрос – очевидный вопрос, ужасающий вопрос, которого она тщательно избегала со своего пробуждения. Она поняла, что иногда безопаснее не задавать много вопросов – ответы могут оказаться слишком расстраивающими.

Она могла повредить свою хрупкую связь с разумом, получив ответ на этот вопрос; Эдриен подозревала, что то *где* она находится, было не единственной ее проблемой. Глубоко вдохнув, она осторожно спросила:

– Какой сейчас год?

Комин грубо расхохотался.

– А ты на самом деле немножко сумасшедшая, не так ли, девушка?

Эдриен молча пристально смотрела на него.

Он снова пожал плечами.

– Сейчас тысяча пятьсот тринадцатый год.

– Ох, – еле выговорила Эдриен. *Боже мой, боже мой* , прокричала она внутри своего покачнувшегося разума. Затем сделала медленный, глубокий вдох и приказала себе начать эту тайну с начала, возможно, ее можно разгадать.

– А кто, собственно, вы?

– Для всех намерений и целей, я – твой отец, девушка. Это первая из многих вещей, которую ты всегда должна помнить.

Сдавленное рыдание временно отвлекло Эдриен от своих проблем. Бедная избитая Бесс. Эдриен не могла спокойно смотреть на страдающего человека, если могла чем-то помочь ему. Этот человек что-то хотел от нее, может быть, она сумеет выторговать что-нибудь взамен.

– Отпустите Бесс, – сказала она.

– Ты обещаешь быть мне верной в этом случае?

«У него змеиные глаза», – подумала Эдриен. – «Как у питона в зоопарке Сиэтла».

– Отпустите ее из замка. Дайте ей свободу, – уточнила она.

– Нет, миледи! – Выкрикнула Бесс, и животное по-дружески захихикало.

Его глаза стали задумчивыми, и он погладил Бесс по ноге.

---

1 Букв. – На вашей колокольне порхают летучие мыши.

– Думаю, Джанет Комин, ты много не понимаешь в этом мире. Освободи ее от меня, и ты приговоришь ее к смерти от голода, насилия или чего-то худшего. Освободи ее от моего «любовного внимания», и следующий мужчина может оказаться не таким заботливым. Твой собственный муж может не оказаться таким любящим.

Эдриен дрожала в ярости, но не могла оторвать взгляда от пухлой белой руки, которая выполняла ритмичные поглаживания. Источником страдания Бесс была та же рука, которая кормила ее. «Защищала» ее. Гнев перехватил горло Эдриен, она почти задохнулась.

– К счастью, он уже полагает, что ты безумна, так что ты можешь говорить что хочешь после сегодняшнего дня. Но сегодня, от рассвета и до сумерек, ты будешь клясться, что ты – Джанет Комин, родная дочь могучего Кровавого Комина, действительная невеста Сидхока Дугласа. Ты сможешь продержаться весь день, когда я скажу тебе…

– Но что с настоящей Джанет? – Она не смогла удержаться, чтобы не спросить.

Удар! Как он сумел ударить ее, не успела она мигнуть? Он сказал, нависая над ней и дрожа от ярости.

– В следующий раз, сука, я ударю тебя не по лицу, потому что его не закроешь платьем. Но есть способы нанести болезненный удар, который не оставил следа. Не провоцируй меня.

Эдриен тихо и послушно выслушивала все то, что он говорил ей. Его приказание было простым. Если она будет помалкивать и слушаться, то останется жить. Сон или не сон, его удары были болезненными, и она чувствовала, что смерть от его рук тоже будет болезненной.

Затем он рассказал ей о других вещах. Сотни деталей, которые, как он ожидал, она должна запомнить. Она сделала это с решимостью; это занятие временно отвлекло от сожалений по поводу ее очевидного безумия. Эдриен повторила каждую деталь, каждое имя, каждое воспоминание, которое ей не принадлежало. С заботливого наблюдения своего «отца», она могла предполагать, что многие воспоминания принадлежали женщине, место которой она собиралась занять.

И все время тихое заклинание звучало на заднем плане в ее мозгу. *Этого не могло случиться. Это невозможно. Этого не могло случиться.* И все же, на переднем плане, будучи реалисткой, она понимала, что слова *«не может»* и *«невозможно»* не имеют никакого значения, когда невозможное на самом деле случается.

Если она не проснется в ближайшем будущем от кошмарного и яркого сна, то она в Шотландии, сейчас 1513 год, и она, в самом деле, собирается замуж.

Глава 4

– Она такого же роста, как Джанет.

– Не многие имеют такой рост, как она.

– Ш-ш! Она – Джанет. Или он подаст наши головы на блюдах.

– Что случилось с Джанет? – Тихо спросила Эдриен. Она не удивилась, когда полдюжины служанок захлопнули рты и обратили целиком свое внимание то, чтобы одеть ее в полном молчании.

Эдриен закатила глаза. Если они не могут сказать ей ничего о Джанет, возможно, они скажут что-нибудь о ее женихе.

– Итак, кто этот мужчина, за которого я выхожу замуж? – *Сидхок Дуглас. Что это за имя такое – Сидхок?*

Служанки захихикали как стайка испуганных перепелок.

– На самом деле, миледи, мы слышали только слухи о нем. Эта помолвка была устроена самим королем Яковом.

– Что за слухи? – Криво усмехнулась Эдриен.

– Его подвиги стали легендой!

– Его завоеваниям нет числа. Говорят, что он путешествовал по миру, сопровождаемый только самыми красивыми девушками.

– Говорят, что нет ни одной симпатичной девушки в Шотландии, с которой бы он не совокуплялся…

– … и в Англии тоже!

– … и он не может вспомнить имени ни одной из них.

– Говорят, он красив, как бог, и отлично владеет искусством обольщения.

– Он сказочно богат и по слухам, его замок несравненно роскошен.

Эдриен моргнула.

– Замечательно. Меркантильный, неверный, красивый плейбой, самопотворстующий, невнимательный мужчина с плохой памятью. И весь он мой. Мой дорогой милосердный Бог, что я сделала, чтобы заслужить это? – Громко удивилась она.

Во второй раз, размышляла она про себя.

Лизбелл с любопытством посмотрела на нее.

– Но слухи утверждают, что он великолепный любовник и на него приятно посмотреть. Что в этом плохого, миледи?

Думаю, ты не понимаешь этот мир, Джанет Комин. Возможно, он был прав.

– Он бьет своих женщин?

– Он не держит их у себя слишком долго, или они так только говорят.

– Впрочем, я слышала историю, что одна из его женщин недавно пыталась убить его. Я не могу представить, почему, – добавила служанка, искренне озадаченная. – Говорят, что он более чем щедр со своими любовницами, когда расстается с ними.

– Я могу представить почему, – раздраженно проворчала Эдриен, внезапно потерявшая терпение от всех этих выщипывающих, закрепляющих, украшающих и укладывающих рук на своем теле.

– Хватит, хватит. – Она слегка похлопала Лизбелл по рукам на ее волосах, которые были вымыты, безжалостно расчесаны и кажется, что целый год взбивались в прическу.

– Но миледи, мы должны что-то сделать с волосами. Они такие прямые! Вы должны выглядеть как можно лучше…

– Что касается меня, то я бы предпочла выглядеть так, как будто меня драли кошки. Влажная, растрепанная и вонючая, как куча свежего навоза.

Послышались удивленные вздохи.

– Девушка, он будет твоим мужем, и ты можешь сделать гораздо хуже, – строгий голос донесся через комнату. Эдриен медленно повернулась и встретила умудренный опытом взгляд женщины, с которой она почувствовала немедленное родство.

– Возьми моего мужа, за отсутствием других примеров.

Эдриен резко втянула воздух.

– Лэрда Комина?

– Твоего *отца* , моя дорогая дочь, – сказала леди Алтея Комин с кислой улыбкой. – Уходите все отсюда. – Она выпроводила служанок из комнаты с королевским величием, ее глаза надолго задержались на Бесс.

– Он убьет ее однажды, это точно, – тихо сказала она.

Она надолго крепко зажмурила глаза.

– Он объяснил тебе, что ты должна делать?

Эдриен кивнула.

– И ты сделаешь это?

Она снова кивнула. Леди Комин издала вздох облегчения.

– Если понадобится, и я смогу отплатить тебе за доброту…

– Это не доброта. Я делаю это, чтобы спасти мою жизнь.

– … тебе нужно будет лишь попросить. Потому что ты спасаешь и мою жизнь тоже.

* * *

Эдриен возвышалась над священником, играя свою роль в этом фарсе.

– Я Джанет Комин, – громко заявила она. Божий человек заметно побледнел и сжал свою Библию так, что суставы его пальцев готовы были лопнуть по швам. «Итак, *он знает, что я – не она»* , размышляла она. *«Что же на самом деле здесь происходит?»*

Она почувствовала чье-то присутствие около левого плеча, и неохотно оглянулась, чтобы посмотреть на человека, за которого должна была выйти замуж. Ее глаза уперлись в верхнюю часть его груди, и грудь эта была заключена в сталь.

Эдриен начала подниматься, чтобы посмотреть жениху в лицо, когда с ужасом осознала, что не встала на колени. Вне себя от огорчения, она запрокинула голову назад и проглотила тысячу неистовых протестов, рвущихся из ее горла.

Гигант смотрел на нее с загадочным выражением, огоньки от мерцающих свечей танцевали в самых голубых глазах, которые она когда-либо видела.

«Я не могу выйти за него замуж», – мысленно закричала она. *«Я не могу этого сделать!»*

Ее глаза оторвались от его лица и проворно перебирали присутствующих в поисках кого-нибудь, кто спасет ее от этой катастрофы. Бесс сидела на задней скамейке, и казалось, молилась с закрытыми глазами.

Эдриен вздрогнула и закрыла таким же образом свои глаза. *«Боже, пожалуйста, если я сошла с ума, сделай меня снова нормальной. И если я не сошла с ума и каким-то образом это на самом деле происходит – я сожалею, что не благодарила тебя, за то, что живу в 20 веке. Я сожалею о том, что я сделала с Эберхардом. Я прошу прощения за все, и обещаю, что я постараюсь быть лучшим человеком, если ты только ВЫТАЩИШЬ МЕНЯ ОТСЮДА!»*

Когда она снова открыла глаза, она могла поклясться, что священник смотрит на нее понимающим и немного удивленным взглядом.

– Помогите мне, – тихо сказала она.

Он быстро опустил глаза вниз. И больше не поднимал их на нее.

Вопреки себе, Эдриен неохотно обратила пристальный взгляд в направлении своего жениха, затем подняла глаза выше, к его прекрасному смуглому лицу.

Он выгнул бровь, глядя на нее, в то время как заиграли флейтисты, ритм музыки становился все более темповым и веселым.

От его напряженного внимания ее спас поднявшийся шум, и она услышала голос своего «отца», донесшийся до стропил.

– Что значит, он не смог приехать сам? – Закричал Кровавый Комин на какого-то солдата.

– Возникла небольшая проблема в Северном Устере. Хоку пришлось спешно уехать, но он не отказался от своего обещания. Он не нанесет оскорбления кланам, – произнес солдат свое заученное послание.

– Он отказывается от своего обещания, раз его нет здесь! – Проорал Лэрд Комин. Потом он повернулся к мужчине радом с Эдриен.

– А ты кто, пришедший на его место?

– Гримм Родерик, капитан охраны Хока. Я прибыл, чтобы жениться на вашей дочери по доверенности…

– Чума на доверенность! Как он посмел не явиться сам, чтобы потребовать мою дочь?

– Это абсолютно законно. Король признает это, и обещание, таким образом, будет исполнено.

Эдриен не смогла сдержать радости, появившейся на ее лице от этих слов. Этот человек не ее будущий муж!

– Неужели я так отвратителен, девушка? – Спросил он, насмешливо улыбаясь, не пропустив ее очевидного облегчения.

«Так же отвратителен, как тарелка клубники, покрытая шоколадом и взбитыми сливками», – подумала она, усмехнувшись.

– Я скорее выйду замуж за жабу, – сказала Эдриен.

Его смех вызвал у нее скупую улыбку.

– Вам на самом деле не повезло, миледи, так как Хок вовсе не похож на жабу. Я, девушка, стоя рядом с Хоком будет выглядеть жабой. Нет, троллем. Или ящерицей…

– Я поняла. – *Святые небеса, избавьте меня от совершенства.* – И где же он, мой уклоняющийся супруг?

– Устраняет последствия серьезной проблемы.

– И что это может быть?

– Серьезное и ужасное восстание.

– В Северном Устере?

– Точно. – Губы мужчины дернулись.

Эдриен захватило чувство безотлагательности. Не имеет значения, как она выдержит это, но дело должно быть сделано. Если ей предстоит встретиться с неизвестным, то она бы хотела заняться этим немедленно. Ожидание только ухудшало дело, и крики Лэрда Комина вместе с дикой какофонией сбивающихся флейтистов действовали ей на нервы. *Разве я не безумная Джанет? Это и сработает на меня.* Выпрямившись, во все свои пять с половиной футов, она нашла своего все еще бушующего «отца» и прокричала в толпу.

– Ох, замолчи, отец, и давай продолжим с этим! Я собираюсь выйти замуж, а ты только мешаешь этому. Ну и что, что он не приехал? Не могу сказать, что я осуждаю его за это.

В часовне установилась гробовая тишина. Эдриен могла поклясться, что она чувствовала – человек рядом с ней дрожит от подавляемого смеха, хотя она и не осмеливалась снова посмотреть на него.

Шепот «Безумная Джанет» пробежал по часовне, и Эдриен почувствовала прилив облегчения. Эта слава сумасшедшей может быть полезна. Поскольку она подчиняется приказам Комина сегодня, она может быть странной, как квадратный *мячик,* и никто не посчитает это неподобающим.

Эдриен беспокоилась, что не сможет запомнить всех деталей, о которых ей рассказал Комин; что она ошибется, и кто-нибудь в доме ее будущего мужа обнаружит, что она притворщица. Как только выясниться, что она самозванка, то Комин выполнит свою угрозу и убьет ее.

Внезапно это давление исчезло как облачко дыма. Здесь и сейчас (если она действительно находится здесь и сейчас) она была сумасшедшей Джанет Комин. Как она может отвечать за то, что она сказала или сделала, если это не имело смысла? Безумие было правом на свободу.

Право делать и говорить все, что она хочет – и без последствий.

Ни Эберхарда, ни пистолетов, ни плохих воспоминаний.

Возможно, это и не такое плохое место, в конце концов.

Глава 5

Эдриен бродила по землям Далкита уже несколько часов, когда набрела на кузнеца. После изнурительного двухдневного путешествия из замка Комин до ее нового дома Далкит-на-море на капризной лошади, она планировала завалиться в ближайшую мягкую постель и спать сутки напролет, и когда проснется (если она все еще будет здесь), найти бутылку хорошего шотландского виски и напиться до бесчувствия. И после снова проверить, будет ли она все еще в этом месте.

Но мало того, что она не смогла найти мягкую кровать в шумном замке, но там не нашлось ни виски, ни признаков ее мужа, да и все вокруг попросту игнорировали ее. Чертовски сложно было почувствовать себя дома. Гримм быстро отделался от ее компании, как только они вошли за розовые гранитные стены замка Дуглас, хотя он вел себя по-джентльменски во время путешествия.

Но она не была дурой. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что она не была желанной женой. Женитьба по доверенности, никакого приема в замке, да и мужа не

видно. Определенно, она нежеланная жена.

Эдриен оставила бесплодные поиски своего мужа, кровати и бутылки, и отправилась прогуляться, чтобы исследовать свой новый дом.

Так что это вышло случайно, что она протиснулась через рябиновые деревья и натолкнулась на кузницу на краю леса. Натолкнулась на человека, одетого только в килт, качающего кузнечные мехи и кующего стальную подкову.

Эдриен слышала, что ее муж по договоренности слишком красив для смертного, но рядом с этим мужчиной великолепный Гримм действительно выглядел бы настоящей жабой.

Просто в двадцатом веке уже нет вокруг таких настолько неукротимых мужчин, думала она в беспомощном очаровании наблюдая за его работой. Чтобы увидеть такого мужчину в двадцатом веке, женщине придется каким-то образом проникнуть в святилище гантелей и свободных тяжестей, где мужчины создают свое тело с уважением к себе. Но в этом веке такие мужчины существовали просто по воле природы.

Его мир требовал, чтобы он был сильным, чтобы он выживал, командовал, терпел.

Когда кузнец повернулся и нагнулся, чтобы поменять молоток, она увидела ручеек пота, который каплями сбегал от его брови по щеке, с брызгами падал на его грудь, и струился, о, так медленно, вдоль мощных рядов мускулов на его животе.

К его пупку, к поясу его килта и еще ниже. Она зачарованно посмотрела на его ноги, ожидая, когда капли пота вновь появятся на этих мощных икрах, и отчаянно размышляя о каждом дюйме пути в промежутке.

Таким сильным жаром веяло от кузницы, такой странной казалось ее потребность, что Эдриен не осознала, что он остановился уже несколько мгновений назад.

До того, как подняла глаза от его груди, чтобы встретится взглядом с его темными, неулыбчивыми глазами.

Она задохнулась.

Он приблизился к ней и она поняла, что должна сбежать. И все же она знала, что не сможет сбежать, даже если от этого зависит ее жизнь. Что-то такое в его глазах…

Его рука была шершавой, когда он сжал ее подбородок, заставив ее снова посмотреть в его глаза горящими серебристыми глазами.

– Есть ли какое-нибудь поручение, которое я могу выполнить для вас, моя прекрасная королева? Может быть, вам нужно что-то, нуждающееся в страстном формировании и лепке? Или, возможно, я смогу изменить форму моего стального копья в печи вашей кузницы, миледи?

Ее глаза дико блуждали по его лицу. *Спокойствие* , скомандовала она себе.

Он безжалостно встряхнул ее.

– Вам нужны мои услуги?

– Это просто жара, и ничего больше, – хрипло произнесла она.

– Да, да, это, несомненно, *жара* , красавотка. – В его глазах был дьявольский блеск. – Идем. – Он схватил ее за руку и начал продвигаться быстрым шагом.

– Нет! – Она ударила его по руке.

– Идем, – скомандовал он, и ее посетило странное чувство, что своими глазами он проник внутрь ее и приказал ее воле повиноваться его приказам. Это испугало ее.

– Отпусти меня! – задохнулась она.

Его глаза глубже заглянули в ее, и хотя она знала, что это сумасшествие, Эдриен чувствовала, что она как будто сражается за что-то страшно важное для себя. Она знала, что она не должна идти с этим мужчиной, но она не могла понять с чего она это взяла. Она чувствовала опасность, темноту и первобытность. Неестественная и древняя опасность, выходящая из-под ее контроля. Если он откроет свой жестокий красивый рот и скажет еще раз *идем* , она может просто это сделать.

Он открыл свой рот. Она собрала волю в кулак, чтобы выслушать команду, которая, как она знала, последует.

– Отпусти мою жену, – приказал низкий голос позади них.

Глава 6

Итак, этот мужчина в кузнице не был ее мужем. О, Господь небесный, что же она увидит, когда повернется? Осмелится ли она повернуться?

Она немного обернулась, думая, что взгляд искоса и украдкой будет безопаснее. Сможет уменьшить воздействие. Эдриен скоро поняла, как она ошиблась. Ничто не смогло бы уменьшить впечатление *от этого* мужчины.

Валгалла[1] справа. Обретенный рай слева[2].

Она зажата между трюфелем Годивы и шоколадным эклером.

Между молотом и наковальней. И выглядит это как очень трудный выбор между двумя. *Я ненавижу красивых мужчин* , взволнованно огорчилась она. *Ненавижу их. Ненавижу их. Ненавижу их. Но как устоять…*

Руки кузнеца сжали ее талию сзади, и он попытался притянуть ее обратно к своему скульптурному телу.

– Отпусти меня! – закричала она, сбрасывая странную пелену, окутавшую ее мозг.

Кузнец отпустил ее.

И этот большой, красивый мужчина, смотревший на нее – легендарный Хок – выглядел свирепым, как Один[3], приготовившийся поразить ее молнией. Она фыркнула.

– Не надо так смотреть на меня. Ты даже не потрудился появиться на нашей свадьбе. – Эдриен начала прохаживаться. Если она действительно Джанет, то как бы чувствовала себя она? Как ужасно быть выданной замуж как недвижимость и затем терпеть такое скупое внимание со стороны новых родственников! – Я провела два несчастных непогожих дня на спине лошади и здесь когда-нибудь прекращает лить дождь, в этом ужасном месте? Понадобилось два дня, чтобы добраться сюда! Любезный Гримм избавился от меня в тот момент, когда мы прибыли в Далкит. Ты даже не потрудился поприветствовать меня. Никто не показал мне моей комнаты. Никто не предложил мне поесть. Или попить, если на то пошло. – Она сделала паузу в длинном перечне и прислонилась спиной к дереву, руки лежали на бедрах, одна нога постукивала о землю. – И затем, так как я не смогла найти места, чтобы поспать, не боясь, что оно принадлежит кому-то другому, я пошла прогуляться, до тех пор, пока ты наконец не соизволил явиться и теперь ты уставился на меня? Хорошо, ты должен узнать…

– Замолчи, девушка.

– Что я *не* отношусь к женщинам того типа, которых можно отодвинуть в сторону и они послушно примут это. Я понимаю, когда меня не хотят…

– Вы определенно желанны, – промурлыкал кузнец.

– И мне не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы…

– Я сказал, замолчи.

– И я даже не получила ни одного свадебного подарка! – добавила она, гордясь тем, что подумала об этом. Да, Джанет конечно обиделась бы.

– Тихо! – заорал Хок.

– И я не выполняю приказов. Ух! – Выдохнула Эдриен, когда ее муж неожиданно преодолел разделявшее их расстояние и повалил ее на землю. Как только она упала на землю, с приземлившимся на нее мужчиной, весом с маленького носорога, он перекатился через нее насколько раз, сжимая ее в объятиях. Она услышала как кузнец негромко выругался, затем раздался звук бегущих ног, в то время как она изо всех сил пыталась вырваться из его стальных объятий.

– Не двигайся! – прорычал Хок, его теплое дыхание согрело ее ухо. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что он держит ее как бы охраняя, закрывая своим телом

---

1 Валгалла – Valhalla – это в скандинавских мифах рай…

2 (Валгалла справа. Обретенный рай слева). Равноценные вещи, среди которых выбор сделать не просто.

3 Скандинавский верховный бог.

как щитом. Эдриен подняла голову и увидела, что его темные глаза внимательно исследуют опушку леса.

– Что ты делаешь? – прошептала она, сердце ее стучало как барабан. От того, что ее так грубо швырнули на землю, уверяла она себя, а не от того, что лежит в объятиях сильных мужских рук. Она беспокойно дернулась.

– Не двигайся, я сказал.

Она продолжала извиваться, отчасти вопреки ему, отчасти – чтобы избавиться от его ноги между своих бедер, но в конечном итоге она оказалась прижатой своим мягким местом к его – о, боже – несомненно, он не ходит в *таком* виде все время! Она резко дернулась от этого прикосновения и услышала приглушенный стук, звук удара кости о кость, когда ее голова сильно ударила его по челюсти. Он тихо выругался, затем прозвучал грохот его низкого хриплого смеха и он крепче сжал руки вокруг нее.

– Ты маленькая мегера, не так ли? – прошептал он ей на ухо.

Она яростно вырывалась из его рук.

– Отпусти меня!

Но он не отпустил. Он только ослабил свою крепкую хватку для того, чтобы перевернуть ее, так, что она оказалась распростертой на нем, лицом к нему. *Это была большая-пребольшая ошибка* , мрачно подумала она. Эта поза вызвала целую россыпь новых проблем, начиная с того, что ее груди были прижаты к нему, ее нога была зажата между его ногами, и ее ладони распластались на его мускулистой груди. Его белая льняная рубашка была расстегнута, и от его груди исходил истинно мужской жар. С его высокомерно изогнутой нижней губы капала кровь, и на один безумный момент она задумалась о том, чтобы слизать ее. Одним быстрым, изящным движением он перекатился и лег сверху на нее, и она задохнулась. Ее губы приоткрылись. Безмолвная и очарованная, она смотрела и понимала, что мужчина, который женился на ней по доверенности, собирается поцеловать ее, и она была совершенно уверена, что если он это сделает, то ее жизнь неотвратимо изменится.

Она издала резкий возглас. Он улыбнулся и склонил свою голову к ее голове.

И тут внезапно на поляне показался кузнец.

– Ни черта нет! – сплюнул он. – Кто бы это ни был, он сбежал.

Хок резко двинулся в изумлении, и Эдриен воспользовалась моментом, чтобы оттолкнуть его. С таким же успехом она могла бы двигать Сфинкс по песку до Нила.

И только тогда Эдриен увидела стрелу, все еще дрожащую, в дереве, перед которым она стояла несколько мгновений назад, увлеченно ругая своего новоиспеченного мужа. С широко раскрытыми глазами, она вопросительно посмотрела на Хока. Это было слишком странно.

– Кого ты оскорбила? – Ее муж резко потряс ее. – Кто хочет убить тебя?

– Откуда ты знаешь, что они не хотели убить тебя? Что, если это был лишь плохой выстрел?

– Никто не хочет убить меня, девушка.

– Из того, что я слышала, твоя последняя любовница именно это пыталась сделать, – злобно парировала она.

Его лицо с безупречным бронзовым загаром слегка побледнело.

Кузнец рассмеялся.

Ее шея начала болеть от того, как ей приходилось смотреть на него.

– Слезь с меня, – проворчала она своему мужу.

Она не была готова к тому, что глаза Хока потемнеют и он скатится с нее и оттолкнет ее в сторону.

– Хотя ты упорно отвергаешь меня, *жена* , я думаю, что возможно я понадоблюсь тебе, – тихо сказал Хок.

– Я так не думаю, – яростно ответила она.

– Я буду рядом, если ты передумаешь.

– Я рискну. Никто не стрелял ничем в меня, до тех пор, пока не показался ты. И выходит, две попытки, о которых я знаю, были в твоем направлении, и ни одной – в мою сторону. – Она поднялась и встряхнула свое платье. Грязь и крапива пристали к тяжелой ткани. Она вытащила несколько листьев из волос и отряхивала пыль с заднего места, пока не почувствовала неприятное ощущение. Медленно подняв глаза от одежды, она обнаружила, что оба мужчины смотрят на нее волчьими глазами. Большие, голодные волки.

– Что такое? – отрывисто бросила она.

Кузнец снова засмеялся. Звук его смеха был низким, глубоким и таинственным.

– Думаю, леди не понимает, как сладко и жестоко привлекать такой красотой.

– Избавьте меня от этого, – устало произнесла она.

– Прекрасен рассвет девичьего румянца, густой и яркий, и сочный. – Ее муж не собирался оставаться в долгу.

Эдриен топнула ногой и посмотрела ни этих двоих. Где же ее Шекспир, когда он ей так нужен?

– Ведь клялся я, что солнце ты точь-в-точь, а ты черна как ад, темна как ночь[1], - пробормотала она.

Кузнец запрокинул голову назад и разразился громким смехом. На губах ее мужа появилась одобрительная усмешка ее остроумию.

Затем Хок встал и протянул ей руку.

– Объявим перемирие, девушка.

Объявить перемирие. Этот мужчина мог бы заставить ангела плакать от зависти. Но она была голодна. Хотела пить. И устала. Она взяла его руку, яростно поклявшись ничего больше от него не брать. Никогда.

Когда муж уводил ее с открытого участка, голос кузнеца следовал за ними вместе с жасминовым ароматом, и она удивилась, что ее муж не реагирует на слова. Или он не был собственником, или просто не слышал. А она ясно слышала, как кузнец сказал:

– Женщина, которая считает всех мужчин лишь слабыми котятами, слизывающими сливки, я могу перенести тебя в такие места, о которых ты лишь мечтала.

– Да, в кошмарах, – проворчала она, и услышала позади его негромкий смех.

Ее муж внимательно посмотрел на нее.

– Что такое?

Она тяжело вздохнула.

– Ночные кошмары преследуют меня по пятам. Мне немедленно нужно лечь спать.

Он кивнул.

– А затем мы поговорим.

Конечно. Если я все еще буду в этом богом забытом месте, когда проснусь.

* * *

Сидхок Джеймс Лайон Дуглас потер свой небритый подбородок мозолистой рукой. Гнев? Возможно. Недоверие – это точно. Собственнический инстинкт. Откуда, к дьяволу, он взялся?

Ярость. Да, это она. Холодная, темная ярость грызла его изнутри, и крепкое виски только усиливало боль.

Он стоял и голодными глазами наблюдал за своей новобрачной. Он видел, что она испытывала примитивное и неукротимое влечение к мужчине – и этим мужчиной был не он. Невероятно.

– Продолжай пить в том же духе, и мы ни за что не сможем отправиться утром в Устер, – предупредил его Гримм.

– Я не собираюсь отправляться утром в Устер. А то к тому времени, когда я вернусь, моя жена уже будет беременна.

---

1 У.Шекспир. Сонеты. Сонет 147. (пер с англ. И.Ивановского).

Гримм ухмыльнулся.

– Знаешь, она в полной ярости из-за тебя.

– Она в ярости из-за *меня* ?

– Ты был слишком пьян, чтобы венчаться, не говоря уже о том, чтобы переспать с ней, а теперь ты волнуешься из-за того, что она с симпатией взглянула на Адама.

– С симпатией? Да она с удовольствием уложила бы его на поднос и пообедала им, облизываясь!

– И что?

– Она моя жена.

– Ох, это становится слишком сложным для меня. Ты говорил, что тебя не волнует, что с ней станет, как только дело будет сделано. Ты поклялся исполнить обещание, и ты это сделал. Так откуда же этот дурацкий гнев, Хок?

– Моя жена не будет наставлять мне рога.

– Я полагал, что мужу можно наставить рога, только если это его беспокоит. А тебе все равно.

– Никто не *спрашивал* меня, все ли мне равно.

Гримм заморгал, удивленный тем, как ведет себя Хок.

– Все девушки точно так же смотрят на Адама.

– Но она даже не замечала меня. Она хотела Адама. Ад и все дьяволы, кто нанял этого кузнеца, в конце концов?

Гримм задумался над кружкой.

– Разве не Томас был кузнецом?

– Если подумать, то да.

– И куда он делся?

– Я не знаю, Гримм. Вот почему я спрашиваю у тебя.

– Хорошо, кто-то нанял Адама?

– Не ты?

– Нет. Я думал, что это был ты, Хок.

– Нет. Может, он брат Томаса и Томас заболел.

Гримм засмеялся.

– Уродливый Томас его брат? Никаких шансов, что это правда.

– Избавься от него.

– От Адама?

– Да.

Молчание.

Затем:

– Ради всех святых, Хок, ты это несерьезно! Это не похоже не тебя – лишать человека средств к существованию из-за того, как на него смотрит девушка…

– Эта девушка является моей женой.

– Да – и ты не хотел ее.

– Я передумал.

– Кроме того, он весьма удовлетворяет Эсмеральду, Хок…

Сидхок глубоко вздохнул.

– Так и быть.

Он помолчал в течение нескольких мгновений, все еще ревнуя.

– Гримм?

– Хм-м?

– Скажи ему, чтобы он не раздевался во время работы. И это приказ.

Но Хок не мог оставаться спокойным. Он осознал, куда он пришел, только войдя в янтарный круг света от очага под рябиновыми деревьями возле кузницы Адама.

– Добро пожаловать, Лорд Хок из Далкита-на-море.

Хок обернулся кругом и оказался лицом к лицу с блестящим кузнецом, который как-то

сумел оказаться у него за спиной. Не многие мужчины могли застать Хока врасплох, и на мгновение Хок был удивлен так же сильно, как и зол на кузнеца.

– Я не нанимал тебя. Кто ты?

– Адам, – спокойно ответил кузнец.

– Адам кто?

Кузнец подумал, затем просиял шаловливой улыбкой:

– Адам Блэк.

– Кто тебя нанял?

– Я слышал, что вам нужен человек, чтобы присматривать за кузницей.

– Держись подальше от моей жены. – Хок поразился, услышав какие он произносит слова. *Ради всего святого, он разговаривал как ревнивый муж!* Он собирался выяснить вопрос о том, кто нанял кузнеца, но, очевидно, уже он не мог контролировать ни свои слова, ни свои ноги; по крайней мере, не там, где дело касалось его новоиспеченной жены.

Адам дьявольски рассмеялся.

– Я не сделаю ничего, что не захочет от меня леди.

– Ты не сделаешь ничего, что я не захочу, чтобы ты делал.

– Я слышал, леди не хочет *тебя* .

– Она передумает.

– А если нет?

– Все девушки по мне с ума сходят.

– Забавно. У меня такая же проблема.

– Ты слишком непочтителен для кузнеца. Кто был твоим прежним Лэрдом?

– Я не знаю ни одного человека, достойного называться моим хозяином.

– Забавно, кузнец. У меня такая же проблема.

Мужчины стояли лицом к лицу. Сталь к стали.

– Я могу изгнать тебя с моих земель, – с нажимом сказал Хок.

– Ах, но тогда ты никогда не узнаешь, кого она бы выбрала – тебя или меня, не так ли? И я подозреваю, что глубоко в тебе есть ядро благопристойности, которое взывает к старомодным ценностям, таким как справедливость, галантность, честь и правосудие. И это глупо, Хок. Все рыцари скоро исчезнут так же, как пыль мечтаний уходит с переменчивыми иллюзиями времени.

– Ты обнаглел. И с этого момента ты здесь не работаешь.

– Ты боишься, – изумился кузнец.

– Боюсь? – недоверчиво эхом отозвался Хок. Этот глупый кузнец дерзнул, стоя на его земле, утверждать, что он, легендарный Хок, боится? – Я ничего не боюсь. И уж конечно, не боюсь тебя.

– Да, ты боишься. Ты видел, как твоя жена смотрела на меня. Ты боишься, что ты не сможешь удержать ее вдали от меня.

Горькая, язвительная усмешка искривила губы Хока. Он не был человеком, способным обманывать себя. Он боялся, что не сможет держать жену вдали от кузнеца. Это раздражало его, злило его, и все же кузнец был также прав относительно его внутреннего благородства. Благородство, которое требовало, как подозревал Гримм, не лишать человека средств к существованию из-за собственной неуверенности в своей жене. Это был тот редкий случай, когда Хок почувствовал, что благородство до мозга костей – это досадная помеха. – Кто ты на самом деле?

– Простой кузнец.

Хок изучил его в лунном свете, струящемся сквозь ветви рябин. В нем не было ничего простого. Что-то крутилось в его сознании, проскальзывало в отрывках памяти, но он не мог уловить это.

– Я знаю тебя, не так ли?

– Теперь знаешь. И скоро также и она узнает меня.

– Почему ты провоцируешь меня?

– Сначала ты спровоцировал меня, когда соблазнил мою королеву.

Кузнец выплюнул эти слова, резко отвернувшись.

Хок покопался в памяти, пытаясь вспомнить королеву, которую он соблазнил. На ум не пришло никаких имен, но он никогда не мог их вспомнить. Где-то, когда-то, Хок отбил женщину у этого мужчины. И теперь этот мужчина собирается поиграть в такую же игру с ним. С его женой. Часть Хока пыталась показать, что ему все равно, но с того момента, как он увидел Безумную Джанет сегодня, он понял, что он пропал – впервые в своей жизни. Он увяз глубоко, почти целиком, и если ее сияющие серебристые глаза заманят его в болото, он с готовностью отправится туда.

Что можно сказать мужчине, чью женщину ты соблазнил? Ему нечего было сказать кузнецу.

– Я не хотел нанести оскорбление, – наконец выдавил Хок.

Адам обернулся кругом и его улыбка была слишком широка.

– В любви все средства хороши. Ты все еще хочешь отослать меня отсюда?

Хок долго смотрел на него. Кузнец был прав. Что-то внутри него взывало к справедливости. Честные сражения должны вестись на равных условиях. Если он не сможет удержать девушку, если он уступит ее другому мужчине… Его гордость горячо сопротивлялась этому. Если его жена оставит его, неважно хотел он начать жизнь с ней или нет, и ради такого вот кузнеца, отлично, тогда легенда о Хоке будет спета совершенно в другом духе.

Но даже хуже этого, если он уволит кузнеца этой ночью, он никогда точно не узнает, предпочтет ли его жена, Хока Адаму Блэку. И это имело для него значение. Сомнения вечно мучили бы его. Ее образ, то, как она стояла сегодня, прислонившись к дереву и уставившись на кузнеца – ах! Это снилось бы ему в кошмарах, даже в отсутствие Адама.

Он позволит кузнецу остаться. И этой ночью Хок соблазнит свою жену. Когда он полностью убедиться в прочности ее привязанности, *тогда* , возможно, он сможет уволить ублюдка.

Хок хладнокровно взмахнул рукой.

– Как пожелаешь. Я не буду настаивать на твоем отсутствии.

– Как я пожелаю. Это мне нравится, – самодовольно ответил Адам Блэк.

* * *

Хок медленно шел через внутренний двор, потирая голову, которая все еще болела от запойной пьянки на протяжении трех ночей. Обещание, навязанное королем Яковом, было выполнено. Хок женился на дочери Комина и этим выполнил последний приказ Якова. Далкит снова стал безопасным местом.

Хок надеялся, что пословица «с глаз долой – из сердца вон» на самом деле работает, и король Яков забудет о Далкит-на-море. Все эти годы он буквально выполнял извращенные распоряжения Якова, только для того, чтобы король требовал от него все больше, до того, как своим окончательным королевским распоряжением он лишил Хока последнего шанса обрести свободу. Почему это удивило его? В течение пятнадцати лет король получал удовольствие в том, что лишал его выбора, сводя его возможности к одному единственной – повиноваться своему королю или умереть, вместе со всем кланом.

Он вспомнил тот день, когда Яков вызвал его к себе, всего за три дня до окончания срока его службы.

Хок явился, его любопытство усилилось, когда он вошел в просторный тронный зал, где воздух был пропитан духом напряженного ожидания.

Считая, что это еще одна из махинаций Якова – и надеясь, что это не имеет ничего общего с ним или Далкитом – Хок приблизился к возвышению и преклонил колени.

– Мы устроили брак для тебя, – объявил Яков, когда шум в зале затих.

Хок застыл. Он чувствовал на себе тяжелые взгляды придворных, смотрящих на него с

весельем, с насмешкой и с …. Жалостью?

– Мы выбрали наиболее подходящую, – Яков сделал паузу и злобно засмеялся, – жену, чтобы скрасить остаток твоих дней в Далките.

– Кого? – Хок выдавил из себя только одно это слово. Если сказать больше, то он выдаст себя, выдаст тот злобный протест, кипящий в его венах. Он не мог доверять себе и говорить, когда каждая его клеточка его тела кричала от сопротивления.

Яков улыбнулся и показал жестом Кровавому Комину подойти к трону, и Хок почти зарычал от гнева. Конечно, это не печально известная Безумная Джанет! Яков не заставит его жениться на сумасшедшей старой деве, которую Кровавый Комин держит в дальней башне.

Яков растянул уголки рта в насмешливой ухмылке.

– Мы выбрали Джанет Комин тебе в невесты, Хок Дуглас.

Придворные разразились тихим смехом. Яков радостно потирал руки.

– Нет! – Слово вырвалось у Хока с порывом воздуха, слишком поздно он попытался вернуть его назад.

– Нет? – эхом отозвался Яков, его улыбка моментально стала холодной. – Мы только что услышали твой отказ в выполнении нашего приказа?

Хок перевел взгляд на пол. Глубоко вздохнул.

– Нет, мой король. Боюсь, я выразился недостаточно ясно. – Хок сделал паузу и с трудом сглотнул. – Что я имел в виду, так это «нет, вы и так уже были слишком добры ко мне». – Ложь обожгла его губы и оставила во рту привкус обугленной гордости. Но Далкит будет в безопасности.

Яков хихикнул, весьма удивленный быстрой капитуляцией Хока, потому что он наслаждался, когда демонстрировал степень своих королевских полномочий. Хок с горечью отметил, что снова Яков имеет все преимущества на своей стороне.

Когда Яков снова заговорил, его голос источал яд.

– Если ты не женишься на дочери Комина, Хок Дуглас, мы сотрем все следы Дугласов в Шотландии. Ни одному отпрыску вашей крови не удастся уцелеть, если ты не сделаешь этого.

Это была та же угроза, которую Яков использовал, чтобы контролировать Хока Дугласа, и единственная, которая была так безжалостно эффективна, снова и снова. Хок склонил голову, чтобы скрыть свою злость.

Он хотел бы сам выбрать себе жену. Неужели он просил слишком многого? В течение пятнадцати лет службы, мысль о том, чтобы выбрать подходящую женщину, вернуться в Далкит, и воспитывать потомство вдали от развращенного двора Якова, помогала ему сохранить свои мечты, несмотря на попытки короля запятнать и уничтожить их, одну за другой.

Хотя Хок больше не был тем человеком, который верит в любовь, он верил в семью и клан, и мысль о том, чтобы провести остаток дней с замечательной женщиной, окруженным детьми, сильно привлекала его.

Он хотел прогуливаться по побережью и рассказывать истории своим сыновьям. Он хотел иметь прелестных дочерей и внуков. Он хотел заполнить детскую в Далките. Ох, детская – эта мысль ужалила его; эта новое выполнение приказа было гораздо более горьким и болезненным, чем все, что король ранее сделал ему. *Теперь я никогда не смогу заполнить детскую – если моя жена будет нести в себе семена безумия!*

И не будет никаких малышей – во всяком случае, законных – для Хока. Как он перенесет то, что он никогда не сможет подержать своего собственного ребенка?

Хок никогда не говорил о своем желании иметь семью; он знал, что если Яков узнает об этом, он уничтожил бы доже слабую возможность этого. Значит, Яков или каким-то образом догадался, или решил, что так как он сам не может взять в жены ту, которую хочет, то этого не сможет и Хок.

– Подними голову и посмотри на нас, Хок, – приказал Яков.

Хок медленно поднял голову и уставился на короля безжизненными глазами.

Яков изучил его и затем обратил свой сияющий взгляд на Кровавого Комина и добавил окончательную угрозу, чтобы гарантировать выполнение договора:

– Мы уничтожим также и Коминов, если этот приказ не будет выполнен. Ты слышал, что мы сказали, Кровавый Комин? Не подведи нас.

Лэрд Комин казался странно встревоженным приказом Якова.

Склонив колени перед двором Якова, Хок подчинил себе последнюю из своих мятежных мыслей. Он осознавал жалостные взгляды солдат с которыми он служил, симпатию во взгляде рима, удовлетворенную ненависть и самодовольные насмешки низших по положению Лэрдов, которые давно обижались на успех Хока у женщин, и принял тот факт, что он женится на Джанет Комин, даже если она будет беззубой, древней, сумасшедшей старой каргой. Хок Дуглас всегда сделает все что угодно, чтобы сохранить Далкит и его жителей в безопасности.

Мельница слухов производила бесконечные истории о Джанет Комин, сумасшедшей старой деве, содержащейся взаперти, потому что она была неизлечимо безумна.

Шагая по мощеному проходу, ведущему ко входу в Далкит, Хок громко рассмеялся над фальшивым образом Безумной Джанет, который он создал в своем воображении. Он осознал, что Яков очевидно знал о ней не больше, чем все остальные. Потому что Яков никогда не связал бы Хока с такой женщиной, если бы знал, какова она на самом деле. Она слишком красивая, слишком пылкая. Яков хотел заставить Хока страдать, и единственный способ заставить страдать мужчину рядом с такой женщиной – это невозможность коснуться ее, невозможность почувствовать вкус ее поцелуев и насладиться ее чувственным обещанием.

Хок не ожидал ничего подобного тому сияющему, роскошному существу со страстным характером, которое он встретил у кузницы. Он послал рима в самый последний день, чтобы жениться на девушке по доверенности, намереваясь полностью игнорировать ее, когда она приедет. Он довел до сведения каждого, что никто не должен встречать ее. Жизнь в Далките будет продолжаться, как будто ничего не изменилось. Он решил, что если она хотя бы вполовину так безумна, как утверждают слухи, то, возможно, она будет даже не в состоянии понять, что она вышла замуж. Он подумал, что несомненно сможет найти способ справиться с ней, даже если это приведет к тому, чтобы запереть ее где-нибудь, далеко от Далкита. Яков приказал ему жениться, но ничего не сказал о том, чтобы жить вместе с ней.

А потом он увидел «Безумную» Джанет Комин. Как разъяренная богиня, она хлестала его словами, демонстрируя остроумие, обрученное с неземной красотой. Он не мог вспомнить ни одной девушки, которая вызвала бы у него такой сильный, сжимающий голод, который он ощутил, когда ласкал ее глазами. Пока она ласкала своими этого проклятого кузнеца.

Слухи не могли быть более лживы. Если бы Хок смог выбирать для себя женщину сам, качества, которыми обладала Джанет – независимость, быстрый ум, соблазнительное тело и храброе сердце – были бы теми качествами, которые бы он искал.

Возможно, удивился Хок, жизнь все-таки может повернуться к лучшему, после всего.

Глава 7

Эдриен знала, что ей это снится. Одна безнадежно застряла все в том же ужасном кошмаре, который месяцами преследовал ее; в котором она убегала из темных пустынных аллей Нового Орлеана, пытаясь обогнать смерть.

И не важно, каких усилий ей стоило контролировать ход сна, она никогда не могла достичь в нем безопасности. Неизбежно Эберхард загонял ее в покинутый склад на Блу Магнолиа Лейн. Только один момент во сне значительно отличался от реальности, через которую Эдриен прошла наяву – в ее кошмаре она не успевала вовремя достать пистолет.

Она проснулась, дрожащая и бледная, ее лицо было покрыто маленькими капельками пота. И здесь оказался Хок, сидящий в ногах ее постели, молча глядевший на нее. Эдриен

уставилась на него широко открытыми глазами. В сонном замешательстве ей показалось, что мрачное и прекрасное лицо Хока несет на себе следы дьявольской красоты Эберхарда, заставляя ее задуматься о том, каково различие между этими двумя мужчинами – если оно есть. После кошмара с участием одного смертельно привлекательного мужчины, проснуться и найти другого в такой тесной близости было слишком для ее измотанных нервов. Хотя она в сущности все еще не имела понятия о том, как она попала в шестнадцатое столетие, ее остальные воспоминания были прискорбно нетронутыми. Эдриен де Симон с мучительно ясностью помнила одну вещь – она не любит красивых мужчин и не доверяет им.

– Ты кричала, – поставил ее в известность Хок своим медоточивым голосом.

Эдриен округлила глаза. Разве обязательно ему произносить слова таким мурлыкающим голосом, каждый раз когда открывает свой совершенный рот? Такой голос может соблазнить слепую монахиню на отказ от обета целомудрия.

– Уходи, – пробормотала она.

Он улыбнулся.

– Я пришел только для того, чтобы посмотреть, не стала ли ты жертвой еще одной попытки убийств.

– Я же сказала тебе, что это не меня пытались убить.

Он осторожно сел, было заметно, что он ведет отчаянную внутреннюю борьбу с собой. Ее сознание прокручивало невольные остатки кошмара, когда легкий ветерок влетел в открытое окно и коснулся ее кожи. О господи, ее кожи! Она рванула шелковую простыню, в порыве раздражения пытаясь прикрыть почти обнаженную грудь. Проклятое платье, которое она нашла аккуратно уложенным на кровати – кем-то, кто, очевидно, имел меньше комплексов в отношении одежды по сравнению с ней – едва ли подходило для сна. Крошечные рукава скользили вниз по плечам, а нижняя часть платья собрана в складки, ярды прозрачной ткани объединялись в просвечивающую пену вокруг ее талии, едва скрывая ее бедра – и только в том случае, если она не двигалась. Эдриен крепко вцепилась в платье, пытаясь поправить его, не отрывая рук от простыни.

Хок застонал, и хриплый звук заставил ее нервные окончания дрожать от напряжения. Она заставила себя спокойно встретить его горящий взгляд.

– Джанет, я знаю, мы действительно начали свой брак не в самых лучших обстоятельствах.

– Эдриен. И я могу со всей определенностью подтвердить это.

– Нет, меня зовут Сидхок. Моего брата зовут Адриан[1]. Но большинство зовет меня Хок.

– Я имею в виду себя. Зови меня Эдриен. – В ответ на его вопросительный взгляд, она добавила. – Мое второе имя Эдриен, и я предпочитаю его.

Простая и легкая ложь. Она не могла надеяться, что все время будет откликаться на имя Джанет, так она когда-нибудь выдаст себя.

– Эдриен, – промурлыкал он, делая ударение на последнем слоге *Эдри-ЕН* . – Как я говорил, – он скользнул вдоль кровати так грациозно, что она осознала, что он переместился, только когда он уже был слишком близко. – Я боюсь, что мы плохо начали, но я надеюсь исправить это.

– Ты можешь исправить это, если немедленно уберешься с моих глаз долой. Сейчас же. Кыш.

Она надежно зажала простыню в кулаке одной руки и помахала другой, прогоняя его. Он удивленно смотрел на ее действия. Когда он не двинулся с места, она попыталась отослать его снова, но он поймал ее руку на полпути.

– Что за дивные руки, – нежно прошептал Хок, поворачивая их ладонями вверх и покрывая медленными поцелуями чувствительную серединку. – Я-то боялся, полагая, что Безумная Джанет – безобразная мегера. Теперь мне ясно, почему старый Комин прятал тебя в башне все эти годы. Ты воистину серебро и злато в сокровищнице Комина. С потерей тебя богатство его сократилось неизмеримо…

---

1 Adrian – в англ. яз. мужской вариант имени Adrienne.

– Ну все, с меня довольно, – оборвала его Эдриен, и Хок изумленно моргнул. – Послушай, Сидхок, Хок, или как там тебя зовут, все эти речи на меня не действуют. Если уж нам суждено маяться под одной крышей, давай сразу кое-что проясним. Во-первых, – она подняла руку, каждый раз выставляя по одному пальцу, и продолжила. – Ты мне не нравишься. Смирись с этим. Во-вторых: я не хотела выходить за тебя замуж, но похоже, у меня не было выбора.

– Ты вожделеешь другого мужчину! – мурлыканье сменилось грозным рыком.

– В-третьих, – продолжала Эдриен, обойдя вниманием его слова, – твои уловки самца меня совершенно не заводят. Пойми, ты не в моем вкусе…

– Зато Адам в твоем, верно? – челюсти его сжались, а в черных глазах полыхнула молния.

– Да уж побольше твоего, – солгала Эдриен в надежде, что это убедит его убраться из комнаты и оставить ее в покое.

– Так знай, ты его не получишь. Нравиться тебе это или нет – ты моя жена. Я не позволю наставлять себе рога!

– Тебе следовало *позаботиться* об этом раньше.

– Видно, надо было! – А может, он *уже* обзавелся рогами, только не мог толком понять, по какой такой причине.

– В общем, пойми, я *не могу* .

– Неужели я так тебе противен?

– Именно.

Он задумчиво посмотрел на нее. Затем обвел взглядом комнату. Изучающе оглядел потолочные балки. Но нигде не нашел скрытого ответа на свой вопрос.

– Девушки всегда считают меня самым привлекательным, – сказал он в конце концов.

– Может быть, в этом и заключается часть твоей проблемы.

– Прошу прощения?

– Мне не нравится твое отношение.

– Мое отношение? – глухим эхом отозвался он.

– Точно. А теперь, убирайся с моей постели и с моих глаз, и не разговаривай со мной больше этой ночью.

– Ты – самая дьявольская чертовка, какую я только встречал.

– А ты – самый пустой, неисправимый распутник из всех мужчин, которых я имела несчастье встречать.

– С чего ты взяла, что я именно такой? – удивился он.

– Мы можем начать с того, что ты был слишком пьян, чтобы появиться на собственной свадьбе.

– Это Гримм тебе сказал? Гримм ни за что бы не сказал тебе такое!

– Чума на мужскую солидарность. – Эдриен закатила глаза. – Все, что он собирался сказать мне – это то, что ты присматриваешь за восстанием. Полагаю, ты присматривал за восстанием в собственном животе. Служанка, которая отвела меня в эту комнату, до этого имела достаточно времени, чтобы рассказать мне кое-что. Все говорила и говорила, о том, как ты с тремя бочками вина и тремя женщинами провел неделю перед нашей свадьбой, пытаясь … ну, ты понимаешь, – Эдриен произнесла неразборчивое слово… – наружу твои мозги.

– *Что* наружу мои мозги?

– Ты знаешь.

Эдриен закатила глаза.

– Боюсь, нет. Итак, что это за слово?

Эдриен внимательно посмотрела на него. Он дразнит ее? Его глаза светятся обманом? Эта полуулыбка, искривившая его прекрасный рот, могла бы абсолютно точно растопить простыню, в которую она вцепилась, не говоря уже о ее собственной воле.

– Очевидно, кому-то из них все же удалось сделать это, потому что если у тебя

остались хоть какие-то мозги, ты *немедленно* уберешься отсюда, – отрезала она.

– Их было не три, – Хок проглотил смешок.

– Нет?

– Их было пять.

Эдриен стиснула зубы. И снова начала считать.

– Четвертое – этот брак будет только фиктивным. Временным.

– Бочек с вином, я имел в виду.

– Это *не* смешно.

Его раскатистый смех прозвучал опасно и тяжеловесно.

– Достаточно. Теперь мы посчитаем мои правила. Он поднял руку и начал загибать пальцы. – Во-первых, ты моя жена, и значит, ты будешь во всем меня слушаться. Если я прикажу тебе лечь в мою постель, то так и будет. Во-вторых, – он поднял другую руку, и она вздрогнула, опасаясь, что он ее ударит, но он крепко обхватил ладонью ее лицо и посмотрел ей в глаза, – ты станешь держаться подальше от Адама. В-третьих, ты будешь притворяться, что ты в восторге от того, что вышла за меня замуж – как на людях, так и наедине. В-четвертых, пятых и шестых, ты будешь держаться подальше от Адама. В седьмых, – он стащил ее с кровати и поставил на ноги одним быстрым движением, – ты детально объяснишь мне, что во мне тебе так не нравиться, но *после* того, как я займусь с тобой любовью, и в восьмых, мы заведем детей. Много. Возможно, дюжину. Возможно, я просто буду держать тебя в состоянии беременности начиная с этого момента и в будущем.

Глаза Эдриен расширялись все шире и шире, пока он продолжал говорить. К тому времени, как он перешел в теме детей, ее охватила полная паника. Она собрала вместе свои разрозненные мыслительные способности и начала искать наиболее эффективное оружие. Что она может сказать, чтобы удерживать такого мужчину на расстоянии? Его самолюбие. Его гигантское самолюбие и мужская гордость. Она должна это использовать.

– Делай что хочешь. Я буду просто думать об Адаме. – Она зевнула и начала изучать свои ногти.

Хок отступил назад, отдернув руки от ее тела, как будто он обжег их.

– Ты просто будешь думать об Адаме!

Он потер свой подбородок, не совсем веря в то, что он услышал, в то же время разглядывая видение, находившееся перед ним, полуодетое, закутанное в облако прозрачной ткани. Светлые блестящие волосы обрамляли самое прекрасное лицо, которое он когда-либо созерцал. Ее лицо имело форму сердечка, ее подбородок был изящным, но удивительно сильным. Ее губы были полными и бархатистыми, цвета сочной сливы, и у нее были пронзительные серебристо-серые глаза. Он дышала страстью, и казалось, не имела понятия о собственной красоте. Или ее это не заботило. Вожделение схватило его в кулак и крепко сжало. Его темные глаза пристально сузились. Кожа у нее была сливочно-белая, прекрасные плечи, тонкая талия, приятный изгиб бедер и ноги, которые тянутся до небес. Ее красота отпечаталась в нем, звала его. Эта девушка – явное совершенство.

Хотя Хок не был суеверным человеком, слова желания Грима, которое он загадал на падающую звезду, выбрали этот момент, чтобы всплыть в его сознании. Он пожелал Хоку встретить женщину с «остроумием и мудростью», умную женщину.

– Ты умеешь считать? – выпалил он.

– Я составляю бухгалтерские книги как профессионал.

– Ты умеешь читать и писать? – продолжал он.

– Бегло на трех языках, на двух – удовлетворительно. – Это была основная причина, по которой она смогла так хорошо подражать их произношению, и убедить всех, что она – Безумная Джанет Комин. Хотя многие слова и выражения, которые она использовала, могли показаться окружающим странными – они же считали, что она сумасшедшая – она быстро выучилась в замке Комина, переняв акцент с легкостью ребенка. Она всегда легко учила языки. А кроме того, она посмотрела абсолютно все снятые серии *«Горца»*.

Хок застонал. Вторая часть желания Грима гласила, что это женщина должна иметь

совершенные лицо и фигуру. На этот счет ему не нужно было задавать вопросы. Она была просто Венерой, которая проскользнула в его мир, и он ощутил ноющее предчувствие, что его жизнь никогда не будет прежней.

Итак, первые два требования, которые пожелал Гримм, выполнялись. Эта женщина обладала и умом и колдовской красотой.

Осталось последнее требование. Гримм определил то, что больше всего интересовало Хока. *Безоговорочный отказ на ее совершенных губах…*

Но на свете еще не существовало женщины, которая сказала бы «нет» Хоку.

– Девушка, я хочу тебя, – сказал он грубым, хриплым голосом. – Я доставлю тебе самое невероятное удовольствие, которое ты когда-либо испытаешь по эту сторону Валгаллы. Я смогу перенести тебя в рай, сделаю так, что тебе никогда не захочется возвращаться на землю. Ты позволишь мне перенести тебя туда? Ты хочешь меня? – Он ждал, но при этом он был уверен в том, что случиться.

Ее губы сжались в привлекательную складочку, и она сказала: «Нет».

* * *

– Ты наложил на меня *проклятие* этим своим чертовым желанием, Гримм! – крикнул Лэрд Сидхок Лайон Дуглас в беззвездное небо позже этой ночью.

Внутри круга из рябиновых деревьев Адам сгреб в кучу тлеющие угли и издал звук, слишком низкого тона, чтобы быть смехом.

* * *

Эдриен долго сидела в темноте на краю своей постели, после того как он ушел, и вздрогнула, от его хриплого крика, который, казалось, донесся до луны. *Проклятие?* Вот еще! Это она – та, что ли проклята.

Для него она – всего лишь одна из множества, и Эдриен де Симон твердо знала одну вещь – там, где замешан мужчина, она никогда не потерпит того, чтобы быть одной из многих.

Хотя она, как и легионы тех, кто пал до нее, была виновна в том, что хотела мужчину по имени Хок. Хотела его с безрассудным голодом, который превзошел по силе ее влечение к кузнецу. В глазах кузнеца было что-то почти пугающее. Как у Эберхарда. Но у Хока были прекрасные темные глаза с золотистыми искорками, прячущиеся под густыми угольно-черными ресницами. Глаза Хока намекали на невысказанные удовольствия, смех и, если она не придумала это, что-то похожее на пережитую боль, которую он держал на осторожном расстоянии.

Точно , язвительно сказала она себе. *Боль от того, что у него не хватает времени на то, чтобы заняться любовью со всеми красивыми женщинами в мире. Ты знаешь, кто он. Бабник. Не будь дурой, Эдриен.*

Но она не могла избавиться от чувства дискомфорта всякий раз, как она заставляла себя говорить ему жестокие и отвратительные слова. Возможно, он не заслужил их. То, что Хок был таким же смуглым и красивым, как Эберхард, вовсе не значило, что он был человеком такого же типа как тот. Она чувствовала раздражение от того, что она была несправедлива к нему, хотя и не видела никаких логичных причин для этого.

Ах, но есть ли какое-то логичное объяснение тому, как и почему ты внезапно прыгаешь назад из 1997 года в 1513? Она насмешливо фыркнула.

Эдриен привыкла к тому, чтобы изучать факты и иметь дело с реальной ситуацией, и не имело значения, насколько абсурдной казалась непосредственная реальность. Родившаяся и выросшая в Новом Орлеане, она понимала, что человеческая логика не может объяснить все на свете. Иногда в действие вступала высшая логика – а иногда ситуация дразняще ускользала от ее понимания. Недавно Эдриен больше удивлялась, когда вещи имели

какой-то смысл, чем если они не имели его вовсе – по крайней мере, тогда, когда происходили странные вещи, она чувствовала себя на своей территории. И несмотря на то, что это было крайне нелогично и совершенно невероятно, все пять ее органов чувств настаивали на том, что она точно больше не в Канзасе.

Неясное воспоминание маячило на периферии ее сознания…Что же она делала, до того, как пришла в себя на коленях у Комина? Она провела часы как в тумане, в неуверенности. Она могла вспомнить тяжелое ощущение того, что за ней наблюдают… И что еще? Странный запах, густой и пряный, который она вдохнула, перед тем как она… что? Эдриен с трудом попыталась протолкнуться через стену замешательства, но ей удалось лишь заработать себе головную боль.

Она сопротивлялась ей одно мгновение, затем поддалась ей. Эдриен пробормотала страстную молитву о том, чтобы высшая логика позади этой абсурдной реальности обошлась с ней более благосклонно, нежели тогда, когда ей на пути попался Эберхард.

Слишком плохо было то, что она не утратила часть этих воспоминаний, на самом деле отвратительных воспоминаний. Но нет, она не помнила лишь несколько непонятных часов, небольшой период времени. Возможно, шок от того, что произошло, теперь заглушал ее память. Но, несомненно, когда она приспособится к своему новому окружению, она выяснит, как это ей удалось пропутешествовать сквозь время. И еще она выяснит, как вернуться обратно.

Но потом она задумалась: хочу ли я на самом деле вернуться назад, к тому, что я там оставила?

* * *

Утром Эдриен умыла лицо ледяной водой и рассмотрела себя в блестящем полированном серебряном диске, висящем над тазом. Ах, небольшая роскошь. Горячая вода. Зубная паста. Чего же ей не хватает больше?

Кофе. Несомненно, кто-то в мире выращивал кофе в 1513 году. Если ее соблазнительный муж так хочет понравиться ей, возможно, он найдет кофе для нее – и сделает это быстро. Ей понадобится полный кофейник каждое утро, если она не будет спать ночами, как сегодня ночью.

К тому времени, когда Хок ушел из ее спальни прошлой ночью, она дрожала с головы до ног. Обаяние кузнеца было всего лишь слабым отголоском того влечения, которое мужчина по имени Хок оказывал на все ее органы чувств. Даже когда она просто стояла с ним рядом, он вызвал у нее трепет внутри и дрожь в коленях – в гораздо большей степени, чем это делал Адам. Она фыркнула, вспомнив правила, о которых ей говорил Хок. Четыре из них были о том, чтобы держаться подальше от кузнеца. Итак, это будет одним из верных способов, чтобы раздражать его, если она захочет это делать. После того, как она получит свой кофе.

Эдриен перебрала приданое Джанет, отыскивая что-нибудь достаточно простое, чтобы одеть. Натянув лимонно-желтое платье (как они умудрялись делать такие прекрасные ткани в этом веке?), она дополнила его золотым поясом на талии и несколькими найденными золотыми браслетами на запястьях. Мягкие кожаные туфли на ноги, небольшая встряска для серебристой гривы волос – и кофе приобрел такую же важность, как и возможность дыхания.

* * *

– Кофе, – прохрипела она, когда в конце концов сумела проложить себе путь через обширный замок и нашла нескольких человек, неторопливо наслаждающихся завтраком. За столом сидело двенадцать или более того человек, но единственными, кого Эдриен узнала, были Гримм и Он, и она в основном проговорила это слово предположительно в их направлении.

Все сидящие за столом уставились на нее.

Эдриен в свою очередь смотрела на них не моргая. Она тоже может быть грубой.

Я думаю, она сказала «кофе», – предположил Гримм после долгой паузы, – хотя я слышал более понятные звуки от некоторых наших соколов.

Эдриен закатила глаза. Утром ее низкий голос всегда звучал особенно хрипло.

– Мне нужен кофе, – терпеливо объяснила она. – И мой голос всегда звучит так по утрам.

– Такой голос нужно беречь, он мягкий и горьковатый, как лучший шотландский солод, – промурлыкал Хок. Его взгляд задержался на ее лице, затем мягко скользнул к ее ногам. Ради Бога, как может простой взгляд может вызвать ощущение того, что он освобождает ее тело от платья, медленно и приятно?

– Разве этот парень с Цейлона не оставил запас каких-то странных вещей в кладовой? И меня зовут Лидия Дуглас, кстати, этот негодяй…

– Мама…

– Молчи. Ты испортил свадьбу, и сейчас ты устраиваешь совершенный беспорядок, так что молчи.

Эдриен простила его немедленно в тот момент, потому что он выглядел как маленький мальчик, моргая в тишине.

– Миледи, – сказала она, пытаясь сделать реверанс, и надеясь что она правильно обращается к матери Хока, потому что эта женщина интуитивно понравилась ей, даже если она и произвела на свет этого властного бабника.

– Зови меня Лидия, и если позволишь – Эдриен? Хок сказал мне, что ты предпочитаешь, чтобы тебя называли так.

– Эдриен – это будет замечательно. Кофе?

Лидия рассмеялась, очевидно, не растерявшаяся от этой навязчивой идеи.

– Я думаю, что ты привыкла пить это крепкое варево по утрам. Мой целитель говорил мне, что оно имеет омолаживающие свойства и естественным образом придает энергию.

– Да.

Эдриен утвердительно кивнула.

– Кладовая, Хок, – напомнила Лидия сыну.

– Вы собираетесь меня отпустить? – язвительно спросил он.

– Когда это ты меня слушал? – спросила, блеснув глазами, Лидия. – Возьми с собой свою новобрачную, помоги ей найти кофе. И Эдриен, если тебе понадобится что-то еще, например, человек который умеет слушать и сопереживать, найди меня. Я провожу большую часть дня в моих садах. Любой может указать тебе путь.

– Спасибо. – Эдриен сказала это от всего сердца. Как здорово, что кто-то наконец оказал ей дружественный прием! Кто-то не мужского пола и не тот, чью красоту почти невозможно терпеть.

– Пойдем. – Хок предложил ей руку. Отказавшись притронуться к ней, она нежно сказала: – после тебя.

– Нет, девушка, после тебя. – Он показал ей жестом. Он последует за очаровательным изгибом ее бедер сквозь всех рогатых прислужников ада.

– Я настаиваю, – возразила она.

– Как и я, – парировал он.

– Иди, – отрезала она.

Он сложил сильные руки на груди и решительно посмотрел на нее.

– Ох. Ради Бога, нам придется драться и из-за этого тоже?

– Нет, если ты послушаешься меня, девушка.

Позади них Лидия издала наполовину смех, наполовину стон.

– Почему бы вам обоим просто не пойти рядом друг с другом? – одобряюще подсказала она.

– Отлично, – отрезала Эдриен.

– Отлично, – прорычал Хок.

* * *

Лидия смеялась до тех пор, пока слезы не выступили на ее веселых серых глазах. Наконец-то – девушка, достойная ее сына.

Глава 8

Рядом друг с другом. И ей не придется смотреть на него. *Возблагодарим Бога за малые милости.*

– А здесь у нас кладовая, – сказал Хок, отпирая дверь и распахивая ее. Настроение у Эдриен улучшилось. Ее нос изящно дернулся. Она смогла уловить запах кофейных зерен, специй, чая, всевозможных восхитительных вещей. Она практически запрыгнула в помещение, Хок шел за ней следом. Когда она уже собиралась сунуть руку в плетеный коричневый мешок, от которого исходил деликатнейший аромат греховно-черного кофе, Хок умудрился просочиться между Эдриен и ее добычей.

– Кажется, это выглядит так, как твое кофе, – заметил он, со слишком явным интересом, и ей это не понравилось.

– Да. – Она нетерпеливо переступила с одной ноги на другую, но этот мужчина закрывал ей путь своим телом. – Отойди, Хок, – пожаловалась она, и он мягко рассмеялся, сжав ее талию своими большими руками, почти полностью обхватив ее.

Эдриен застыла, когда запах, еще более привлекательный, чем ее излюбленный кофе, защекотал ее ноздри. Запах кожи и мужчины. Запах власти и дерзкой сексуальности. Уверенности и мужественности. Запах всего того, о чем она мечтала.

– Ах, сердце мое, у этого есть цена… – прошептал он.

– У тебя нет сердца, – заявила она, уставившись на его грудь.

– Это правда, – согласился он. – Ты украла его. И прошлой ночью я стоял перед тобой в агонии, пока ты разрывала его на куски…

– Ох, брось это…

– Ты странно выражаешься, сердце мое…

– Твое сердце – это маленький черный грецкий орех. Высохший. Сморщенный. – Она отказывалась смотреть ему в лицо.

Он засмеялся.

– Девушка, девушка, ты будешь забавлять меня до самой старости.

– Кофе, – произнесла она.

– Мы должны учитывать изменения в торговых пошлинах.

– И что же ты хочешь, учитывая изменения в пошлинах?

– Этим утром все будет просто. Но в другой день все может быть по-другому. Сегодня твой кофе будет стоить тебе всего лишь маленького поцелуя.

– Ты собираешься скупо выдавать мне кофе взамен поцелуев? – недоверчиво воскликнула она. И вопреки желанию, запрокинула голову и посмотрела ему в глаза. Во всяком случае, попыталась. Потому что ее глаза остановились и застряли в трех дюймах ниже его глаз, на его скульптурно вылепленных, прекрасного цвета губах. Нет, губы мужчины не должны иметь такую красивую форму и быть такими желанными. Она забыла про кофе при мысли о том, чтобы попробовать его губы на вкус, и ее предательские колени снова начали подгибаться.

– Давай, начинай, – ободрил ее Хок.

Ублюдок. Он знал, что она хотела поцеловать его.

– Я знаю, что ты не хочешь целовать меня, девушка, но ты должна, если хочешь свой кофе.

– А если я этого не сделаю?

– Ты не получишь кофе. – Он пожал плечами. – На самом деле, это небольшая плата за него.

– Я не думаю, что это именно то, что имела в виду твоя мать.

Он рассмеялся, низким, чувственным мурлыкающим смехом, и она почувствовала, что ее соски напряглись. О Господи, он опасен.

– Моя мать несет половину ответственности за мое появление на свет, так что не возводи ее в ранг святой, сердце мое.

– Прекрати называть меня «сердце мое». У меня есть имя.

– Да, и это имя – Эдриен Дуглас. Моя жена. Будь довольна тем, что я предлагаю тебе обмен одного на другое, а не просто беру то, что принадлежит мне по праву.

Она с быстротой молнии схватила его за руку и запечатлела на ней требуемый поцелуй, затем отбросила ее обратно.

– Мой кофе, – потребовала она.

Темные глаза Хока бурлили от нетерпеливой чувственности.

– Очевидно, девушка, мне предстоит научить тебя тому, как надо целоваться.

– Я умею целоваться!

– О? Возможно, тебе следует продемонстрировать свое умение еще раз, потому что если ты называешь это поцелуем, то я потребую более высокую цену. – Он улыбнулся ей, его нижняя губа приглашающе изогнулась.

Эдриен закрыла глаза, чтобы не видеть эти совершенные губы, и поняла, что сделала серьезную тактическую ошибку, точно в тот момент когда ее веки, затрепетав, сомкнулись. Хок обхватил ее лицо руками и прижал ее спиной к стене, загнав ее в ловушку своим телом. Эдриен немедленно открыла глаза.

– Я не для того закрыла глаза, чтобы ты поцеловал меня! – возмутилась она, но ее протест смолк, когда она встретила его взгляд. Его настойчивые черные глаза затуманивали ее разум, заставляли ее желать удовольствия, которое он предлагал, но она знала, что не должна поддаваться ему. Эдриен попыталась освободиться из его рук, но он крепко сжимал ладонями ее лицо. – Хок! Я не думаю…

– Да, ты думаешь об этом, девушка, и слишком много, – прервал он, пристально и насмешливо глядя на нее. – Так что прекрати думать на мгновение, хорошо? Просто чувствуй. – Он стремительно поцеловал ее, воспользовавшись эротическим преимуществом того, что ее губы все еще были приоткрыты в протесте. Эдриен толкала его в грудь, но он не обращал внимание ее сопротивление.

Хок запустил руки в ее волосы, запрокинув ее голову назад, чтобы углубить поцелуй, его язык исследовал ее рот. Его губы были требовательными, его объятия – собственническими и сильными, и когда он прижал свои бедра к ее телу, он был настойчивым, безусловным самцом. Он бросил ей вызов своим поцелуем, безмолвно требуя, чтобы она признала напряжение и страсть, которые существовали между ними – страсть, которая способна сжечь одно нежное сердце дотла или соединить два сердца в одно. Желание сотрясло ее с такой силой, что она застонала, смущенная и испуганная. Эдриен знала, что очень опасно наслаждаться его прикосновениями, слишком рискованно было позволять то, что может стать вошедшим в привычку удовольствием.

Большой палец Хока гладил уголок ее рта, заставляя ее полностью капитулировать перед ее мастерством. Возбужденная, любопытная, не имея сил сопротивляться, Эдриен уступила. Поцелуй, которым он вознаградил ее, заставил ее задрожать; этот поцелуй обещал разрушить ее оборону.

И что тогда будет с ней? Она снова будет уязвима – снова станет игрушкой для красивого мужчины.

Руки Хока соскользнули с волос Эдриен и обхватили ее груди, последовавшая за этим влажность, появившаяся у нее между бедер, испугала ее и она поняла, что теряет над собой контроль. Эдриен дернулась, решив, что не будет еще одним завоеванием для этого бесстыдного бабника.

– Отпусти меня! Ты сказал, один поцелуй! Это не было частью сделки!

Хок застыл. Он отодвинул голову, его сильные руки все еще сжимали ее грудь и он пристально, почти со злостью, разглядывал ее лицо. Что бы он не искал на ее лице, она смогла сказать, что он не был доволен тем, что увидел. Вовсе не был доволен.

Он изучал ее широко раскрытые глаза еще в течение некоторого времени, затем повернулся к ней широкой спиной и схватил горсть кофейных зерен.

Эдриен раздраженно терла губы, словно она могла смахнуть длительное, незабываемое удовольствие его прикосновения. Когда они вышли из кладовой и пошли по длинному коридору, в молчании, отказываясь смотреть друг на друга, Хок завернул кофейные зерна куском ткани и засунул их себе в спорран.

Только пройдя Большой Зал, он остановился и она, как будто была привязана к нему, тоже остановилась.

– Скажи мне, что ты это почувствовала, – приказал он тихим голосом, но они все еще не смотрели друг на друга. Она рассматривала пол в поисках следов пыли, а он изучал потолок, пытаясь увидеть паутину.

– Почувствовала что? – смогла произнести она недрогнувшим голосом. *Поцелуй, на котором можно построить мечту, большой красивый мужчина?*

Он притянул ее к своему телу, не смущенный тем, что она отвернулась от него, наклонил голову и покрыл поцелуями верхнюю часть ее груди, там, где она выступала над низкой линией выреза ее платья.

– Прекрати это!

Он поднял голову, с замешательством на потемневшем лице.

– Скажи мне, что тоже это чувствуешь!

Она пребывала в состоянии неопределенности, полном возможностей. Но это состояние перешло в неуверенность, и к ее огорчению, момент был упущен.

– Я? Я просто думала об Адаме.

Как могут глаза человека в одно мгновение измениться из пылающих и напряженных в холодные и пустые? Как может такое открытое лицо стать таким замкнутым? Благородное лицо превратиться в такое дикое?

– Если в следующий раз, после того как я дотронусь до тебя, ты снова скажешь такую же глупость, то я не отвечаю за свои действия, девушка.

Эдриен закрыла глаза. *Скрой это, скрой от него, не показывай ему, как он затронул тебя.*

– Никакого следующего раза не будет.

– Следующий раз будет каждый день, Эдриен Дуглас. Ты принадлежишь мне. И ты до сих пор испытываешь мое терпение. Адам может быть выслан отсюда. Любой человек может быть выслан. И кофе тоже может быть выслан. Я контролирую все, чего ты можешь захотеть. Я могу быть очень любезным с тобой, если ты проявишь готовность к этому. Единственная вещь, которую я не смогу обсуждать с тобой – это Адам. Так будь добра, попытайся поладить со мной, все что я прошу, это оказаться от Адама и никогда не говорить мне про него. Если ты выполнишь эту маленькую просьбу, я не потребую ничего кроме цены за кофе каждое утро. И я обещаю, что я не сделаю эту цену слишком высокой.

Поцелуй был слишком высокой ценой. Слишком опасным сам по себе.

– По какому праву…

– По праву силы. Это достаточно просто.

– Грубая сила…

– Не пытайся заставить меня чувствовать себя виноватым. Спроси мою мать. Это не работает.

Так, так. Никакой галантности нет и в помине, заметила она. Но в целом, сделка, которую он предложил, была более разумной, чем мириад других возможностей. Он мог потребовать все свои супружеские права, а не один маленький поцелуй каждое утро. Она сможет это пережить.

– Поцелуй каждое утро? Это все, что ты хочешь в обмен на то, что я не буду упоминать Адама в твоем присутствии? И я буду получать свой кофе каждый день?

– Держись подальше от Адама. Не допускай того, что я найду тебя рядом с ним. Даже не произноси его имени при мне.

– За поцелуй каждое утро? – Она должна быть твердо уверена, что эти слова будут для него законом.

– За выполнение моей просьбы каждое утро.

– Это несправедливо! Что это вообще будет за просьба?

Он рассмеялся.

– Кто сказал тебе, что жизнь справедлива? Кто ввел тебя в такое заблуждение? И полагая, что мы женаты и альтернативой моему любезному предложению является полное выполнение супружеских обязанностей, какое право ты имеешь пререкаться из-за того, что справедливо?

– Хорошо, ты мог бы определить это более точно, для моего спокойствия. Иначе я буду просыпаться, страшась неизвестных вещей.

Его лицо потемнело.

– Я стремлюсь доставить ей чувственное удовольствие, а она боится неизвестных вещей. – Он разочарованно отвернулся.

– Я не имела в виду именно это… – начала говорить она, ненавидя резкие морщинки вокруг его глаз. Это она виновата в их появлении. Но для собственной безопасности, она должна оставить их там, где они есть, так что она резко оборвала свою речь.

Он в любом случае не слушал ее, так сильно он был погружен в мрачные размышления, шагая прочь от нее.

Слишком поздно, когда он уже исчез из вида, повернув за угол, она вспомнила про несчастные кофейные зерна. Они были засунуты в тот мешок, который он носил на своих бедрах. И он снова запер кладовую.

* * *

Душ. Вот что она хотела. Эдриен отдала бы что угодно, за тридцать минут клубящегося облаками пара, обильной пены мыла Аведа, шампуня и масла для тела, и пушистого белого полотенца, чтобы вытереться насухо.

Она сосредоточила внимание на том, чтобы уточнить дальнейшие подробности своего воображаемого принятия душа и тем самым перестать думать о Нем, и в это время она обнаружила сады. Она нашла их позади замка; чтобы попасть в них, нужно было пройти через кухню или обойти замок кругом – а это был достаточно долгий путь.

– Отлично, я скажу, но засуньте сюда не только свой маленький носик. Я хочу увидеть нашу новую леди целиком, – позвал ее голос внутри кухни.

Эдриен с любопытством зашла внутрь. Кухня была совсем не похожа на тот образ, который она составила в своем сознании, исходя из древности этого века. Она была огромная, хорошо обставленная и безупречно чистая. Центральной частью помещения был массивный очаг с колоннами, который был открыт со всех сторон, представляя собой четыре места для приготовления пищи. Каменный дымоход поднимался вверх к вытяжному отверстию в потолке. При пристальном изучении она поняла, что кухня была дополнительно пристроена к самому замку, и специально устроена так, чтобы быть просторной и хорошо проветриваемой. Окна были расположены в стенах по периметру, столы из блестящего дуба располагались по всей кухне, пол был вымощен бледно-серым камнем. Здесь не было никаких гниющих продуктов, никаких грызунов или насекомых, эта кухня могла конкурировать с ее собственной кухней, там, дома, в двадцатом веке, но за одним исключением – здесь не было посудомоечной машины. Лестницы вели в кладовые, буфетные были расчетливо расположены в нишах и за открытыми окнами растянулись пышные сады. На подоконниках располагались банки с травами и специями.

– Вы нашли нашу кухню вполне подходящей?

Эдриен кивнула, испугавшись, и обратила свое внимание на улыбающегося человека. Он был высоким и загорелым, стройным, его руки были мускулистыми от владения мечом или от работы. Его темные волосы и коротко подстриженная борода были тронуты серебром, и когда его прозрачные серые глаза встретили ее взгляд, они сверкали любопытством и доброжелательностью.

– Хок сам спроектировал эту кухню. После своих путешествий. Сказал, что видел много чудес для того, чтобы сделать жизнь более приятной, и использовал их, чтобы улучшить Далкит, скажу вам.

– Лэрд замка бывает на кухне?

– Он сам вырезал столы и собрал шкафы. Да, он любит работать с деревом. Занимать свои руки, как он это называет. Хотя мне невдомек, где он находит для этого время, скажу вам. – Мужчина закатил глаза и сложил руки за головой, наклонив свое кресло обратно в поток солнечного света, который струился в окно. – Я Тэвис, миледи, – представился он. – Рад приветствовать вас.

– А я – Безумная Джанет, – выпалила она в ответ на его любезность.

– Не знаю, как там с безумием, но вы понравились Лидии, а она очень проницательная женщина, скажу вам.

Эдриен сделала еще один шаг внутрь кухни, ее глаза обежали помещение, восхищаясь гениальной простотой, с которой она было спроектирована. Все вокруг содержится в чистоте и легко доступно.

– Лидия скоро вернется, – ободрил ее Тэвис. – Она наблюдала за вами некоторое время, я скажу. – Он подмигнул ей. – Не позволяйте этим Дугласам ошеломить вас, миледи. Они упрямые, самоуверенные люди, но их сердца сделаны из чистого золота. Во все Шотландии вы не найдете никого, подобного Дугласам. Добро пожаловать, я скажу, и если вам что-нибудь понадобится, вам нужно будет только найти кожевенника Тэвиса. – Он согнул свою сильную руку. – Я делаю самую мягкую кожу по эту сторону Устера. А может быть, и по другую сторону тоже. – Гордость светилась в его улыбке, когда он движением руки указал ей на дверь.

Эдриен вышла на солнце и вдохнула так глубоко как только могла. Жимолость, любимый аромат ее ранней юности. Золотистые головки лютиков располагались под окнами слева и справа. В воздухе пахло лавандой, вьющимися розами и еще каким-то глубоко земным ароматом, который она затруднилась определить. Она услышала плеск воды, льющейся в бассейн. Фонтан? Следуя за этим звуком, Эдриен медленно шла по мощеной дорожке через высокие кустарники рододендронов, пышных анемонов, колокольчиков, и разбросанных незабудок.

Мощеные дорожки разбегались в нескольких направлениях, но плеск воды безошибочно вел Эдриен по нужной дорожке. Леди Лидия сидела на выступе каменного фонтана, который возвышался в четыре яруса высоко над ее головой. Каменный дельфин в полу-прыжке в натуральную величину украшал верх фонтана, вода выливалась из его открытого рта.

– Великолепно, – выдохнула Эдриен, и Лидия повернулась, чтобы поприветствовать ее дружелюбной улыбкой.

– Мой сын весьма изобретателен. – Очевидная гордость была написана в каждой черте ее лица.

– Он придумал и это тоже? – состроила гримасу Эдриен.

– Многие необычные вещи в Далките – это дело рук моего сына. Когда он путешествовал, он выискивал новейшие достижения разных стран, чтобы передать их своему народу.

– Когда он путешествовал по миру, разыскивая красивых партнерш для своей постели, – язвительно прервала ее Эдриен, вспоминая рассказы служанок Комина.

Лидия подняла голову, в ее глазах светилось удивление.

– Неужели о нем ходят такие слухи?

– А он на самом деле этим занимался?

– А что он скажет тебе в ответ, если ты его спросишь? Но не думай о нем плохо… Что хорошего могут сказать о тебе люди, которые тебя не знают?

– Я поняла, – уступила Эдриен, надеясь, что Лидия никогда не узнает о ее бурном прошлом.

– Безумная Джанет, – мягко заметила Лидия. – Мне кажется, в тебе нет ни капли безумия. Почему Комин держал тебя запертой в башне?

Эдриен повторила слова, которые Комин выпалил ей в день ее свадьбы.

– Я слишком красива, чтобы рисковать и показывать меня его людям. Так он сказал. – И не думая она добавила свои собственные слова. – Но по правде, я никогда не чувствовала себя такой.

Лидия фыркнула.

– Ты никогда не смотрелась в зеркало?

– Конечно, смотрелась. Но все равно я никогда не ощущала себя настолько красивой.

– Прямо как Хок, я полагаю, – заметила Лидия. – Он сказал мне однажды, что он узнал о том, что он привлекателен только потому, как женщины суетятся вокруг него. Что если бы женщины не поднимали такой гвалт из-за него, он считал бы себя всего лишь достаточно чистым и опрятным…

– Достаточно чистым и опрятным? – недоверчива сказала Эдриен. – Этот мужчина безупречен с головы до ног! Он может пристыдить Давида, Пана и греческих богов! Он неотразимо привлекателен для женского пола, и пользуется этим. И кто-то должен положить этому конец! Он… Ой! – Эдриен бессвязно лепетала и заикалась, поскольку слишком поздно поняла смысл собственных слов. Лидия смеялась так долго, что слезы затуманили ее глаза.

Когда Лидия смогла перевести дыхание, она издала удовлетворенный вздох.

– Ох, что за облегчение. Я не была уверена, что ты не так неуязвима, как кажешься. Он думает, что ты такая и есть. Не беспокойся. Это будет нашим маленьким секретом, дорогая Эдриен, так что иди, сядь рядом со мной, и я смогу рассказать тебе, как я рада, что ты здесь. Я только сожалею, что меня не было здесь, чтобы достойно поприветствовать тебя, когда ты приехала. Из того, что я слышала, я поняла, что они сделали все самым ужасным образом.

Эдриен поняла, что ей хочется с головой погрузиться в эту заботливость, так похожую на заботу материнских рук, которых она никогда не знала. Ее ожесточенное сердце вновь оказалось на предательски тонком льду – осмелится ли она продолжать? Или не осмелится?

* * *

За кустами кроваво-красных рододендронов вздрогнула тень. *Я ненавижу ее! Ненавижу!* Рука Эсмеральды дрожала, когда она подняла трубку, затем резко выпрямила ее. Она могла убить врага и окончить свои мучения. Она сжала губы вокруг входного отверстия трубки, ровно держа маленький смертоносный инструмент. Она глубоко вдохнула и с силой выпустила воздух крепко сжатыми губами. Крошечная, не более жала пчелы, стрела вылетела из конца полого желоба. Эсмеральда смотрела, как стрела летела в цель, чтобы вонзиться в белую кожу на шее Эдриен. Она удовлетворенно улыбнулась, когда Эдриен слегка хлопнула по ране, как будто спугивая раздражающую мошку. Эсмеральда с трудом прищурилась – она могла видеть блестящий конец стрелы, блестевший в шее Эдриен, когда она разговаривала с Лидией. Дело было сделано.

* * *

– А где ваш муж, Лидия? – Эдриен резко хлопнула себя по шее. – Мошки? Уже?

– На нашу долю их хватает. По этой причине мы натягиваем сетки над постелями в течение этого времени года. Но немного мяты, кажется, может помочь избавиться от них. Я

кладу немного в свои карманы, и засовываю лист или два к себе за лиф. – Она предложила несколько листочков мяты из своих запасов и Эдриен с благодарностью приняла их. – Что касается моего мужа…. – Ее глаза сделались мечтательными. – Этот невозможный мужчина оставил меня более тридцати лет назад. Он умер вскоре после того, как родился Хок.

– Как? – Эдриен вытерла лоб тыльной стороной ладони. Внезапно солнце сделалось слишком жарким.

– В битве за короля, и когда он умирал, он пообещал – или король Яков сам это придумал – что его сын будет находиться на королевской службе в течение пятнадцати лет, а за это король возьмет Далкит под свою защиту. На самом деле, срок службы Сидхока закончился совсем недавно. – Эдриен в замешательстве нахмурила брови. Яркие цветы, окружавшие Лидию, внезапно вызвали у нее головокружение и расплывались перед глазами.

Лидия терпеливо объясняла:

– Далкит – богатый замок. И не было мужчины, чтобы защитить нас, когда мой муж умер. Я осталась с маленьким двухмесячным наследником. Я никогда не узнаю, пообещал ли мой муж это на самом деле или Яков просто придумал это обещание. Я сомневаюсь, что мой Дуглас пообещал бы службу нашего сына королю Якову под каким-либо предлогом, но никто никогда не рискнет поспорить с королем. Я не была готова снова вступить в брак, мое отчаяние от потери мужа было слишком велико. Королевский отряд защищал Далкит, пока я не сняла вдовьи одежды. Но король Яков защитил нас с условием, что Хок прибудет в Эдинбург в тот день. Когда ему исполнится восемнадцать, для вассальной службы в течение пятнадцати лет. Так как он утверждал, что мой муж пообещал это ему.

– Ты не веришь, что твой муж обещал прислать Хока на службу? – спросила Эдриен, ее зрение затуманивалось. Она резко поморгала, и зрение прояснилось.

Прекрасное лицо Лидии стало задумчивым, и в течение долгого времени казалось, что она вовсе не собирается отвечать на вопрос. Эдриен могла видеть как воспоминания мелькали на ее лице, некоторые приятные, некоторые очевидно болезненные.

– Мой Дуглас был вторым человеком, который сделал мне предложение, Эдриен.

– А кто был первым? – спросила Эдриен, окунув кончики пальцев в прохладную, ароматную воду фонтана, и затем приложив влажные пальцы к вискам.

– Король Яков.

– Ах! Отвергнутый мужчина.

– Решительно отвергнутый. И нисколько не простивший. Король Яков положил на меня глаз, и невозможно было его разубедить. Мне было шестнадцать, и я была при дворе с твоей матерью, Алтеей. Мы получили много предложений в том сезоне, и Яков был одним из моих самых горячих поклонников. Я не принимала его всерьез, в конце концов, он же король! Только после я обнаружила, что он был настроен серьезно. Но было слишком поздно. Я приметила Дугласа еще тогда, когда была маленькой девочкой. И Дуглас, скажем так, мне не составило большого труда убедить его… – Ее зеленые глаза засияли от дорогих воспоминаний.

– Итак, король возненавидел Хока, потому что ты отказалась выйти за него замуж? Это выглядит совсем по-детски.

– Он такой и есть. Яков был избалован с момента своего рождения. С ним нянчились, баловали и носились с ним без конца. К тому времени, когда ему нужно было жениться, он непрерывно влюблялся до безумия. Он никогда не слышал слова «нет» за всю свою жизнь, и не имел намерения слышать его когда-либо. Он считал просто непостижимым, что женщина может выйти замуж за простого графа, когда она могла бы стать королевой Шотландии.

Эдриен коротко поразмыслила о монархах тех времен. Скольким пришлось бы пожертвовать, чтобы стать принцессой, в надежде в будущем стать королевой. Лидия сделала мудрый выбор, когда вышла замуж по любви.

– Но что на самом деле уничтожило его, так это то, что он был достаточно глуп, чтобы объявить придворным о том, что я собираюсь стать его королевой, даже после того, как я отклонила его предложение несколько раз. Мы с Дугласом обвенчались на следующий день

после его «объявления», хотя мы не знали что король зашел так далеко и публично заявил о своих намерениях, до того, как через неделю новость наконец дошла до Далкита. В тот день мой муж сказал, что мы нажили себе грозного врага. Но думаю, что никто из нас не знал, насколько в действительности мстительным он может быть. Подозреваю, что о многих вещах, происходивших во время его службы Якову, Хок никогда не расскажет. Говорят, что Яков угрожал уничтожить Далкит из-за него, если Хок не будет повиноваться всем его прихотям. – В ее голосе проскользнула конфиденциальная нотка. – Хок этого не знает, но я добилась аудиенции Якова, вскоре после того, как я услышала эти сплетни о его службе. Я просила его отпустить моего сына со службы. – Глаза Лидии затуманились. – Он засмеялся и сказал, что если бы я сделала мудрый выбор, выходя замуж, Хок мог бы быть королевским сыном, а не королевским слугой.

Эдриен потерла шею и снова резко заморгала. Вид перед ее глазами тревожно расплывался и голова гудела.

– Публичное унижение, – многозначительно сказала она. – Никогда не встречала человека, который легко бы его перенес.

– Я полагаю также, что именно поэтому король Яков приказал Хоку жениться, – мягко продолжила Лидия. – Еще один тонкий способ продлить свою месть. Думаю, он чувствовал себя почти обманутым, когда умер мой муж, и я иногда думаю, что бы он с нами сделал, если бы мой муж прожил дольше. Каким ожесточенным человеком он бы стал. – Лидия покачала головой. – Я рада, что это оказалась ты, Эдриен. Король будет в бешенстве, когда узнает, как ты красива и совсем не безумна на самом деле. Ты – то, что в точности нужно Хоку. Не робкая девушка, и не жеманная пустышка, но женщина с истинным характером и глубиной.

Эдриен вспыхнула от удовольствия. Это добавило тревожных ощущений ее голове.

– Ты сказала, что снова вышла замуж. У тебя есть другие дети? – спросила она, отчаянно пытаясь поддерживать беседу.

Улыбка вернулась на лицо Лидии.

– О да. Адриан и Илисс. Они во Франции с моей сестрой Элизабет. В своем последнем письме она предупреждала, что Адриан становится неисправимым повесой, и она отчаялась перевоспитать Илисс. Лидия рассмеялась. – Илисс может быть немного пылкой и неуправляемой временами. Она тебе понравится.

Эдриен не была уверена в том, как это понять, и оставила эти слова без ответа. Кроме того, ей было совсем нехорошо. В глазах у нее двоилось, ее живот мутило от боли, и ее рот был сухим, как хлопковая швабра. Она с трудом сглотнула.

– Валла хабба ха…, - прокаркала она.

– Эдриен? – Лидия озабоченно посмотрела на нее. – Эдриен!

Она положила руку на лоб молодой женщины.

– Ты же вся горишь!

Эдриен застонала, сделала шаг вперед и упала на мощеную дорожку.

– Хок! – закричала Лидия.

Глава 9

– Яд. – Лицо Хока было мрачным и непреклонным. Он внимательно изучал крошечную стрелу, которую старый целитель положил на клочок ткани.

– Каллаброн.

Целитель расчесал пальцами свою длинную белую бороду и опустился на стул возле Эдриен.

Хок застонал. Каллаброн не был легким ядом. Ужасный, медленный токсин, он вызывал длительные боли в течение нескольких дней, за которыми следовала смерть от удушья, в то время как яд медленно вызывал паралич тело изнутри.

Хок знал, что не существовало противоядия. Он слышал об этом яде во время своей

службы у короля Якова. Ходили слухи, что с помощью этого яда отравили многих членов королевской семьи. Когда хочешь устранить будущего короля, ты не станешь связываться с ядом, который может подвести. Хок уронил голову на руки и начал неистово тереть ноющие и затуманенные глаза. Сильный жар от разведенного огня не улучшал его самочувствия. Но жар может помочь ей, так сказал целитель. Может прогнать лихорадку. Но все же… она может умереть.

Пусть я умру, лишь бы она осталась жива! – Пожелал Хок от всего сердца.

– Мы можем уменьшить боль. Существуют снадобья, которые я могу дать ей… – тихо сказал целитель.

– Кто? – разбушевался Хок, игнорируя целителя. – Кто захотел это сделать? Зачем ее убивать? Что она сделала?

Целитель вздрогнул и зажмурил глаза.

Стоя на пороге, Лидия с трудом перевела дух.

– Значит, это каллаброн?

– Да. Кожа потемнела вокруг отверстия, и от него тянутся бледно-зеленые линии. Это смертельный удар каллаброна.

– Я не хочу терять ее, Хок, – потребовала Лидия.

Хок медленно поднял голову от своих рук.

– Мама.

Это слово прозвучало как мольба, безнадежная и беспомощная. Вдруг мама сумеет сделать это. Но он знал, что она не сможет.

– Некоторые считают, что было бы милосердно прервать ее страдания еще на ранней стадии, – очень тихо предложил целитель, отказываясь смотреть на Хока.

– Достаточно! – Хок криком заставил целителя замолчать. – Если все, что ты можешь предложить – это мрак и гибель, то лучше убирайся отсюда!

Целитель гордо и с негодованием выпрямил спину.

– Милорд…

– Нет! Не надо ни того, ни другого! Мы не убьем ее! Она не умрет!

– Возможно, цыгане могут знать какое-нибудь противоядие, – тихо предложила Лидия.

Целитель презрительно фыркнул.

– Уверяю вас, миледи, *цыгане* не знают ничего об этом. Если я сказал вам, что лекарства нет, вы можете быть уверены, что никто не сможет ее спасти. Эта бродячая банда головорезов, обманщиков и воришек определенно не может…

Целитель резко замолчал под тяжелым взглядом Хока.

– Это стоит попробовать, – согласился Хок с Лидией.

– Милорд! – страстно возразил целитель. – Цыгане всего лишь жалкие фокусники. Они…

– Разбили лагерь на моей земле, – сурово оборвал его Хок, – что они и делали в течение тридцати лет, с моего благословления, так что придержи язык, старина. Если ты так уверен, что они ничего не знают, то почему ты должен беспокоиться, если он придут помочь?

Целитель презрительно усмехнулся.

– Я просто считаю, что моей пациентке не пойдут на пользу дикие танцы и пение, и противно пахнущие высохшие кусочки чего-то или кого-то, – отрезал он.

Хок фыркнул. Было очевидно, что целитель на самом деле ничего не знал о цыганах, гордом племени, которые переезжали из страны в страну, в поисках того, чтобы жить, как они хотят – свободно. Как и многих, кто отважился сражаться за то, во что верил, их часто боялись и не понимали. Цыганский табор, который стоял лагерем в Далките был сплоченным сообществом талантливых и мудрых людей. Хотя они и были суеверными, Хок находил многие из их «инстинктов» безошибочными.

Но этот целитель, как и многие другие, боялся того, чего не было в его жизни, и осуждал это. Невежество превращалось в страх, который быстро переходил в преследование. Хок остановил свой твердый взгляд на старике и прорычал:

– Все, что сможет вылечить *мою жену* , будет хорошо для нее. Мне все равно, даже если это будут высушенные жабьи мозги. Или, в крайнем случае, высушенные мозги целителя.

Целитель закрыл свой рот и быстро перекрестился.

Хок потер глаза и вздохнул. Цыгане были таким же выходом из положения, как и любой другой. Он быстро подозвал человека, охранявшего дверь, и велел ему послать гонца в цыганский табор.

– Я думаю, вы совершаете большую ошибку, милорд…

– Единственная ошибка, которая совершена в этой комнате – это то, что ты снова открыл свой рот, – прорычал Хок.

Целитель в ярости поднялся, его древние суставы громко запротестовали. Со сжатыми губами он вытащил каменный сосуд, запечатанный воском и плотной пробкой из-под верхней, прилегающей к телу, туники. Он поставил ее на очаг, затем со смелостью и безрассудством, присущим тем, кто пережил чуму, голод и войну, целитель заявил:

– Вы можете использовать это, когда ваши цыгане не смогут ничего сделать. Потому что у них ничего не выйдет, – и покинул комнату, скрипя древними суставами и перебирая тонкими конечностями.

Хок покачал головой и задумчиво посмотрел на дрожащую женщину на кровати. Его жена. Его прекрасная, гордая, горячая *умирающая* жена. Он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Лидия пересекла комнату, и притянула голову сына к своей груди.

– Хок, мой дорогой Хок, – она бормотала те бессмысленные звуки, которые знают только матери.

Прошло немного времени, затем Хок снова поднял голову. Если он не может ничем помочь своей жене, то он не примет утешения от своей матери.

– Расскажи мне еще раз о том, что случилось в саду.

* * *

– Иди сюда, моя сладкая шлюшка, – скомандовал Адам, и Эсмеральда подчинилась.

Теперь она не могла спастись. Эсмеральда узнала, кто такой Адам Блэк, в тот момент, когда пришла к нему. Люди ее племени всегда это знают, и поэтому осмотрительны. Особенно если имеешь дело с таким существом, когда, вызвав его ярость или просто став объектом его внимания, можно привести к гибели целый народ. И хотя такая феноменальная сила вызывала необъятный ужас у Эсмеральды, она также служила неотразимым афродизиаком.

«Что привело его сюда?» – недоумевала она. Это была ее последняя связная мысль, потому что он начал вытворять с ее телом такие вещи, которые просто выворачивали ее наизнанку. Его лицо над ней было темным от страсти, позолоченным отсветами огня, разведенного под рябинами. Запах сандалового дерева и жасмина смешивался с паром, поднимающимся от земли вокруг них. Было уже почти утро, когда она наконец-то смогла выбраться из его кузницы.

Адам сложил пальцы домиком и обдумывал свою линию поведения, наблюдая, как женщина покидает его жилище, пошатываясь на слабых ногах.

– Шут! – Слово было произнесено быстро, резко и осуждающе.

Адам напрягся.

– Вы звали, Мой Король? – спросил он, обращаясь к своему невидимому хозяину.

– Что ты натворил на этот раз, Адам?

– Я проводил время с цыганочкой, до того, как вы спросили. Что-то не так?

– Красотка умирает.

– Эдриен? – Адам был поражен. – Нет. Я тут ни причем.

– Хорошо, исправь это!

– Это правда, мой король, я не имею к этому делу никакого отношения.

– Мне все равно. Исправь это. Наша Королева будет в ярости, если мы рискнем нарушить договор.

– Я все исправлю. Но кому понадобилось убивать нашу красотку?

– Это твоя игра, шут. Следи за ней внимательнее. И Королева уже спрашивала о тебе.

– Она скучает по мне? – Адам на мгновение прихорошился.

Финнбеара хмыкнул.

– Ты можешь временно забавлять ее, но я – ее Король.

* * *

Эдриен вся горела. Словно древняя ведьма, привязанная к столбу, пойманная в ловушку среди груд пылающей древесины, в то время как жители деревни спокойно наблюдают за ней. *Помогите мне!* – умоляла она запекшимися губами, содрогаясь в конвульсиях в поднимающемся дыме. Она все задыхалась и задыхалась, потом у нее возникло отвратительное чувство: как будто под ее кожей беспорядочно носились туда-сюда тысячи огненных муравьев.

Она не чувствовала, как Хок вытер ее лоб, обтер ее тело прохладной тряпкой и закутал ее в мягкую шерстяную ткань. Он откинул влажные локоны волос с ее лба и нежно поцеловал его. Разведя огонь, он быстро вернулся к ней, чтобы обнаружить ее яростно трясущейся в аккуратном коконе одеял, которые, по уверению целителя, должны были облегчить лихорадку.

Отчаяние охватило его, более жестокое и сбивающее с ног, чем самый мощный горный шквалистый ветер.

Примитивный стон сорвался с его губ, когда Хок увидел, как она ожесточенно царапает свою безупречную кожу, в тщетной попытке успокоить раздражение, вызываемое каким-то злобным животным, которое создала лихорадка, чтобы мучить ее. Она исцарапала бы себя в кровь, если бы он не остановил ее, но он все же не смог связать ей руки, как это порекомендовал целитель. Образ того, как она напрягается, чтобы сбросить свои оковы, возник перед его глазами, и он проглотил готовый вырваться вопль бессильной ярости. Как он может вести войну против невидимого захватчика, у которого нет уязвимых мест? Как можно одолеть яд, от которого нет лекарства?

Он помедлил мгновение, перед тем как сорвать рубашку со своего тела и скинуть сапоги. Одетый только в килт, он вытянулся на кровати и обнял ее, крепко прижав ее спину к своей груди.

Эдриен! Он почувствовал резкую боль, баюкая ее в своих руках. Как он может испытывать такую боль по отношению к незнакомке? Откуда появилось это чувство, что они должны были иметь больше времени?

Он прислонился к стене, уложил ее между своих ног, его руки крепко сжимали ее, пока она тряслась и вздрагивала, его подбородок покоился на ее голове.

Глубокой ночью лихорадка достигла пика, и она заговорила, и заплакала серебряными слезами.

Они никогда не узнает, что он стер их поцелуями, одну за другой.

Она никогда не узнает, что он с тяжелым сердцем слушал, как она плакала о человеке, о котором не стоило плакать – как он считал, и что он желал от всего сердца быть тем первым человеком, которого она любила.

Эвер-Хард[1] Дэрроу Гарретт. Ублюдок, который разбил сердце его жены.

Какой уважающий себя шотландец был назван беспощадным?[2]

В ранние рассветные часы Хок поглаживал гладкую черную поверхность шахматной фигуры, которую дал ему Гримм, потому что Эдриен бредила и о ней. Он изучал ее и

1 Так называет его Хок. На самом деле имя мужчины «Эберхард».

2 Эвер-хард (Ever-Hard) – беспощадный (англ. яз).

удивлялся, почему эта фигурка была так важна для нее, что даже когда она умирает, она продолжает отчаянно искать ее в темных коридорах своего сознания.

* * *

Его разбудил шум, который вырвал его из глубокого сна без сновидений. Отказываясь открыть глаза, он сначала определил другими органами чувств, что его сейчас окружает. Проклятье, она все еще горит! Возможно, даже больше, чем прежде. Его жена в течение нескольких дней умирала у него на руках. Что же разбудило его? Неужели наконец-то явились цыгане?

– Дай мне пройти! – голос кузнеца громом донесся из-за закрытой двери, достаточно громкий, чтобы сотрясти ее. Хок полностью проснулся. Голос этого человека привел его в готовность сражаться.

– Хок убьет тебя, парень, – усмехнулся Гримм. – Для начала, ты ему не нравишься, и он сейчас в очень плохом настроении.

Хок кивнул, соглашаясь со словами Гримма, он был рад, что поставил охрану перед входом в Зеленую комнату для леди. Невозможно было предсказать, что бы он сделал в своем нынешнем настроении, если бы проснулся и увидел заносчивого кузнеца, глазеющего на него.

– Болваны! Я же сказал, что я могу вылечить ее! – отрезал кузнец.

Хок моментально напрягся.

– Так я болван? – Голос Гримма дрогнул от недоверия. – Нет, болван тот, кто думает, что существует лекарство от отравления таким ядом, как каллаброн!

– Осмелишься ли ты рискнуть, Гримм? – спокойно сказал кузнец.

– Дайте ему пройти, – приказал Хок через закрытую дверь.

Он услышал звук мечей, отодвигаемых с металлическим лязгом, когда стражники развели скрещенные клинки, которые перекрывали доступ в Зеленую комнату, и Адам появился на пороге, почти заполняя собой дверной проем.

– Если ты пришел сюда, думая поиграть со мной, Адам Блэк, то убирайся, пока я не пролил твою кровь и не увидел, как она бежит по полу. Я немного отвлекусь, но мне от этого станет легче.

– Почему ты держишь ее таким образом? Так крепко, словно она очень дорога тебе?

Хок крепче прижал ее к себе.

– Она умирает.

– Но ты едва знаешь ее, парень.

– Я не понимаю и не могу привести разумных причин, которые заставляют меня делать это. Но я отказываюсь терять ее.

– Она красива, – предположил Адам.

– Я знал много красивых девушек.

– Она красивее всех других?

– Она отличается от других девушек, она особенная. – Хок нежно потерся щекой о ее волосы. – Почему ты пришел сюда?

– Я слышал, что это был каллаброн. Я могу ее вылечить.

– Не вздумай искушать меня тем, что невозможно сделать, кузнец. Не обольщай меня ложной надеждой, или ты будешь умирать рядом с ней.

– Не вздумай искушать меня тем, что невозможно сделать, Лорд Хок, – четким эхом отозвался Адам. – Кроме того, я говорю правду о лекарстве.

Хок некоторое время внимательно изучал кузнеца.

– Если ты сможешь, то почему ты это сделаешь?

– Исключительно из корыстных соображений, уверяю тебя. – Адам подошел к постели и сел на край. Он протянул было руку, но остановился, взглянув на лицо Хока. – Я не смогу вылечить ее, не прикасаясь к ней, ужасный Хок.

– Ты смеешься надо мной.

– Я смеюсь над всеми. Не принимай это близко к сердцу. Хотя в твоем отдельно взятом случае, это как раз персональные насмешки. Но в этот раз, я говорю только правду. У меня есть лекарство.

Хок фыркнул и крепче сжал руки, защищая свою жену.

– Как случилось, что простой кузнец, знает такие бесценные вещи о том, как лечить отравления?

– Ты впустую тратишь время, задавая мне вопросы, тогда как леди умирает.

– Тогда дай это лекарство мне, кузнец.

– О, нет. Не так все просто…

– А кто теперь тратит время? Я хочу лекарство. Дай его мне, если оно действительно есть у тебя, и убирайся.

– Услуга за услугу, – категорично заявил Адам.

Хок знал, что это произойдет. Этот мужчина хотел его жену.

– Ты сукин сын. Чего ты хочешь?

Адам шаловливо усмехнулся.

– Твою жену. Я спасу ее. И она будет моей.

Хок закрыл глаза. Он должен был выгнать ублюдка, когда у него была возможность. Где, к дьяволу, пропадают эти цыгане? Они уже должны были добраться до Далкита.

Кузнец может вылечить его жену, так он сказал.

Цыгане могут ничего об этом не знать.

И все, что хочет кузнец в обмен на спасение жизни его жены, была его жена. Каждый нерв в его теле кричал от сопротивления. Вверить эту женщину, передать ее тело и ее щедрую пылкость другому мужчине? Никогда. Хок заставил себя открыть глаза и уставился на мужчину, называющегося Адам.

Он должен позволить этому надменному, красивому ублюдку кузнецу ложиться сверху на тело его жены и губами ловить стоны ее удовольствия? Губы кузнеца даже сейчас изгибались в жестокой улыбке, так как он наслаждался сражением, которое шло внутри Хока.

Хок заученно придал своему лицу безмятежное спокойствие. Никогда не показывай настоящих чувств. Никогда не показывай, о чем ты думаешь, даже когда тебя терзает самая сильная боль. Как хорошо он выучил этот урок, преподанный королем Яковом.

Но, все-таки, она сможет выжить.

– Эта девушка – не услуга, которую я могу оказать тебе. Я отдам ее тебе, если – и только в этом случае – если она захочет тебя, – сказал он, наконец. Если она умрет, он потеряет ее. Если она выживет, то он тоже потеряет ее – это будет цена за ее спасение. Но в этом случае, все может быть и иначе. Неспособный укротить гнев, который, как он знал, сверкал в его глазах, он снова закрыл их.

– Согласен. *Ты отдашь ее мне, если она захочет меня* . Запомни свои слова, Лорд Хок.

Хок вздрогнул.

Когда он снова открыл глаза, Адам приложил свою руку к лицу его жены. Капельки пота блестели вокруг ее губ и на лбу. Рана на шее почернела, кожа вокруг нее отливала зеленью.

– Прикасайся к ней только для того, чтобы вылечить ее, кузнец, – предупредил его Хок.

– Это сейчас. Когда она поправится, я прикоснусь к ней везде, где она пожелает.

– Вот именно – там, где *она* пожелает, это ключевое слово.

Адам прикоснулся ладонью к щеке Эдриен, внимательно изучая рану на ее шее.

– Мне нужна горячая вода, компрессы и дюжина прокипяченных льняных тряпок.

– Принесите горячую воду, компрессы и дюжину прокипяченных льняных тряпок, – прокричал Хок кому-то за закрытой дверью.

– И мне нужно, чтобы ты вышел из этой комнаты.

– Нет. – Ответ Хока был таким же окончательным, как сама смерть.

– Ты уходишь или она умрет, – пробормотал Адам таким тоном, как если бы просто сказал: – Идет дождь, ты не заметил?

Хок не сдвинулся с места.

– Сидхок Джеймс Лайон Дуглас, у тебя есть выбор? – удивился Адам.

– Ты знаешь все мои имена. Как ты узнал так много обо мне?

– Это мое дело, как я узнал о тебе так много.

– Как я могу знать, что это не ты выстрелил в нее стрелой с неким неизвестным ядом, который не является каллаброном, но его действие похоже на него, и сейчас ты притворяешься, что знаешь лекарство – и все для того, чтобы ты мог преспокойно украсть мою жену?

– Абсолютно точно, – Адам пожал плечами.

– Что точно? – прорычал Хок.

Глаза Адама блестели как холодные камни.

– Ты *не знаешь* ничего. Ты должен сделать выбор. Ты сможешь спасти ее сейчас, в этот момент, Лорд Хок? Я думаю, что нет. Какие у тебя есть возможности? Она умирает от чего-то, это можно видеть достаточно ясно. Ты думаешь, что это каллаброн, но ты не уверен. Что бы это ни было, это убивает ее. Я сказал, что я могу вылечить ее и попросил за это от тебя услугу. Какой на самом деле выбор у тебя есть? Говорят, что тебе легко даются трудные решения. Говорят, что ты можешь, не моргнув, свернуть гору, если ты этого захочешь. Говорят, что у тебя безошибочное чувство справедливости, правильного и неправильного, чести и сострадания. Говорят также… – Адам скривился при этом, – что ты замечательно хорош под простынями, или так просто заявила одна женщина, и это очень сильно оскорбило меня. В действительности, о тебе говорят просто слишком много, чтобы ты мог мне понравиться. Я прибыл сюда, чтобы ненавидеть тебя, Хок. Но я прибыл сюда не для того, чтобы ненавидеть эту женщину, которую ты зовешь своей женой.

Адам и Хок смотрели друг на друга с едва обуздываемым стремлением к насилию.

Эдриен резко вскрикнула и задрожала в объятиях Хока. Ее тело конвульсивно дернулось, затем вытянулось, как будто растянутое на дыбе. Хок с трудом сглотнул. *Какой у него есть выбор?* Выбора не было, выбирать было не из чего.

– Вылечи ее, – проговорил он сквозь стиснутые зубы.

– Ты окажешь мне услугу, о которой я прошу? – спросил кузнец.

– Как мы договорились. Только если она выберет тебя.

– Ты не будешь накладывать никаких ограничений на время, которое она захочет проводить со мной. Я буду добиваться ее с этого дня и впредь, и ты не будешь предостерегать ее против меня. Она будет свободна, чтобы встречаться со мной, когда пожелает.

– Я тоже буду добиваться ее.

– В этом и состоит игра, Хок, – мягко сказал Адам, и Хок наконец-то понял. Кузнец не хотел, чтобы он просто так отдал ему свою жену. Он хотел соревнования, битвы за ее благосклонность. Он хотел открытого противостояния, и он намеревался выиграть.

– Ты взбесишься, когда я заберу ее у тебя, ужасный Хок, – пообещал кузнец. – Закрой дверь, когда будешь уходить.

Глава 10

– Как это возможно, Гримм, что мир человека может перевернуться вверх ногами, и он даже не имеет шанса предвидеть это и предотвратить?

Хок начал пить с того момента, как закрыл дверь за своей женой и кузнецом. Он с решительностью пытался добиться того, чтобы его голова кружилась, ноги подкашивались, и ныл живот, но он у него это не получилось.

– Ты веришь, что он сможет вылечить ее, Хок?

Хок задумался на мгновение.

– Да, Гримм. Есть что-то неестественное в Адаме Блэке, и я собираюсь выяснить, что это такое.

– Что кажется тебе подозрительным?

– Я не знаю, Гримм. Я хочу? чтобы ты разузнал все о нем, все что сможешь. Расспроси каждого в замке, пока не получишь какие-нибудь ответы. Откуда он приехал, когда он приехал сюда, кто его родственники, что он делает на протяжении дня. Я хочу знать о каждом вздохе, который он делает, о каждой его отлучке по нужде.

– Я понял, Хок.

– Отлично.

Они оба повернулись, чтобы посмотреть на дверь, ведущую в Зеленую комнату. Прошло несколько часов с того момента, как кузнец закрыл дверь. С тех пор изнутри не донеслось ни звука.

– Кто пытался убить ее, Хок? – озадаченно спросил Гримм. – Безумная Джанет была практически затворницей. Если судить по слухам из замка Комина, не более пяти человек когда-либо видели ее. Как могла девушка, находящаяся так далеко от общества, оскорбить кого-то так сильно, что вызвала жажду убийства?

Хок устало потер голову. Его желудок сводило судорогой, и виски не помогало ему. Подчиняясь внезапному импульсу, он переставил бутылку подальше от себя, в направлении Гримма.

– Не позволяй мне больше пить. Мне нужна ясная голова. Сейчас я просто не могу думать. Он касается ее, Гримм. Он может протирать ее тело, глазеть на нее. Я хочу убить его.

– Так сделай это, когда он вылечит ее, – просто сказал Гримм.

– Я не смогу!

– Тогда я сделаю это для тебя, – предложил всегда преданный Гримм.

– Нет. Мы заключили договор.

– Ты заключил с ним договор? – Глаза Гримма распахнулись в изумлении. – Катись все к дьяволу! Ты никогда не нарушишь договор. Почему ты был глуп настолько, чтобы заключить договор с человеком, которого ты терпеть не можешь?

– Он может спасти мою жену.

– Когда это ты успел проникнуться к этой Безумной Джанет такими чувствами, которые, как ты клялся, ты никогда не будешь испытывать к жене?

– Заткнись, Гримм.

– Что это за договор, Хок? – упорно стоял на своем Гримм.

– Он хочет Эдриен.

– Ты отдашь ему Эдриен?

– Гримм, не спрашивай меня больше. Просто разузнай что-нибудь – все, что угодно – об этом человеке по имени Адам Блэк.

– Будь уверен, я это сделаю.

* * *

– Ты безупречна, красотка, – сказал кузнец, в то время как его угольно-черные глаза рыскали по ее обнаженному телу, завернутому во влажные простыни.

– Безупречная и преступная, – сонная Эдриен не придала значения своим словам.

– Определенно преступная.

Он не мог знать. Это невозможно.

– Что ты под этим имел в виду? – Она испытывала трудности, выговаривая слова, и не была уверена, что ей удастся издать хотя бы звук.

– Только то, что должно быть что-то *преступное* в женщине такой красоты, – лукаво ответил он.

– Во мне нет ничего преступного, – сдержанно запротестовала она.

– О, красотка, думаю, что в тебе достаточно преступного.

– А в тебе есть что-то необычное, Адам, – пробормотала она, и беспокойно задвигалась.

– Нет, – ответил он самодовольно, – определенно, во мне нет ничего обычного. Дай мне твою руку, красотка, и я покажу тебе нечто необычное.

А затем она увидела прохладную воду, пенистый океан, обрамленный молочно-белым песком. Шепот нежного прибоя, мчащегося по пляжу, прохладный песок под босыми ногами. Ни мурашек под кожей, ни мучительной боли, ни лихорадки. Только покой в этой самой любимой гавани в мире. Морской берег в Мауи, где она проводила каникулы со своими подругами. Прекрасные, блаженные дни, которые они провели здесь, со свежевыжатым апельсиновым соком и бесконечным летним перемещение по пляжу, когда голые ноги ступают по краю волны.

А затем появились более странные видения. Запах жасмина и сандалового дерева. Белоснежный песок, усеянный шелковыми тентами цвета фуксии и бабочки, сидящие на каждой ветке каждой рябины. Невероятное место. И она лежала на прохладном песке и ее ласкали целительные лазурные тропические волны.

– *Красотка, моя красотка. Пожелай меня. Почувствуй меня, жажди меня, и я удовлетворю твою потребность.*

– Хок?

Гнев Адама был почти ощутим в воздухе.

Эдриен заставила себя немного приоткрыть глаза и вздохнула. Если бы ее тело подчинялось ей, она бы немедленно соскочила с кровати. Но оно не слушалось. Оно лежало на кровати, вялая и слабая, в то время как ее характер давно уже приказывал ему вскочить.

– Выйди из моей комнаты! – завопила она. По крайней мере, ее голос не утратил своей энергии.

– Я только проверял – на всякий случай – стал ли твой лоб прохладнее, – шаловливо усмехнулся Адам.

– Ты тупоголовый чурбан! Меня не беспокоит, почему ты здесь, просто выметайся!

Наконец, ее тело стало понемногу ее слушаться, и она смогла обхватить пальцами бокал, стоящий рядом с постелью. Она была слишком слаба, чтобы бросить его, но по крайней мере она смогла сдвинуть его со стола. Бокал упал на пол и разбился. Этот звук немного успокоил ее.

– Ты умирала, и я вылечил тебя, – напомнил Адам.

– Благодарю тебя. А теперь убирайся.

Адам моргнул.

– Это все? Благодарю тебя, а теперь убирайся?

– Не считай что я настолько глупа, чтобы не понять, что ты лапал мою грудь! – свирепо прошептала она. По смущенному выражению его лица она поняла, что он на самом деле думал, что она без сознания. – Так вот, это и моя благодарность – это все, что ты получишь, кузнец! – проворчала она. – Я ненавижу красивых мужчин! Ненавижу!

– Я знаю, – улыбнулся Адам с истинным удовольствием и подчинился ее приказу.

Эдриен крепко-накрепко зажмурила глаза, но за закрытыми веками возникли розово-серые тени. Образы того, как Хок держит ее между своих твердокаменных бедер, обнимая ее руками, как стальными обручами. Его голос шептал ее имя, снова и снова, звал ее назад, приказывал ей вернуться назад. Требовал, чтобы она жила. Шептал слова о… Что же он говорил?

* * *

– Она жива, Лорд Канюк…

– Хок[1].

– Это две хищные птицы. В чем разница?

– Канюк – мусорщик, подбирает все подряд. Ястреб выбирает свою жертву также

1 Хок (Hawk) – в переводе с английского означает «Ястреб».

тщательно, как и сокол. Выслеживает ее с такой же безошибочной уверенностью. И очень редко ошибается – почти что никогда.

– Никогда, – удивился Адам. – В мире нет ничего абсолютного, Лорд Хок.

– В этом ты не прав. Я выбираю цель, я изучаю ее, я преследую, я добиваюсь, я побеждаю. Это, мой рассеянный друг, то, что у меня всегда получается.

Адам покачал головой и изучил Хока с очевидным интересом.

– Ты достойный противник. Охота начинается. Никаких обманов. Никаких уловок. Ты не можешь запрещать ей встречаться со мной. И я знаю, что ты уже это делал. Ты откажешься от своих правил.

Хок наклонил свою темную голову.

– Выбирать будет она, – кратко согласился он. – Я ничего не буду запрещать ей.

Адам удовлетворенно кивнул, засунул руки глубоко в карманы своих свободных штанов и ждал.

– Что еще? Убирайся из моего замка, кузнец. У тебя есть свое место, и оно снаружи этих стен.

– Ты мог бы попытаться выразить благодарность. Она жива.

– Я не уверен, что это не ты был причиной того, что она была при смерти.

В ответ на это Адам глубокомысленно сдвинул брови.

– Нет. Но теперь, вот что я думаю об этом – мне нужно этим заняться. Я удивляюсь… кто мог попытаться убить красотку, если не я? А я этого не делал. Потому что если бы это был я, она была бы мертва. Никаких медленных ядов я не использую. Быстрая смерть или никакой смерти.

– Ты странный человек, кузнец.

– Но скоро она узнает меня очень близко.

– Моли Бога, чтобы она оказалась умнее, чем он думает, – пробормотал Гримм, когда Адам пошел прочь по тускло освещенному коридору. Наступала ночь, но большинство ламп в замке еще не были зажжены.

Хок тяжело вздохнул.

– Что за сделку ты заключил с этим дьяволом? – спросил Гримм едва слышным голосом.

– Ты думаешь, что это был именно он?

– В нем есть что-то необычное, и я собираюсь выяснить, что это такое.

– Хорошо. Потому что он хочет мою жену, а она не хочет меня. И я видел в ее глазах, что она до боли хочет его.

Гримм вздрогнул.

– Ты уверен, что ты хочешь ее не просто, потому что она не хочет тебя, и он хочет ее?

Хок медленно покачал головой.

– Гримм, я не могу описать словами то, что она заставляет меня чувствовать.

– Ты всегда мог все описать.

– В этот раз я не могу описать свои чувства, но знаю, что я попал в переделку. И я увязну еще глубже, потому что должен покорить эту девушку.

– Если бы только любовь разливалась по бутылкам или была стрелой, летящей из лука Купидона, мой друг, – прошептал Гримм легкому ветерку, когда как Хок стремительно вошел в комнату Эдриен.

* * *

В последующие недели Хок мог бы много раз задуматься, почему цыгане, которых он ценил и доверял им, и считал, что они испытывают те же чувства в ответ, так и не пришли чтобы попытаться вылечить его жену в эти ужасные дни. Когда он спросил у стражника, человек сказал, что он доставил послание Хока. Но цыгане не только не пришли помочь ему в этом деле, они подозрительно обходили Далкит стороной. Они не приходили в замок,

чтобы обменивать свои товары. Они не проводили вечеров в Большом холле, рассказывая истории перед увлеченной и изумленной аудиторией. Ни один цыган ни приближался к Далкит-на-море, они держались своего поля, там, за рябинами.

Этот факт недолго занимал разум Хока, но быстро потерялся под наплывом других, более важных интересов. Он пообещал себе, что выяснит этот вопрос, совершив путешествие в цыганский лагерь, когда его жена полностью поправится и дела со странным кузнецом получат свое разрешение. Но все же прошло некоторое время перед тем, как он совершил поездку в лагерь цыган, и к этому времени ситуация уже совершенно изменилась.

* * *

Эдриен выплыла из целительного сна, чтобы увидеть своего мужа, пристально смотрящего на нее.

– Я думал, что потерял тебя. – Лицо Хока было темным, блестящим в свете очага, и оно было первым, что она увидела, открыв глаза. Ей потребовалось довольно длительное время, чтобы встряхнуть ту хлопковую набивку, в которую превратились ее мозги. Проснувшись, она ощутила стремление к сопротивлению. Даже от простого взгляда на этого человека ее характер начинал закипать.

– Ты не можешь потерять того, чего не имел. Начнем с того, что я никогда не была твоей, Лэрд Хок, – пробормотала она.

– Еще, – поправил он. – Ты еще не была моей. По крайней мере, не в том смысле, в котором я буду иметь тебя. Подо мной. С голой, шелковистой кожей, скользкой от моей ласки. От моих поцелуев. От моего желания. – Он провел подушечкой пальца по изгибу ее нижней губы, и улыбнулся.

– Никогда.

– Никогда не говори никогда. Это только заставит тебя выглядеть глупо, когда тебе придется взять эти слова обратно. А я не хочу, чтобы ты выглядела глупо, девушка.

– Никогда, – сказала она еще тверже. – И я никогда не говорю никогда, если только я не абсолютно, на сто процентов уверена в том, что я никогда не изменю своего мнения.

– Здесь слишком много слов «никогда», сердце мое. Будь осторожна.

– Твое сердце – это сморщенная слива. И я имела в виду каждое из этих проклятых «никогда».

– Понимай их как хочешь, девушка. Тем большее удовольствие доставит мне накинуть на тебя узду.

– Я тебе не кобыла, чтобы приучать меня к поводьям!

– Ах, но так много похожего, не так ли? Тебе нужна сильная рука, Эдриен. Уверенный наездник, который не испугается твоей сильной воли. Тебе нужен человек, который сможет совладать с твоим брыканием и наслаждаться твоим бегом. Я не собираюсь укрощать тебя. Нет. Я хочу приучить тебя чувствовать мою руку, и только мою. Укрощенная кобыла может позволять садиться на нее многим всадникам, но дикая лошадь, которую приучили слушаться одной руки – она не теряет своего огня, но не позволяет никому, кроме своего настоящего хозяина взбираться на нее.

– Ни один человек никогда не был моим хозяином, и ни один не будет. Заруби это себе на носу, Дуглас. – Эдриен стиснула зубы, пытаясь изо всех сил сесть прямо. Было трудно пытаться вести беседу, лежа вытянувшись на спине, чувствуя себя смехотворно слабой, и глядя вверх на этого Голиафа. – А что до того, чтобы взбираться на меня…

К ее огорчению и немалому изумлению Хока, она вновь провалилась в целительный сон, даже не закончив свою мысль.

Но ему было неизвестно, что она более чем закончила эту мысль в своем сне. *Никогда!* Воскликнул ее и во сне спящий разум, даже несмотря на то, что ее тянуло к большому темному человеку с огнем в глазах.

Глава 11

– Это вовсе не меня кто-то хотел убить, – повторила Эдриен.

Она была почти погребена под горами шикарных подушек и шерстяных покрывал, и чувствовала, что была беспомощно поглощена горой перьев.

Каждый раз, как только она двигалась, проклятая кровать перемещалась вместе с ней. Это утомляло ее, как если бы на нее надели смирительную рубашку.

– Я хочу встать, Хок. *Немедленно* . – Слишком плохо было то, что ее голос не прозвучал так уверенно, как ей хотелось. Это было – это должно было быть – возмутительным, лежать в постели и пытаться спорить именно с этим мужчиной, в то время как ее мысли разлетались как листья на ветру, превращались в беспорядочные страстные образы; бронзовая кожа рядом с бледной, черные глаза и горячие поцелуи.

Хок улыбнулся, и ей пришлось подавить ошеломляющее желание просто улыбнуться ему в ответ, как какая-нибудь тупоголовая идиотка. Он был прекрасен, когда был серьезен, но когда он улыбался, она была в смертельной опасности, потому что могла забыть что он – ее враг. И она никогда не должна забывать это. Так что она решила использовать разочарование в своих целях, и приняла внушительный угрюмый вид.

Его улыбка погасла.

– Девушка, оба раза мишенью была ты. Когда ты посмотришь в лицо фактам? Тебя должны охранять. Ты привыкнешь к этому. Через некоторое время ты даже перестанешь замечать их. Он показал на дюжину мускулистых мужчин, находящихся у входа в Зеленую комнату.

Она бросила испепеляющий взгляд на свою «элитную охрану», как он их назвал. Они стояли, расставив ноги, сложив руки на худощавой широкой груди. Невозмутимые, каменные лица и каждому из них сам Атлас мог бы переложить на плечи часть своей ноши. *Где они берут таких мужчин? Выращивают на ферме «Бонни и Броу – Образцы мужской красоты»?* Она фыркнула от отвращения.

– Что ты действительно не понимаешь, так это то, что пока ты будешь занят охраняя меня, убийца доберется до того, за кем он на самом деле охотится. Потому что это не я!

– Они называли тебя «Безумной Джанет» потому что ты отказывалась воспринимать действительность? – удивился он. – Реальность в том, что кто-то желает твоей смерти. Реальность в том, что я только пытаюсь защитить тебя. Реальность в том, что ты моя жена, и я всегда буду оберегать тебя от опасности.

Он наклонился ближе к ней, произнося эти слова, отмечая каждое слово взмахом руки в воздухе прямо перед ней. Эдриен в ответ скользила глубже в перину из перьев при каждом взмахе.

– Это моя обязанность, моя честь, мое удовольствие, – продолжал он. Его глаза пробежали по ее запрокинутому лицу и потемнели от желания. – Реальность… ах… *реальность* в том, что ты исключительно красива, сердце мое, – сказал он внезапно охрипшим голосом.

Его голос рисовал в ее воображении взбитые сливки, смешанные с отличным виски, выложенные на тающие кубики льда. Нежный и грубый одновременно. Это расстроило ее, лишало ее даже того незначительно самообладания, что она решительно собрала вокруг себя. Когда он провел языком по своей полной нижней губе, у нее пересохло во рту, как в пустыне. И его темные глаза с золотистыми искорками были полны разгорающимися обещаниями бесконечной страсти. Его глаза были прикованы к ее губам, и ох, кажется, он собирается поцеловать ее и она должна что-то сделать, чтобы это предотвратить!

– Настало время, чтобы сказать тебе правду. Я *не* Безумная Джанет, – отрезала она, говоря что-то, что угодно, что пришло в голову, просто чтобы не дать его губам завладеть ее губами в этом опьяняющем удовольствии. – И в сотый раз – я не твое проклятое сердце!

Он немедленно согласился.

– Я и не думал, что это ты. Имею в виду, что ты не безумная. Но *ты* мое сердце,

нравится тебе это или нет. Кстати, Лидия тоже не считает тебя безумной. Мы – она и я – знаем, что ты разумная и вменяемая. Кроме двух случаев: твоей безопасности и меня. Ты ведешь себя абсолютно неразумно по отношению ко мне и по отношению к своей безопасности. – Он пожал одним мускулистым плечом. – Вот почему я веду с тобой эту маленькую беседу. Чтобы помочь тебе видеть некоторые вещи более ясно.

– Ох! Это как раз те вещи, в которых *ты* так упрям. Я не в опасности и я не хочу тебя!

Он засмеялся. Будь он проклят, этот мужчина, он смеялся.

– *Ты* в опасности, а что касается того, чтобы хотеть меня… – Он придвинулся ближе. Он опустился всем весом на подушки рядом с ней, что заставило ее переместиться и тревожно откатиться в сторону. Прямо к нему в руки. *Как удобно* , язвительно подумала она. Теперь она поняла, для чего в прежние времена использовали все эти подушки. И почему у этих людей было так много детей.

– Ты прав, я хочу, чтобы ты…

Он застыл.

– Чтобы я сделал что?

– … вышел из моей комнаты, – продолжила она. – Убрался с глаз долой и из моей жизни. Не приближайся ко мне, *не смей даже вдыхать один со мной воздух* , понял?

– Кстати, это *мой* воздух, и все тут принадлежит мне как Лэрду. Но ты можешь убедить меня разделить это с тобой, моя сладенькая женушка.

Он улыбался!

– И я *не* твоя женушка! Или, по крайней мере, не та, кого ты рассчитывал получить! Я из девяностых годов двадцатого века – это почти на пятьсот лет вперед в будущем, если ты не можешь сосчитать, – а Комин убил свою дочь. Как? Я не знаю, но у меня есть подозрения, и я не имею ни малейшего представления, как я очутилась на его коленях. Но ему нужно было выдать кого-то за тебя замуж – он сказал, что я – подарок богов, – и он выдал меня за свою дочь, когда я свалилась на него. Как бы там ни было, я оказалась связанной с тобой.

Вот. Это было сказано. Правда. Это должно остановить его от дальнейших попыток соблазнения. Не имеет значения, что если то, что рассказала Лидия о короле Якове, было правдой, она только что подвергла опасности весь клан Дугласов. Ее слова помешали его губам прикоснуться к ее, и это была самая неминуемая опасность, которой она боялась. Даже гнев мстительных королей казался не таким ужасным. Еще один красивый мужчина, еще одно разбитое сердце.

Хок сидел неподвижно. Он долго молча смотрел на нее, как будто переваривая то, что она только что сказала. Затем нежная улыбка прогнала туман с его глаз.

– Гримм сказал мне, что ты сочиняешь диковинные истории. Он казал, что у тебя поразительное воображение. Твой отец говорил Гримму, что ты просила у него позволения стать его бардом, а не его дочерью. Девушка, я ничего не имею против хорошей истории, и с удовольствием послушаю тебя, если ты прислушаешься к моим советам, касающимся твоей безопасности.

Эдриен разочарованно выдохнула, и этот выдох послал прядь ее серебристых белокурых волос прямо в лицо Хоку. Он поцеловал эту прядь, когда она нежно проскользила по его рту.

В ее животе разгорелся огонь. Она закрыла глаза и собрала все свое самообладание, из всех самых дальних уголков своей души. «*Я не буду думать о том, как он целует каждую часть моего тела* », – решительно сказала она себе.

– Я *не* дочь Кровавого Комина, – вздохнула она, еще сильнее зажмуривая глаза. Когда же она поймет, что, закрывая глаза, она не заставит ничего и никого убраться прочь? Она открыла глаза. О небеса, этот мужчина великолепен. Она обдумывала эту мысль с некоторой гордостью, полагая, что хотя он очень сильно не нравился ей, она все же была объективна насчет его внешнего вида. Это был верный знак ее зрелости.

– Нет, это не имеет значения. Теперь ты моя жена. Вот то, что имеет значение.

– Хок…

– Тише, девушка.

Эдриен замерла, поглощенная ощущением тепла его рук на ее руках. Когда он взял ее руки в свои? Почему она инстинктивно не отняла их? И почему медленное, чувственное движение его кожи по ее коже так опьяняло?

– Эдриен… этот яд, каллаброн. Чтобы яд начал отравлять организм, он должен попасть в кровь через небольшой кровеносный сосуд. – Его пальцы легко скользнули по едва заметной красной отметине, которая сморщила прозрачную кожу на ее горле. – Это вовсе не был случайный промах. Это было точное попадание.

– Но кто захотел бы убить меня? – Она с трудом сглотнула. Как может кто-то хотеть этого? Никто здесь ее не знал. Но… что, если кто-то хотел убить Безумную Джанет, и не знал, что она – *не* Джанет?

– На это у меня пока нет ответа, сердце мое. Сейчас нет. Но пока я не узнаю этого, тебя будут охранять день и ночь. Каждый момент, каждый твой вздох. Я не собираюсь снова по глупости рисковать твоей жизнью.

– Но я не Джанет Комин, – упрямо снова повторила она.

Его темные глаза внимательно вглядывались в ее прозрачно-серые.

– Девушка, мне на самом деле все равно кто ты, или кем была, и мне не нужно думать, кем ты будешь. Я хочу тебя. Чтобы ты была в моей жизни. В моих руках. В моей постели. Если тебе легче от того, что ты веришь… в эту историю о том, что ты из будущего, тогда верь в нее, если тебе это нужно. Но с этого дня и на будущее, ты прежде всего – моя жена, и я буду охранять тебя от всего, что может повредить тебя. Тебе никогда не нужно будет больше бояться.

Эдриен беспомощно подняла руки.

– Отлично. Охраняй меня. Так могу я теперь встать?

– Нет.

– А когда смогу? – печально спросила она.

– Когда я разрешу это. – Он обезоруживающе улыбнулся, и быстро наклонился, чтобы украсть поцелуй. Его лицо наткнулось на ее обе руки. Ей пришлось собрать каждую унцию своей воли, чтобы не схватить его лицо своими ладонями и с трясущимися руками подарить ему поцелуй, который он искал.

Он зарычал и долго смотрел не нее, изучая ее.

– Я должен обращаться с тобой, как с одним из моих соколов, жена.

– Позволь мне встать с кровати, – спокойно предложила она. *Она совершенно не собиралась спрашивать, как он обращается с соколами* .

Он зарычал еще ниже и затем ушел. Но элитная дюжина осталась у ее двери.

После того, как он ушел, она ясно вспомнила одну вещь, которую он сказал. *Тебе не нужно больше бояться* . Этот мужчина был слишком хорош, чтобы быть правдивым.

* * *

Дни выздоровления были настоящим блаженством. Лидия отвергла возражения Хока и поставила в саду шезлонг для Эдриен. Хотя ее все еще усиленно охраняли, она могла нежиться на ярком солнышке как сонная, довольная кошка, находясь на длинном пути к выздоровлению. Дни, полные роз и бесед с Лидией, во время которых они узнавали друг друга через короткие разговоры и короткие паузы между ними, только помогали выздоровлению ее измученного тела. Потягивая чай (она предпочла бы кофе, но это привело бы к появлению Хока с его «просьбами») и обмениваясь историями, Эдриен иногда содрогалась от сильного ощущения того, что именно этому месту она и принадлежала всю свою жизнь.

Любовь может вырасти среди жизненных скал и шипов, – подумала она в одну из маленьких пауз между разговорами, которые были удобными, как любимое, изношенное одеяло. От пустынной и бесплодной своей прежней жизни, она каким-то образом оказаться

здесь и здесь жизнь была благословенной – мирной и идеальной и простой.

Эдриен выздоравливала более быстро, чем кто-либо полагал возможным. Тэвис заметил, сгибая и изучая свои скрюченные временем руки, что на ее стороне была молодость, которая быстро восстанавливает силы. Не говоря уже о ее неукротимом характере, добавил он. «*Ты имел в виду упрямый* », – поправил его Хок.

Лидия полагала, что на щеках Эдриен мог гореть только румянец любви. Ха! Хок усмехнулся. *Любви к солнечному свету, вероятно* . И Лидия почти что засмеялась вслух, заметив каким яростным и ревнивым взглядом разглядывает Хок яркие солнечные лучи, выглядывая из окна кухни.

Гримм предположил, что вероятно, она была так зла на Хока, что торопится со своим выздоровлением, чтобы бороться с ним на равных. «*Вот нашелся мужчина, который понимает женщин* », – подумал Хок.

Никто из них не знал, что за исключением того, что она скучала по своему котенку, Лунной тени, эти дни были самыми счастливыми в ее жизни.

Пока она бездельничала в покое и на солнце, Эдриен наслаждалась блаженным незнанием. Она до смерти испугалась бы, если бы кто-то сказал, ей что она говорила об Эберхарде в состоянии оцепенения. Она не поняла бы, если бы кто-то сказал ей, что она говорила о черной королеве, потому что ее просыпающееся сознание все еще не вспомнило о шахматной фигурке.

Она не имела ни малейшего понятия, что пока она и Лидия приятно проводили время, Гримм отправился – и теперь был на пути оттуда – в замок Комина, где он обнаружил ужасную информацию о безумной Джанет.

И она собрала бы все свои немногочисленные вещи и бежала бы, спасая свою жизнь, если не свою душу, если бы она знала, как одержимо намеревался Хок сделать ее своей женой во *всех* отношениях, которые предполагало это слово.

Но она ничего этого не знала. И таким образом дни, которое она проводила в садах Далкита-на-море будут любовно уложены как драгоценная жемчужина в сокровищницу ее памяти, где будут сиять как бриллиант в темноте.

Глава 12

Было не слишком забавно шнырять по замку с дюжиной крутых коммандос, следующих за ней, но Эдриен сумела с этим справиться. Спустя некоторое время она уже притворялась, будто не замечает их. Точно так же, как она притворялась, что Хок был всего лишь раздражающим ее комаром, которого она неоднократно отгоняла прочь.

Далкит-на-море был таким же прекрасным замком, как тот, о котором она мечтала в детстве, когда, спрятавшись в постели под палаткой из одеял, с украденным фонариком, она читала волшебные сказки еще долго после того, как гасили свет.

Комнаты были просторные и хорошо проветренные, с яркими вытканными гобеленами, висящими вдоль толстых каменных стен, чтобы не пропускать холодный воздух, который может проникнуть через трещины в стене, хотя Эдриен не смогла найти ни одной трещины – она заглянула под несколько гобеленов, просто чтобы посмотреть.

Это историческое любопытство, сказала она себе. И это не значит, что она пытается найти какие-то недостатки в замке или в Лэрде, которому он принадлежит.

Сотни прекрасных окон со средниками. Очевидно, люди, населяющие Далкит, не могут оставаться внутри замка, когда снаружи такой роскошный пейзаж, которым можно наслаждаться на свежем воздухе, в горах Шотландии, долинах и на морском берегу.

Эдриен задумчиво вздохнула, когда остановилась у сводчатого окна, чтобы насладиться видом безостановочных серебристо-серых волн, разбивающихся об утесы на западном конце замка.

Женщина может влюбиться в такое место, как этот замок. Дрожа от шелковистых локонов до изящных сатиновых туфелек, она приземлится в море лент и романтики прямо к

идеальным ногам идеального Лэрда.

В этот самый момент, как будто бы вызванный ее неуправляемыми мыслями, Хок появился в поле ее зрения внизу во дворе замка, ведя за собой одну из самых больших черных лошадей, какую ей когда-либо доводилось видеть. Эдриен начала отворачиваться от окна, но ее ноги не слушались, так же как и глаза не хотели отстраняться, и вопреки своим намерениям игнорировать его, она стояла и смотрела на него в беспомощном очаровании.

Плавным движением, одетый в килт шотландский Лэрд вскочил на спину фыркающего мощного жеребца.

И в то время, когда он садился на лошадь, его симпатичный килт задрался вверх, давая Эдриен грешную возможность увидеть сильные мускулистые бедра, красиво покрытые черными шелковистыми волосами. Она поморгала, отказываясь обдумывать что еще, по ее мнению, она увидела.

Несомненно, они должны что-то носить под этими килтами. Несомненно, это все ее сверхактивное воображение, нелепым образом приписавшее размеры, обычные для жеребца, мужественности Хока.

Да. Это решительно было так. Она увидела периферийным зрением заметно выдающиеся принадлежности жеребца, в то время как смотрела на ноги Хока, и сумела каким то образом объединить эти два образа. Конечно же, она *не* видела, чтобы у самого Хока что-то висело как у жеребца.

Ее щеки вспыхнули при этой мысли. Она резко повернулась на пятках, чтобы резко подавить ее, и направилась в следующую необследованную комнату. Она решила изучить замок этим утром, большей частью для того, чтобы заставить себя не думать об этом проклятом мужчине. Совершенно случайно ему пришлось пройти под тем окном, из которого она выглядывала. И взлетевший вверх подол его килта только добавил топлива в пресловутый огонь.

Она попыталась вернуть свое сознание назад, к прекрасной архитектуре Далкита. Она была на втором этаже замка, и уже бесцельно бродила через десятки гостевых комнат, включая ту, в которой она провела свою первую ночь здесь. Далкит был огромен. Здесь должно быть было сто или более комнат, и многие из них, казалось, не использовались десятилетиями. Крыло, которое она сейчас изучала, было наиболее современным и часто используемым. Оно было отделано светлой древесиной, отполированной до прекрасного блеска, и не было видно никаких следов пыли. Толстые тканые коврики покрывали пол, здесь не было никаких сквозняков или голых холодных камней. Связки ароматных трав и высушенных цветов свисали вверх тормашками почти с каждого оконного выступа, насыщая воздух в коридоре.

Вспышка света привлекла внимание Эдриен к закрытой двери, находящейся немного дальше по коридору. На двери, вделанное в светлую древесину, находилось удивительно точное изображение скачущей лошади, изящно вставшей на дыбы, с гривой, развевающейся по ветру. Один спиралевидный рог элегантно поднимался из лошадиного лба. Единорог?

Положив руку на дверь, она замерла, внезапно испытав странное ощущение, что эту комнату было бы лучше оставить в покое. *Любопытство сгубило кошку* …

Когда дверь тихо отворилась, она застыла, с дрожащей рукой, лежащей на косяке.

Невероятно. Просто непостижимо. Ее удивленный взгляд охватил комнату от пола до стропил, от начала до конца, а затем в обратном направлении.

Кто это сделал?

Эта комната взывала к каждой унции женственности в ее теле. *Признайся себе* , мрачно сказала себе Эдриен, *весь этот замок взывает к каждой унции женственности в твоем теле* . Не говоря уже о сексуальном, мужественном Лэрде крепости.

Эта комната была сделана для детей. Оборудована с такой любовью, что это было просто ошеломляюще. Разноголосые, противоречивые эмоции заполнили ее сознание, до тех пор, пока она не смогла отбросить их.

Здесь были колыбели из дуба цвета меда, изогнутые и отполированные так гладко,

чтобы ни одна щепка не смогла отколоться и повредить нежной коже ребенка. По восточной стене располагались высокие окна, достаточно высокие, чтобы малыш не мог выпасть, но при этом открытые золотому свету утреннего солнца. Деревянные полы были прикрыты толстыми ковриками, чтобы детские ножки находились в тепле.

Ярко раскрашенные деревянные солдатики были расставлены на полках, и любовно сделанные куклы располагались на крошечных кроватях. Миниатюрный замок, с множеством башенок, сухим рвом и разводным мостом был полон маленьких вырезанных людей; честное слово, настоящий средневековый кукольный дом!

Пушистые одеяла закрывали колыбели и кроватки. Это была большая комната, эта детская. Комната, в которой ребенок (или дюжина) может расти с младенчества до подростка, перед тем как перейти в более взрослую комнату где-то еще. Это была комната, которая наполняла бы мир ребенка любовью, безопасностью, и удовольствием часы напролет.

Как будто эту комнату создавал кто-то, кто вспоминал о том, каким он или она был ребенком, и смастерил все эти сокровища, которые доставляли ему или ей такое удовольствие, когда он сам был маленьким мальчиком или девочкой.

Но больше всего ее поразило ее то, что комната как будто ждала.

Открытая, теплая и приглашающая, комната как будто говорила: *наполните меня смеющимися детьми и любовью* .

Все было готово, детская просто ожидала того времени, когда появится правильная женщина и вдохнет в нее блестящую жизнь, состоящую из детских песен, мечтаний и надежд.

Сильное желание, причинявшее острую боль, возникло внутри Эдриен, что она даже не поняла, что это такое. Но это имело прямое отношение к тому, что она была сиротой, и к тому холодному месту, где она выросла – место, которое не имело ничего общего с этой прекрасной комнатой; она – часть красивого дома, в восхитительном месте, и люди здесь будут расточать любовь своим детям.

О, растить детей в таком месте, как это.

Детей, которые будут знать своих мать и отца, в отличие от Эдриен. Детей, которым никогда не придется гадать, почему их не захотели оставить.

Эдриен яростно вытерла глаза и отвернулась. Слишком тяжело было для нее иметь дело с этой комнатой.

И уткнулась прямо в Лидию.

– Лидия! – удивилась она. Ну конечно же. Почему ее должно удивлять то, что она врезалась в замечательную мать замечательного мужчины, который, по всей вероятности, построил замечательную детскую?

Лидия подхватила ее за локти.

– Я пришла, чтобы убедиться, что ты чувствуешь себя хорошо, Эдриен. Думаю, может быть, тебе еще рано вставать и ходить…

– Кто построил эту комнату? – прошептала Эдриен.

Лидия наклонила голову, и на короткий миг Эдриен нелепым образом показалось, что Лидия пытается сдержать смех.

– Хок придумал и отделал ее самостоятельно, – сказала Лидия, тщательно разглаживая маленькие складочки на своем платье.

Эдриен закатила глаза, пытаясь убедить свой эмоциональный барометр прекратить показывать уязвимость, и подняться до чего-нибудь более безопасного, например, до злости.

– Что же, Эдриен, тебе она не нравиться? – сладким голосом спросила Лидия.

Эдриен обернулась и окинула комнату раздраженным взглядом. Детская была светлой и веселой и оживленной выражением эмоций ее создателя, вложенных в его произведение.

– Когда? До или после королевской службы? – Было очень важно, чтобы она узнала, построил ли он эту комнату в семнадцать или восемнадцать лет, возможно, чтобы порадовать свою мать, или недавно, в надежде, что его собственные дети однажды заполнят

ее.

– Во время службы. Король дал ему небольшой отпуск, когда ему было двадцать девять. Здесь, в этих районах, возникли неприятности с горцами, и Хоку было разрешено вернуться, чтобы укрепить Далкит. Когда вражда была окончена, он провел достаточно времени, работая здесь. Он работал как одержимый, и по правде говоря, я не имела понятия, что он делает. Хок всегда работал с деревом, строил и мастерил вещи. Он не позволил бы никому из нас посмотреть на то, что делал, и мало говорил об этом. Когда он вернулся к королю Якову, я пришла посмотреть, чем он занимался. – Глаза Лидии на миг затуманились. – Я скажу тебе правду, Эдриен, это довело меня до слез. Потому что это сказало мне, что мой сын думает о детях и как они драгоценны для него. Также я было очень удивлена, когда я увидела законченной эту комнату. Я думаю, это удивило бы почти каждую женщину. Мужчины обычно не видят детей таким образом. Но Хок, он редкий мужчина. Как и его отец.

Тебе не стоит уламывать меня для него, – мрачно подумала Эдриен.

– Я сожалею, Лидия. Я очень устала. Мне нужно отдохнуть, – сухо сказала она, и повернулась к двери.

Когда она вышла в коридор, она могла бы поклясться, что слышала, как Лидия негромко рассмеялась.

* * *

Хок нашел ожидающего его Гримма в кабинете, рассматривающим западные утесы через открытые двери. Он не упустил из виду ни побледневшие костяшки пальцев руки Гримма, которой тот стиснул раму двери, ни напряженную линию его спины.

– Итак? – нетерпеливо спросил Гримм. Он поехал бы сам в замок Комина, чтобы расследовать прошлое жены, но это означало бы оставить Эдриен наедине с проклятым кузнецом. Ни за что. И он не мог взять ее с собой, так что он послал Гримма чтобы разузнать что случилось с Джанет Комин.

Гримм медленно повернулся, вытащил стул и тяжело опустился на него возле огня.

Хок также сел, забросил ноги на стол и налил себе и другу бренди. Гримм принял его с благодарностью.

– Ну, что она сказала? – Хок крепче сжал пальцы, обхватившие стакан, в то время как он ожидал услышать, кто сделал такие ужасные вещи его жене, что ее разум погрузился в мир фантазий. Хок понимал, что в ней было не так. Он видел покрытых шрамами мужчин, испытавших такие ужасы, и которые вели себя подобным же образом. Множество варварских и кровавых потерь заставили некоторых солдат сотворять мечты, чтобы заменить реальность, и со временем многие из них поверили в то, что мечта стала настоящей. Так же, как это сделала его жена. Но, к сожалению, в случае с его женой, у него не было никакого понятия о том, что привело ее к болезненному отступлению в такую необычную фантазию, что она даже не могла выносить того, чтобы ее называли ее настоящим именем. И что бы не случилось с ней, это привело к тому, что она, кажется, категорически не желала доверять ни одному мужчине.

Хок сконцентрировался, чтобы послушать, и перенаправить свой гнев, когда он появится, чтобы он мог управлять им как холодным и эффективным оружием. Он мог бы сразить ее драконов, и тогда она начнет выздоравливать. Ее тело становилось сильнее с каждым днем, и Хок знал, что любовь Лидии много сделала для этого. Но он хотел, чтобы *его* любовь исцелила ее самые глубокие раны. И единственным способом, которым он мог сделать это, было узнать и понять, что она выстрадала.

Гримм сглотнул, поерзал в кресле, покачался из стороны в сторону, как мальчик, потом встал и двинулся к камину, беспокойно переминаясь с ноги на ногу.

– Выкладывай, парень! – Неделя, которую Гримм потратил на поездку, почти свела Хока с ума, он воображал что этот Эвер-Хард мог сделать. Или даже хуже, возможно, сам

Лэрд Комин был виновен в том, что причинил боль Эдриен. Хок боялся этой возможности, потому что она могла вызвать войну кланов. Конечно, это будет ужасно, но чтобы отомстить за свою жену – он сделала бы все на свете. – Кто этот Эвер-Хард? – Этот вопрос грыз его изнутри с той самой ночи, когда он услышал это имя слетевшее с ее лихорадочных губ.

Гримм вздохнул.

– Никто не знает. Ни один человек никогда не слышал о нем.

Хок тихо выругался. *Итак, Комин хранит свои секреты, не так ли* ?

– Говори, – приказал он.

Гримм вздохнул.

– Она думает, что она из будущего.

– Я знаю, что Эдриен так думает, – нетерпеливо сказал Хок. – Я послал тебя, чтобы узнать что может сказать об этом леди Комин.

– Я имею в виду, это она так думает, – категорично заявил Гримм. – Леди Комин полагает, что Эдриен из будущего.

– Что? – Темные брови Хока недоверчиво изогнулись. – Что ты такое рассказываешь мне, Гримм? Ты заявляешь мне, что леди Комин утверждает, что Эдриен не ее родная дочь?

– Да.

Сапоги Хока громко ударились об пол, и скрытое напряжение, наполнявшее его кровь поднялось до очень высокой температуры.

– Позволь мне уточнить. Алтея Комин сказала тебе, что Эдриен *не* ее дочь?

– Да.

Хок застыл. Это было не то, чего он ожидал. В своем воображении он никогда не предполагал, что фантазии его жены может разделять ее мать.

– Тогда что точно думает леди Комин о том, кто эта девушка? На ком, к дьяволу, я женился? – завопил Хок.

– Она не знает.

– У нее есть какие-нибудь предположения? – Сарказм пронизывал вопрос Хока. – Отвечай мне, парень!

– Не так то много я могу рассказать тебе, Хок. А то, что я знаю…ну, это чертовски странно, большинство из этого. Я совершенно не этого ожидал. О, я слышал такие истории, Хок, которые проверяют веру человека в естественный мир. Если то, что они утверждают, правда, черт, я не знаю, во что человеку остается тогда верить.

– Леди Комин разделяет заблуждение ее дочери, – недоумевал Хок.

– Нет, Хок, если Алтея Комин это делает, то и еще около сотня человек в придачу. Потому что именно столько человек видело, как она появилась ниоткуда. Я разговаривал с десятками людей, и они все рассказывают примерно одну и ту же историю. Клан сидел за столом, когда совершенно неожиданно девушка – Эдриен – появилась на коленях Лэрда, буквально из воздуха. Некоторые служанки назвали ее ведьмой, но это было замято. Кажется, Лэрд посчитал ее подарком от ангелов. Леди Комин говорит, что она увидела, как что-то упало из руки странно одетой женщины, протиснулась через суматоху, чтобы забрать это. Это было черная королева, которую она дала мне на свадьбе, и которую я отдал тебе, кода мы вернулись.

– Я удивлялся, почему она послала эту фигурку мне, – Хок задумчиво потер свой подбородок.

– Леди Комин говорит, что подумала, что деталь может позже стать важной. Говорит, что полагает, что эта фигура так или иначе заколдована.

– Если так, то каким образом она пропутешествовала через… – он оборвал себя, не способный закончить мысль. Он видел много чудес в своей жизни, и не мог полностью отвергать возможности магии – какой шотландец, выросший с верой в крошечный народ будет это делать? Но все же…

– Как она пропутешествовала через время, – закончил Гримм за него.

Мужчины уставились друг на друга.

Хок покачал головой.

– Ты веришь…?

– А ты?

Они посмотрели друг на друга. Посмотрели на огонь.

– Нет, – усмехнулись они одновременно, внимательно изучая огонь.

– Хотя она и не кажется совсем обычной, не так ли? – сказал наконец Гримм. – Я имею в виду, что она неестественно яркая. Красивая. И остроумная, ах, какие истории она рассказывала мне на пути из замка Комина. Она слишком сильна для девушки. И она странно выражается. Иногда – я не знаю, заметил ли ты – ее акцент появляется и исчезает.

Хок фыркнул. Он заметил. Ее акцент практически исчез, когда она лежала, отравленная ядом, и она говорила на странном наречии, которое он никогда раньше не слышал.

Гримм продолжал, говоря самому себе.

– Такая девушка как эта, может держать мужчину… – Он замолчал и резко взглянул на Хока. Прочистил горло. – Леди Комин знает, кто была ее дочь, Хок. *Была* – это самое важное слово. Некоторые служанки подтвердили историю Лидии, что настоящая Джанет умерла. Ходят слухи, что она умерла от руки своего отца. Ему нужно было выдать кого-то за тебя. Леди Комин говорит, что их клан никогда не сболтнет и слова правды.

– Догадываюсь, что нет, – фыркнул Хок, – *если* что-то из этого является правдой, а я не верю что это правда, так как Комин знает, что Яков уничтожил бы из-за этого оба наши клана. – Хок на мгновение задержался на этой мысли, затем отбросил ее как незначительную проблему. Комин, несомненно, готов будет поклясться, что Эдриен – это Джанет, так же, как и любой человек из клана Дугласов, в том случае, если слух об этом дойдет до короля в Эдинбурге, потому что существование обоих кланов зависит от этого. Хок мог рассчитывать по крайней мере на такую преданность со стороны корыстного Комина.

– Что же сам Лэрд сказал тебе, Гримм?

– Ни слова. Он бы не подтвердил, что она его дочь, ни опроверг бы. Но я поговорил со священником Комина, который рассказал мне такую же историю, как и леди Комин. Кстати, он зажигал толстые белые свечи за упокой души умершей Джанет, – мрачно добавил он. – Итак, если и существуют заблуждения в замке Комина, они носят массовый характер и одинаково выраженные, друг мой.

Хок быстро подошел к своему столу. Он открыл резную деревянную шкатулку и достал шахматную фигурку. Он покатал ее между пальцев, внимательно изучая ее.

Когда он снова поднял свои глаза, они были чернее полуночи, глубже, чем озеро и почти также непостижимы.

– Леди Комин полагает, что это перенесло ее сюда?

Гримм кивнул.

– Тогда это может и унести ее обратно?

Гримм пожал плечами.

– Леди Комин говорит, что Эдриен, кажется, не помнит этого. Она когда-нибудь говорила тебе о ней?

Хок покачал головой и внимательно посмотрел сначала на черную королеву, затем – на ярко горящий огонь.

Гримм спокойно встретил взгляд Хока, и Хок знал, что со стороны его друга никогда не последует ни слова упрека, ни даже шепота о сделанном, если он предпочтет сделать это.

– Ты веришь? – тихо спросил Гримм.

* * *

Хок долго сидел перед огнем, после того как Гримм ушел, выбирая верить или не верить. Хотя он был творческим человеком, он также был и логичным. Путешествия во времени просто не подходили к его пониманию естественного мира.

Он мог верить в баньши, которая предупреждала о смерти и разрушении. Он даже мог

верить в Друидов, как и в алхимиков и отправителей странных ритуалов. Его с детства предупреждали опасаться келпи[1], который живет в глубоких озерах и завлекает ничего не подозревающих и непослушных детей в водные могилы.

Но путешествие сквозь время?

Кроме того, сказал он себе, убирая шахматную фигурку в свой спорран для последующего рассмотрения, существовали более важные проблемы, которые следовало решить. Например, кузнец. И его упрямая жена, на губах которой слишком часто появляется имя кузнеца.

Будущее предоставит много времени, чтобы распутать тайны Эдриен, и вывести из массового заблуждения людей в замке Комин. Но сначала, он должен по-настоящему сделать ее своей женой. Когда он этого добьется, он сможет начать беспокоиться о других деталях. Решив таким образом, он отбросил тревожные новости, которые принес ему Гримм, почти также, как убрал в сторону шахматную фигурку.

Планы о том, как он мог бы соблазнить его прекрасную жену, заслонили все проблемы. С опасной улыбкой и намерениями в его походке, Хок отправился на поиски Эдриен.

Глава 13

Эдриен беспокойно шагала, ее сознание запуталось. Ее короткий сон на солнце не смог развеять ее неуправляемые мысли. Мысли о том, как насколько Хок способен, не говоря уже о том, насколько он этого хочет, к созданию младенцев, чтобы заполнить эту проклятую детскую.

Инстинктивно она избегала северного конца замка, не желая встречаться с кузнецом и с этими заставляющими ее нервничать образами, которые бродили в ее сознании со времени ее болезни.

Она направилась на юг, привлеченная блеском стеклянной крыши и своим любопытством, глубоким как озеро. Они вовсе не варвары, удивлялась она. И если ее догадка верна, то сейчас она идет прямо к оранжерее. Как великолепен разум, который создавал Далкит-на-море. Он был неприступен на западном конце из-за утесов, которые представляли собой отвесный, неприступный спуск к свирепому океану. Растягиваясь к северу, югу, и востоку, сам замок был заключен в гигантские стены, от семидесяти до восьмидесяти футов высотой. Как странно, что тот же разум, который спланировал Далкит как цитадель, сделал его таким прекрасным. Сложный разум человека, который подготовился к необходимости войны, но при этом наслаждался мирным временем.

«*Осторожнее, ты заинтригована, не так ли?* »

Когда она дошла до оранжереи, Эдриен заметила, что она присоединена к круглой каменной башне. Она неоднократно тратила многие часы, проводимые в Интернете, на изучение средневековых вещей. Клетки? Соколы. Здесь они содержались и тренировались для охоты.

Притянутая искушением пообщаться с животными и скучая по Лунной тени, с болью в груди, Эдриен приблизилась к серой каменной древней башне. «Что имел в виду Хок, когда говорил, что будет обращаться с ней как с одним из его соколов?» – задумалась она. Отлично, она выяснить это сама, чтобы знать, чего ей следует избегать в будущем.

Высокая и совершенно круглая, башня имела только одно окно, которое было прикрыто дощатым ставнем. Что-то там было связано с темнотой, она читала об этом. С любопытством она подошла к тяжелой двери и распахнула ее, потом закрыв ее за собой, чтобы ни один сокол не поддался искушению улететь. Она не хотела дать Хоку какой-нибудь повод чтобы отчитать ее.

Постепенно ее глаза привыкли к темноте, и она смогла различить при тусклом свете несколько пустых насестов. Ах, клеток нет, значит, это должно быть, башня для тренировки.

---

1 Злой водяной, заманивающий корабли и топящий людей, принимающий разные обличия, но чаще всего появляющийся в виде лошади.

Эдриен попыталась вспомнить, каким образом в стародавние времена люди тренировали птиц для охоты.

В башне пахло лавандой и специями, тяжелый мускусный запах проникал через каменные стены от прилегающей к башне оранжереи. Это было такое спокойное место. Ох, как легко она может привыкнуть к тому, чтобы никогда снова не слышать шум транспорта; никогда снова не оглядываться через плечо; никогда больше не увидеть Новый Орлеан – конец всем побегам, укрытиям и страхам.

Стены башни были прохладными и чистыми на ощупь, ничего похожего на каменные стены грязной, песчаной тюремной камеры в Новом Орлеане, где она однажды сидела.

Эдриен вздрогнула. Она никогда не забудет эту ночь.

Борьба началась из всех возможных причин – поездки в Акапулько. Эдриен не хотела ехать. Эберхард настаивал.

– Отлично, тогда поехали со мной, – сказал она.

– Я слишком занят, я не смогу взять отпуск, – ответил он.

– Какая польза от твоих денег, если у тебя нет времени наслаждаться жизнью? – спросила его Эдриен.

Эберхард ничего не ответил, он просто смерил ее разочарованным взглядом, который заставлял ее чувствовать себя неуклюжим подростком, неловкой и нежелательной сиротой.

– Хорошо, почему ты продолжаешь отправлять меня в эти поездки в одиночестве? – спросила Эдриен, стараясь оставаться зрелой и сдержанной, но в конце ее вопроса прозвучала жалобная нота.

– Сколько раз я должен объяснять тебе? Я пытаюсь дать тебе образование, Эдриен. Если ты когда-нибудь думала, что сироте, которая никогда не была в обществе, будет легко стать моей женой, тогда подумай об этом снова. Моя жена должна быть культурной, искушенной, европейски…

– Не посылай меня снова в Париж, – торопливо сказала Эдриен. – В прошлый раз там неделями шел дождь.

– Не прерывай меня снова, Эдриен. – Его голос был спокойным, слишком спокойным и тщательно взвешенным.

– Разве ты не можешь поехать со мной – хотя бы раз?

– Эдриен!

Эдриен застыла, чувствуя, что ведет себя глупо и неправильно, даже не смотря на то, что она знала, что она поступает разумно. Иногда она чувствовала, что он как будто не желает видеть ее рядом с собой, но в этом не было смысла – он собирался жениться на ней. Он готовил ее к тому, чтобы стать его женой.

Но все равно, у нее были сомнения…

Вернувшись из недавнего путешествия в Рио, она услышала от своих старых друзей в «Блайнд Лемон», что Эберхард не так уж много времени проводил в своем офисе – но его видели в его роскошном Порше с такой же роскошной брюнеткой. Приступ ревности пронзил ее.

– Кроме того, я слышала, что ты не работаешь *слишком* усердно, когда я уезжаю, – пробормотала она.

Тогда борьба началась всерьез, напряжение возрастало до тех пор, пока Эберхард не сделал то, что удивило и ужаснуло Эдриен настолько, что она вслепую выбежала в душную новоорлеанскую ночь.

Он ударил ее. И, воспользовавшись ее ошеломленной пассивностью, – не один раз.

Рыдая, она запрыгнула в Мерседес, который Эберхард нанял для нее. Она надавила на акселератор и машина рванулась вперед. Она ехала вслепую, на автопилоте, окрашенные тушью слезы оставляли следы на кремовом шелковом костюме, который Эберхард выбрал, чтобы она надела его этим вечером.

Когда полиция вытащили ее из машины, утверждая что она ехала со скоростью более ста миль в час, она знала, что они лгут. Они были друзьями Эберхарда. Возможно, он

позвонил им в тот момент, когда она покинула его дом; он знал, какой дорогой она всегда ездит домой.

Эдриен стояла рядом со своей машиной вместе с полицейскими, ее лицо было опухшим и в синяках, ее губа кровоточила, она всхлипывала и извинялась голосом, в котором слышались истерические нотки.

Только гораздо позже ей пришло в голову, что ни один из полицейских даже не спросил, что случилось с ее лицом. Они допрашивали несомненно избитую женщину, не показывая даже унции заинтересованности в том, что случилось.

Когда они надели на нее наручники, отвезли ее в участок и позвонили Эберхарду, она вовсе не удивилась, когда, повесив трубку, они печально посмотрели на нее и отправили ее в камеру.

Три дня провела она в этом адском месте, вот так Эберхард смог настоять на своей точке зрения.

Именно этой ночью она поняла, как он опасен на самом деле.

Эдриен обняла себя руками в прохладе башни, отчаянно пытаясь изгнать образы красивого мужчины по имени Эберхард Дэрроу Гарретт и глупой молодой женщины, которая вела одинокую, защищенную жизнь в сиротском приюте. Она была такой легкой добычей. *Ты видел маленькую сироту Эдри-Анни? Маленькая дурочка Эберхарда* . Где она слышала эти издевательские слова? На яхте Руперта, когда они думали, что она ушла вниз, чтобы принести еще напитков. Она яростно задрожала. *Я никогда не буду больше игрушкой мужчины* !

– Никогда, – громко поклялась она. Эдриен потрясла головой, чтобы остановить болезненный поток воспоминаний.

Дверь отворилась, впуская внутрь широкую полосу яркого солнечного света. Затем она снова закрылась и воцарилась абсолютная темнота.

Эдриен застыла, собралась и заставила свое сердце биться медленнее. Она это уже испытала. Прятаться, ждать, быть слишком напуганной чтобы вздохнуть, из опасения выдать охотящемуся за ней ее точное местоположение. Сколько она убегала и пряталась! Но нигде не было убежища. До тех пор, пока она наконец на нашла его на темных улицах Сиэтла, пройдя через вечность мрачного ада, по каждой проселочной дороге между Новым Орлеаном и пристанищем на северо-восточном тихоокеанском побережье.

Горькие воспоминания грозили захлестнуть ее, когда хриплый напев нарушил тишину.

Хок? Поет? Колыбельную?

Гэльские слова звучали хрипло, раскатисто и глубоко – почему она не подозревала, что его голос походит на тягучие ириски? Он почти мурлыкал, когда говорил; он мог соблазнить мать-аббатису Святого Сердца, когда пел.

– Тебе интересно, не так ли? Я вижу, ты пришла по своей собственной воле. – Его шотландский акцент прокатился по башне, когда он закончил припев.

– Пришла куда? – вызывающе спросила она.

– Чтобы приучаться к моим рукам. – В его голосе звучало удивление, и она слышала шуршание его килта, когда он двигался в кромешной тьме.

Она не удостоит это заявление ответом.

После долгой паузы, килт снова зашуршал, затем она услышала:

– Ты знаешь, каким качествами должен обладать сокольничий, сердце мое?

– Какими? – проворчала она вопреки себе, потихоньку двигаясь назад. Она вытянула руки в темноту, подобно самодельным антеннам.

– Это требовательная должность. Немногие мужчины могут быть квалифицированными сокольничими. Немногие обладают нужным характером. Сокольничий должен быть человеком бесконечного терпения, острого слуха и поразительного зрения. Он должен быть смелым духом, и обладать нежной, но твердой рукой. Он должен постоянно приспосабливаться к своей птичке. Знаешь, почему?

– Почему? – прошептала она.

– Потому что соколы – очень чувствительные и легковозбудимые создания, сердце мое. Считается, что они страдают от головной боли и других человеческих болезней, настолько они чувствительны. Их чрезвычайная восприимчивость делает их самыми прекрасными и самыми успешными охотниками во все времена, но также может сделать их и самыми требовательными. А неприрученный… ах, моя сладкая, неприрученный сокол – это самый настоящий вызов из всех. И наиболее стоящий.

Она не станет спрашивать, что значит неприрученный.

– Ты спрашиваешь себя: «что значит неприрученный?» в глубине своей упрямой, закрытой душе, сердце мое? – Он раскатисто рассмеялся и смех эхом отозвался от каменных стен внезапно ставшей благоуханной башни.

– Хватит звать меня «сердце мое», – пробормотала она, двигаясь назад, очень осторожно. Она должна найти стену. Башня была круглой, так что стена рано или поздно приведет ее к двери. Она с таким же успехом могла бы быть слепой в этой полной темноте.

Она услышала его шаги по каменному полу. О небеса, как он мог видеть ее? Но он направлялся прямо к ней! Она украдкой и медленно попятилась.

– Я знаком с темнотой, девушка, – предупредил он. – Я найду тебя. Я – лучший из сокольничих.

Она ничего не ответила, не издала ни звука.

– Неприрученный сокол – это дикий, взрослый сокол, – продолжал он, в его голосе содержался намек на улыбку. – Обычно сокольничий отказывается принимать вызов и тренировать такую птицу, но иногда, под очень редкой луной, такой, например, как та полная луна, которая была вчера вечером, сокольничий замечает такую прекрасную птицу, такого великолепия, что он отбрасывает все предосторожности и ловит неприрученную птицу, поклявшись привязать ее к себе. Он клянется, что заставит ее забыть все ее дикое свободное прошлое, – прошло ли оно в темноте или на свету – и даст ей свободу только в будущем, рядом с ее сокольничим.

Она *не* должна отвечать ему, он последует на ее голос.

– Мой сладкий сокол, мне рассказать тебе, как я буду укрощать тебя?

Тишина, абсолютная тишина. Они кружили в тишине, как осторожные животные.

– Сначала я закрою мою леди черным шелковым капюшоном, чтобы лишить ее зрения.

Эдриен задушила свое негодующее восклицание дрожащей рукой. Складки ее платья зашелестели, когда она быстро отступила в сторону.

– Потом я притуплю ее когти.

Мелкие камешки усыпали пол почти на целый ярд. Она отступила назад, прихватив свои юбки, чтобы они были неподвижны.

– Я прикреплю путы и изящные колокольчики к ее лодыжкам, чтобы я мог знать о каждом ее движении, потому что я тоже нахожусь в темноте.

Она издала затрудненный вздох – почти задохнулась – и затем обругала себя за ошибку, зная, что он проследит ее путь по ее предательскому вздоху. Она знала, что его стратегия заключалась в том, чтобы продолжать говорить до тех пор пока он не спровоцирует ее на то, чтобы выдать себя. *И что потом* ? Она могла только догадываться. Станет ли Хок заниматься с ней любовью здесь и теперь в темноте башни? Дрожь пробежала по ее телу, и она не была уверена, было ли это от страха. Она вовсе не была в этом уверена.

– Затем – ремешок, чтобы привязать ее к ее шесту, до тех пор, пока мне не нужно будет больше привязывать ее. До тех пор, пока она не станет привязана своей собственной свободной волей. И самая лучшая часть – длинный, медленный процесс, в течение которого она привяжется ко мне. Я буду петь ей, одну и ту же сладкую песню, до тех пор, пока она не привыкнет к звуку моего и только моего голоса…

И его богатый, напоминающий ириски, голос начал тот же хриплый напев колыбельной, от которого таяла ее воля.

Эдриен медленно отступила назад; она практически почувствовала колебания воздуха, когда он прошел рядом с ней, почти в дюймах от нее. Где же эта стена?

Она почти закричала, когда он нашел ее в темноте, и некоторое время сопротивлялась его железной хватке. Его дыхание овевало ее лицо, и она сопротивлялась его объятиям.

– Спокойно, мой сладкий сокол. Я не причиню тебе вреда. Никогда, – хрипло прошептал он.

Эдриен чувствовала обжигающий жар его бедер через тонкое шелковое платье. Она была окутана опьяняющим запахом мускуса и мужчины.

«*Ох, красивый мужчина, почему я не смогла встретиться с тобой до того, как моя последняя иллюзия была разрушена* ?» – сокрушалась она. Она сражалась с его руками, обнимавшими ее, баюкавшими ее.

– Отпусти меня!

Хок проигнорировал ее протесты, притянув ее ближе в стальных объятиях.

– Да, я просто должен ослепить тебя. Или, возможно, мне придется связать тебе руки и зарыть тебе глаза шелком, и положить тебя на мою постель, раздеть догола и оставить тебя открытой только одним ощущениям, до тех пор, пока ты не привыкнешь к моим прикосновениям. Укротит ли это тебя, мой сладкий сокол? Сможешь ли ты полюбить мои прикосновения? Жаждать его, как я жажду тебя?

Эдриен судорожно сглотнула.

– За соколом нужно ухаживать с непрестанной и суровой любовью. Когда ты забираешь у него свет, ослепляешь его, он учится ощущать другими органами чувств. Чувствами, которые не лгут. Сокол – мудрое создание, он верит только в то, что он чувствует, что он может держать в своих когтях или клюве. Трогать, обонять, слышать. Когда ему медленно возвращают его зрение и свободу, он привязывается к руке, которая делает это для него. Если он не в состоянии доверять своему хозяину, и не демонстрирует ему абсолютную преданность в конце своего обучения – он будет пытаться сбежать при каждой возможности. – Он остановился, его губы задохнулись рядом с ее. – Ни один из моих соколов ни взлетел с моей руки, чтобы потом не вернуться, – предупредил он.

– Я не глупая птица…

– Нет, не глупая, но прекраснейшая. Сокол – единственная среди птиц, которая может соревноваться с ястребом в высоте полета, скорости и аккуратности. Не говоря уже о силе своего сердца.

Она проиграла ему уже в тот момент, когда он начал петь. И она больше не протестовала, когда его губы слегка потерлись о ее. Не сопротивлялась она и в следующее мгновение, когда руки Хока на ее теле стали твердыми, горячими и требовательными. Уговаривающими. Притязательными.

– Ты взлетишь для меня, сладкий сокол? Я вознесу тебя выше, чем ты когда-либо была. Я научу тебя достигать высот, о существовании которых ты только мечтала, – пообещал он, покрывая поцелуями ее подбородок, нос, ее веки. Его руки обхватили ее подборок в темноте, он ощущал каждый изгиб, каждую плоскость и шелковистую впадинку на ее лице и шее своими руками, запоминая нюансы.

– Почувствуй меня, девушка. Ощути, что ты делаешь со мной! – Он прижался своим телом к ее телу, и покачал бедрами, для того, чтобы она почувствовала его разбухшую мужественность, которая поднималась под его килтом и дразнила внутреннюю часть ее бедер.

И вот нашлась стена, просто она была за ее спиной все это время. Прохлада камня, прикоснувшегося к ее спине, и жар Хока, прожигающий ее сквозь перед ее платья. Она подняла руки, чтобы стукнуть его, но он поймал их и прижал к стене над ее головой. Его сильные пальцы разжали ее стиснутые пальцы, переплелись с ее и дразнили ее руки. Ладонь к ладони, распластанные по стене.

– Мой сладкий сокол, – выдохнул он в ее шею. – Сражайся со мной, как хочешь, но все это сведется к нулю. Я направил все усилия на тебя, и это первый раз, когда ты будешь ослеплена. В этой темноте ты будешь узнавать мои руки, когда они будут прикасаться к каждому шелковистому дюйму твоего тела. Я не возьму у тебя ничего, кроме этого. Ты

только будешь терпеть мои прикосновения, тебе даже не нужно будет видеть мое лицо. Я буду терпеливым, пока ты будешь смягчаться к моим прикосновениям.

Его руки превратились в жидкий огонь, сдвигая ее платье вверх по ее бедрам и выше, и ох! Они не имела ни малейшего понятия, где искать предметы нижнего белья этим утром. Его руки, его сильные красивые руки массировали ее бедра, мягко раздвинули их, для того чтобы просунуть одну из горячих мускулистых ног среди них. Он замурлыкал, издав низкий хриплый рык мужского триумфа, когда почувствовал предательскую влажность между ее бедер. Эдриен неистово вспыхнула, вопреки ее намерениям ее руки вспорхнули вверх и остановились на его плечах, затем скользнули глубоко в его мягкие, пышные волосы. Ее колени, и без того дрожащие, начали подгибаться, когда он ослабил лиф ее платья и опустил голову к ее грудям, облизывая ее набухшие соски и слегка касаясь их зубами.

Она совершенно не заметила, когда он задрал свой килт вверх; но она определенно ощутила его твердый, горячий, тяжелый, возбужденный член, прижавшийся к ее бедру. Эдриен издала горловой звук: наполовину рыдание, наполовину просьбу. Как он сделал это с ней? Едва касаясь ее, Хок каким-то образом смог распустить каждую унцию сопротивления в носимом ею плаще отчуждения, который она кропотливо соткала.

Такого никогда не происходило с Эберхардом! Ее разум покинул ее тело, и она уцепилась за руку, которая ослепила ее. Она попробовала своими губами руку, которая лишала ее зрения – повернув голову и поймав его палец своим языком. Эдриен почти закричала, когда он поместил этот же палец в скользкий жар между ее ног.

– Полетай для меня, сладкий сокол, – убеждал он, обхватив одну из ее тяжелых грудей своей рукой и облизывая ее сморщенную вершинку. Он безжалостно дразнил ее, нежно пощипывая ее, касаясь ее всюду.

Его губы вернулись и захватили ее с отчаяньем, произведенным слишком долго отрицаемым голодом. Голод, который может никогда не ослабеть. Его поцелуй был длинным, жестким и причинял боль, и она наслаждалась его невысказанными требованиями. Она всхлипнула, когда подушечка его пальца нашла маленькое горячее уплотнение, гнездящееся в ее складках, и голова Эдриен откинулась назад, в то время как поднимающаяся волна забрасывала ее все выше и выше. Уступая его пальцам, его языку и губам, она пожертвовала последней частицей своей сдержанности.

– Эдриен, – хрипло шептал он, – ты такая красивая, такая сладкая. Пожелай меня, девушка. Нуждайся во мне, как я нуждаюсь в тебе.

Она ощущала жар в месте, у которого не было такого названия, которое она бы знала – и это завлекало ее еще дальше.

Эдриен пыталась сказать слова, которые – она знала – должны быть сказаны. Единственное слово, которое, как она знала, освободит ее. Этот легендарный соблазнитель женщин – ох, как легко было догадаться, почему легионы женщин падали перед ним! Он был так хорош в этом. Он почти заставил ее поверить, что ее и только ее он жаждет. Почти, что сделал ее снова дурочкой.

Но именно поэтому их и называли повесами. Волокитами. Дон Жуанами. Они применяли те же навыки и непреклонную решимость в соблазнении, что и в ведении войны – завоевать любой ценой.

Восстанавливая свою обратившуюся в лохмотья оборону, она ожесточила свою волю против его ухаживаний.

Хок пропал. Он пропал именно в тот момент, когда впервые увидел околдовавшую его девушку. И не имеет значения, какие странные грезы приходят из ее секретного и ужасного прошлого. Он найдет способ стереть все ее опасения. Все, что Гримм рассказал ему, ничего не показывает. Своей любовью он в свое время преодолеет любое препятствие. Она будет его подругой, леди-ястребом, теперь и навсегда. Он высоко оценил ее податливость своими руками, смаковал подобно редчайшему деликатесу сладкий мед ее губ, дрожал при мысли, что однажды она будет пылать к нему той же страстью, что и он к ней. С ней это никогда не будет так, как это было прежде, пусто и неискренне.

Нет, эта девушка станет ему парой на всю жизнь. Она не так ценила красоту, которую обожали другие женщины. Эта девушка обладала собственными секретами. Собственными ужасами. Своей собственной глубиной. В целом, действительно редкая девушка. Он тонул, тонул в ее глубинах… поцелуй стал более глубоким, и он почувствовал, как ее зубы задели его нижнюю губу. Это привело его в неконтролируемое безумие.

– Ох! – выдохнула она, когда он прикусил ее шелковистую шею.

Ободренный своим успехом, он вдохнул, чтобы произнести первые предварительные слова. Ему нужно было сказать ей, нужно было дать ей понять, что это вовсе не было игрой. Что за всю свою жизнь он не испытывал ничего подобного, и никогда не испытает снова. Она была той, кого он ждал все эти годы – той, кто заполнит его сердце.

– Эри, мое сердце, моя любовь, я…

– Ох, тише, Адам! Не нужно слов. – Она прижала свои губы к его, чтобы он замолчал.

Хок застыл, твердый как арктический ледник, и почти такой же холодный.

Его губы замерли под ее губами, и сердце Эдриен закричало в агонии. Но насколько сильнее закричало бы оно, если бы из нее снова сделали игрушку?

Его руки жестоко сжались по ее бокам. Они оставят синяки, которые будут видны несколько дней. Медленно, очень медленно его пальцы разжались.

Она сказала *это* имя!

– В следующий раз, когда ты произнесешь имя Адама, девушка, я прекращу просить то, что и так принадлежит мне, и начну брать это. Кажется, ты забыла, что ты принадлежишь мне. Мне не нужно соблазнять тебя, потому что я могу просто уложить тебя в мою постель. Выбор за тобой, Эдриен. И я прошу тебя – выбирай с умом.

Хок покинул башню не сказал больше ни слова, оставив Эдриен одну в темноте.

Глава 14

Эдриен должна была нагулять аппетит. Она провела остаток дня после соколиного инцидента дюйм за дюймом обходя стены замка. «*Закончится ли когда-нибудь этот день* ?», – недоумевала она. Она должно быть прошла двадцать миль, так что она должна была немного погасить свое скрытое разочарование. Даже ее элитная охрана выглядела немного усталой, когда она наконец-то согласилась вернуться в замок, чтобы храбро и пристойно встретиться с Хоком.

Ужин состоял из взбитого картофельного супа, вдоволь заправленного тающим сыром и приправленного пятью специями; нежной белой рыбы, распаренной над огнем в промасленных оливковых листьях, поданной с маслянистыми крабами; спаржи, высушенной до совершенства; толстых колбас и свежего хлеба; пудингов и фруктов; лимонных тартинок и пирога с черникой. Эдриен не смогла съесть ни кусочка.

Ужин был ужасен.

Если она поднимет глаза еще раз и поймает смертоносный взгляд Хока, остановившийся на ней, то ей придется затолкать себе в рот кулак, чтобы удержаться от крика.

Эдриен глубоко вздохнула, мешая ложкой суп, которым, кажется, наслаждались все остальные. Она толкнула здесь, ткнула там, разбивая взбитую жидкость. Она деловито перекладывала спаржу на своей тарелке в аккуратные маленькие ряды, когда Хок, наконец, заговорил.

– Если ты собираешься играть со своей едой, Эдриен, то ты можешь отдать ее кому-нибудь, кто действительно голоден.

– Как вы, милорд? – Эдриен сладко улыбнулась, гладя на тарелку Хока, на которой также лежала нетронутая пища.

Мрачная гримаса сжала его рот.

– Разве тебе не нравится еда, Эдриен, дорогая? – спросила Лидия.

– Она замечательная. Думаю, ко мне все еще не вернулся аппетит… – начала она.

Лидия вскочила на ноги.

– Возможно, тебе все еще нужно отдыхать, Эдриен, – воскликнула она, метнув обвиняющий взгляд на своего сына. Хок закатил глаза, отказываясь в этом участвовать.

– О, нет, Лидия! – быстро запротестовала Эдриен. – Я полностью выздоровела. – Она ни за что не отправится назад в Зеленую комнату, и не будет изображать инвалида. Там слишком много странных воспоминаний. Сегодня ночью она собиралась в другую комнату для своего сна; несомненно, в таком огромном замке не было недостатка в пустых комнатах. Она скорее приветствовала то, что она исследует замок дальше и сама выберет себе комнату. – Я прекрасно себя чувствую, в самом деле. Просто я съела слишком много во время обеда.

– Ты пропустила обед, – категорично заявил Хок.

– Ох, а кто тебе об этом доложил? – выпалила она в ответ. – Может быть, я поела на кухне?

– Нет, тебя там не было, – услужливо добавил Тэвис. – Я был в кухне весь день, скажу вам. Напрочь забыли поесть – вот что произошло, миледи. Раз или два со мной происходило то же самое, скажу вам, и чем голоднее я становился, тем меньше полагал, что я поел раньше. Так что вам лучше поесть, миледи. И я скажу вам снова, вам нужно восстановить ваши силы! – Решительный наклон его восторженной головы подтвердил его заявление.

Эдриен уставилась на свою тарелку, предательский румянец залил ее щеки.

Лидия посмотрела на Тэвиса, встав позади стула Эдриен, как бы защищая ее.

– Я думаю, я сама не слишком голодна, – сказала Лидия. – Что ты скажешь насчет того, чтобы мы с тобой прогулялись по садам?

– И грубая сила будет преследовать нас по пятам? – пробормотала Эдриен, глядя на Хока из-под склоненных ресниц.

– … пока мой сын принесет немного кофейных зерен из кладовой, и сварит нам по отличной чашке кофе к нашему возращению? – продолжила Лидия, дразня ее этой взяткой, как будто ее вовсе и не прерывали.

Эдриен вскочила на ноги. Все, что угодно, чтобы уйти с его глаз, и еще и кофе вдобавок.

В глазах Хока теперь горел предательский огонек.

Лидия взяла Эдриен за руку и повела по направлению к садам.

– Я сварю кофе, мама, – сказал Хок им в спину. – Но проследи, чтобы Мейри перенесла вещи Эдриен в Павлинью комнату.

Лидия остановилась. Рука, которой она держала руку Эдриен, едва заметно сжалась.

– Ты на самом деле уверен в этом, Хок? – сухо спросила она.

– Ты слышала, что она сказала. Она полностью поправилась. Она – моя жена. Где я смогу лучше охранять ее?

– Хорошо.

– Где находится Павлинья комната? – Эдриен повернулась на пятках, чтобы посмотреть ему в лицо.

– На третьем этаже.

– Она будет принадлежать мне?

– Та часть, которую я не использую. Это покои Лэрда.

– Я *не* буду с тобой спать…

– Не помню, чтобы я *просил* об этом…

– Ты – здоровенный, высокомерный, тщеславный осел…

– Ну же, Эдриен, мой сын не обладает ни одним из этих качеств, – остановила ее Лидия.

– Не принимай это на свой счет, Лидия. Ты мне действительно нравишься. – Вежливо ответила Эдриен. Но вежливость резко отступила, когда она взглянула на Хока. – Но я не буду делить с тобой постель!

– Это не тема для обсуждения за обеденным столом, скажу вам, – предположил Тэвис,

почесывая свою голову, его щеки залил румянец.

Хок засмеялся, и от низких раскатов его смеха ее тело завибрировало, ее соски напряглись, и сердце забилось чаще.

– Жена, ты разделишь со мной комнату этим вечером, даже если мне придется связать тебя и принести туда. Либо тебе придется перенести это унижение, либо ты можешь прийти по своей воле на двух ногах. Я не особо заинтересован, каким способом ты попадешь туда. *Просто приди в мою комнату* .

Сопротивление поднималось в ее груди, угрожая заглушить все ее чувства. Она смутно услышала, как позади нее открылась и закрылась дверь, и уловила запах надоедливых духов, от которого ее желудок перевернулся. Что бы это ни был за запах, он напомнил ей о приюте; о чердаках и нафталиновых шариках, и тех днях, когда монахини заставляли ее скрести полы и чистить тяжелую темную мебель.

– Любимый! – раздался крик женского восторга позади нее.

Рука Лидии болезненно сжалась вокруг ее руки.

– Оливия Дюмон, – пробормотала она почти не дыша. – Святые небеса! Я сомневаюсь, что проживу этот день, не тронувшись умом.

– Оливия? – эхом отозвалась Эдриен, ее глаза быстро нашли глаза Хока.

«Оливия», – уныло подумал Хок. Этот день быстро пробегал сквозь гамму от плохого к еще более худшему. Он отказывался встречаться глазами с вопросительным взглядом Эдриен. Как смеет она называть его Адамом посреди их занятия любовью, а потом спрашивать его о другой женщине? Она не имеет права. Не после того, как она произнесла *это* имя.

Ярость захлестывала его каждый раз, когда он думал об этом.

Адам.

Образы того, как его руки разрывают тело кузнеца на части, на мгновение успокоили его.

Затем опустошение ошеломило его. Теперь у него две проблемы. Как он собирается заставить Эдриен хотеть его? И что он собирается делать с Оливией?

Свести Оливию с кузнецом?

Эта мысль вызвала усмешку на его лице, первую за некоторое время.

И естественно, Эдриен неправильно истолковала ее, думая, что его улыбка была предназначена Оливии, впрочем, так же подумала и Оливия. Как, кажется, и его мать – судя по угрюмому выражению ее лица. Гримм тихо, почти неслышно, выругался. Тэвис покачал головой, пробормотал прочувствованное проклятие, и отошел от загроможденного блюдами обеденного стола.

– Оливия. – Хок наклонил голову. – Что привело тебя в Далкит?

– В самом деле, Хок, – промурлыкала Оливия, – нужно ли тебе спрашивать? Мне не хватало тебя при дворе. Ты был вдали от… меня… слишком долго. Я предположила, что мне просто нужно приехать, чтобы забрать тебя самой, если я хочу тебя. Вот, – закончила она взмахом ресниц и явным приглашающим взглядом, – я и здесь.

Хок слишком поздно осознал, какой глупый вопрос он задал. Эдриен сверлила Оливию пугающе пристальным взглядом. Хок по опыту знал, что Оливия сможет ответить на любой вопрос – не важно, насколько невинный – перегруженным инсинуациями ответом, но он выбросил из своего сознания все неприятные воспоминания о ее проделках в тот момент, когда вернулся в Далкит. До него дошло, что он повел бы себя правильнее, если бы воскресил эти воспоминания быстрее. Было бы не слишком мудро забывать о том, что Оливия склонна создавать неприятности; но теперь гадюка уже была в его гнезде.

У Оливии заметно перехватило дыхание, когда она уставилась на Эдриен.

– Приветствую тебя, Оливия. Ты приехала, чтобы поговорить с моим *мужем* ?

На мгновение освободившись от гневного взгляда Эдриен, Хок приободрился. *Муж* , сказала она. Может быть, после всего, еще есть надежда.

– Мы говорили на довольно-таки общем языке в прошлом, – протянула Оливия. –

Своего рода безмолвное общение, если ты понимаешь, о чем я. Тот вид разговора, который Хоку нравится больше всего.

– Тогда отведи *ее* в Павлинью комнату, – выпалила Эдриен через плечо, вытаскивая Лидию за дверь и захлопнув ее за собой.

Глава 15

– Король мог освободить тебя от службы ему, но я никогда не думала о том, чтобы освободить тебя от службы мне. Ты так хорошо служил мне в прошлом, клянусь, что я испорчена этим. – Оливия изогнулась на низкой каменной скамье во дворе замка, придвинувшись ближе, так что изгиб ее пышного бедра прижался к мускулистому бедру Хока.

Лидия вернулась в дом одна, немногим меньше четверти часа после того как она и Эдриен ушли, послав самодовольную улыбку своему сыну, который сидел, откинувшись за большим столом вместе с дьявольской Оливией. Забыв про кофе, Хок быстро направил Оливию в сады, чтобы посмотреть, что может замышлять его жена. Когда его мать смотрит на него *таким* образом, что ж, ум у женщин работает как хорошо смазанная катапульта, смертельная в своей атаке.

Так что он провел Оливию через обширные сады в темпе, заставившем ее затаить дыхание, его глаза были настороже, разыскивая охрану, сопровождающую его жену. Ничего. Снова и снова его глаза устремлялись на север, к мерцающему кругу света от огня, на краю рябиновой рощи.

– Могу я предположить, что мы развлечем друг друга этой ночью как когда-то, Хок? – Теплое дыхание Оливии овевало его щеку.

Хок почти неслышно вздохнул.

– Оливия, я теперь женатый мужчина.

Смех Оливии прозвучал слишком уж весело, напомнив Хоку о том, что она – женщина, которая обожает отбивать мужчину у другой женщины. Чем труднее было заполучить мужчину, тем счастливее становилась Оливия. Хок был хорошо знаком с ее странной игрой; она развлекалась, раня других женщин, обрушивая их мечты, разбивая их сердца. Хок подозревал, что это была своего рода месть; что однажды какая-то женщина отняла у нее мужчину, и она так и не смогла пережить это – и вместо этого стала ожесточенной, разрушающей женщиной. Когда он это наконец понял, он почти почувствовал жалость к ней. Почти.

– Она же Безумная Джанет, Хок, – сухо сказала Оливия.

– Ее зовут… – Он резко замолчал. Он не должен давать Оливии того, что она может использовать как оружие. Он тщательно вдохнул и исправился. – Ее среднее имя Эдриен, и она предпочитает его. – И холодно добавил: – Ты можешь называть ее леди Дуглас.

Брови Оливии насмешливо приподнялись.

– Я в любом случае не стану звать ее леди. Вся страна знает, что она безумна, как бешеная собака. Однако я не слышала, что вид у нее сносный.

Хок фыркнул.

– Сносный? Моя жена совершенна по всем стандартам.

Оливия неуверенно рассмеялась, затем ее окрепший голос наполнился сарказмом.

– Ох, неужели! Может ли быть так, что легендарный Хок решил, что он влюбился? Покоритель бесконечного количества женщин решил, что может остановиться на этой одной женщине? Ох, брось это, *mon cheri*[1] . Это вызывает отвращение. Я знаю, что ты за человек. Нет стоит говорить том, что у тебя затронуты высокие чувства, потому что мы оба знаем, что у тебя их нет.

Голос Хока был ледяным, когда он заговорил.

– Вопреки твоим ожиданиям, Оливия, я не тот человек, которым я был при дворе

1 Мой дорогой (фр.).

короля Якова. Ты не знаешь ничего обо мне – кроме иллюзий, в которые ты предпочитаешь верить. – Он сделал значительную паузу, чтобы придать больший вес своим следующим словам. – Оливия, здесь нет короля, который прикажет мне оказывать тебе услуги, и я никогда не вернусь ко двору Якова. Конец. Все закончилось. – В тот момент, когда Хок произнес эти слова, его сердце взлетело. Он был *свободен* .

– Это все, что было? Ты *оказывал* мне услуги? – требовательно спросила Оливия.

– Ты знала это. – Хок насмешливо фыркнул. – Я отверг тебя дюжину раз, до того, как ты пошла к Якову. Ты убедила себя, что я переменил свое решение? Ты точно знаешь, что произошло. Это *ты* попросила короля сделать меня… – Хок резко замолчал, уловив блеск светло-серебристой гривы волос в лунном свете в нескольких ярдах от места, где они сидели.

Эдриен приблизилась, ее рука лежала на сгибе локтя Адама, роскошная темно красная накидка была наброшена на ее плечи, шелк чувственно вздымался на легком вечернем ветерке.

– Оливия. – Эдриен наклонила голову.

Оливия слегка фыркнула и с видом собственницы схватила мускулистую руку Хока.

– Присоединяйтесь к нам, – быстро сказал Хок, игнорируя ногти Оливии, внезапно впившиеся в него.

Мысль о том, что Эдриен уйдет в темноту с Адамом, произвела ужасные вещи в его голове. Хок застыл, когда осознал, что вероятно, не менее опасно, если Эдриен будет уязвима для всего того, что Оливия может сказать или сделать.

Он определенно не хотел, чтобы разговор продолжился с того места, где он оборвался – не перед Эдриен – без объяснения с его стороны. Он знал, что должен получить контроль над ситуацией, но у него не было опыта в делах такого рода. С ним никогда не случалось такого, чтобы бывшая любовница пыталась вовлечь его жену в неприятности, потому что у него никогда раньше не было жены, и определено он никогда не был замешан в таком богатом опасностью столкновении. Его опасения о том, что Оливия может сказать или сделать что-то, чтобы ранить Эдриен, нарушили его обычно логичное мышление.

К счастью или к несчастью – зависит от того, с какой стороны он посмотрит на это – Эдриен отклонила его предложение. Расслабившись, Хок решил отослать Оливию прочь при первой же возможности, а затем забрать жену у кузнеца и провести с ней продолжительную беседу.

– Мы не хотим нарушить ваш приятный *tete-a-tete*[1] , - запротестовала Эдриен. – Но это больше похоже на *bouche-a-bouche*[2] , - пробормотала она почти неслышно.

– Что ты только что сказала? – сладко спросила Оливия. – *Tu parles francais* ? [3]

– Нет, – категорично ответила Эдриен.

Оливия рассмеялась и изучающе посмотрела на нее.

– Ты кажешься женщиной, у которой немало секретов, Джанет Комин. Возможно, ты и я должны устроить свой собственный *tete-a-tete* , и обменяться несколькими интимными тайнами. В конце концов, – ее взгляд по-хозяйски обежал Хока, – у нас так много общего. Я уверена, ты будешь очарована, услышав о том, как Хок проводил время при дворе Якова. Он был тем человеком, который…

– Это будет чудесно, – спокойно прервала ее Эдриен, останавливая поток ядовитых слов Оливии. У нее внутри и так был беспорядок; если она услышит еще что-нибудь, то она или закричит, или заплачет – она не знала, что она сделает, но знала, что это совсем не подобает леди. – Когда-нибудь в другое время, Оливия. Сейчас мои руки достаточно полны. – Она обвила руками бицепс Адама, подражая тому, как Оливия схватила Хока. Прижавшись крепче к Адаму, она позволила ему увести ее прочь.

– Кузнец! – Хок наконец-то обрел свой голос. Он прислушивался к разговору женщин, застыв от ужаса, пытаясь придумать выход в виде рискованного остроумного ответа; но

1 Разговор наедине (фр.).

2 Рот ко рту (фр.).

3 Ты говоришь по-французски? (фр.).

снова Эдриен невольно выручила его, заставив Оливию замолчать, до того, как Хок решился заткнуть ее коварный, лживый рот своим спорраном.

Адам остановился на середине шага, и подвинулся ближе к Эдриен. Ее красная накидка трепетала на легком ветерке, и Хоку показалось, что она поддразнивает его. Где, к черту, она взяла эту накидку?

– Милорд? – Адам сардонически улыбнулся. Его большая загорелая рука поднялась и накрыла руку Эдриен там, где она касалась его руки.

– Мне нужно подковать девяносто две лошади. Это триста шестьдесят восемь подков. Займись этим. Сию минуту.

– Конечно, милорд. – Адам игриво улыбнулся. – Разогреть кузницу – это именно *то* , что было у меня в мыслях.

Руки Хока по сторонам сжались в кулаки.

– Девяносто две! Хок! – Оливия выпятила свою грудь. Ее жадное внимание перешло к кузнецу, и она с любопытством разглядывала Адама. Хок наблюдал, как ее язык стремительно увлажнил ее губы. – Я знала, что ты богат, но это большое количество отличной плоти, – протянула она, изучая кузнеца с головы до ног. Она отвела взгляд от Адама. – Возможно, ты сможешь выделить мне одного жеребца? – Она искоса, из-под трепещущих ресниц посмотрела на Хока.

– Непременно. – Вздохнул Хок, наблюдая, как его жена удаляется от него. – Что ты думаешь о нашем кузнеце, Оливия? – осторожно спросил он.

* * *

Что она делает? Неужели она лишилась разума? Когда Лидия предложила ей найти Адама и прогуляться с ним по садам, это казалось отличной идеей, хотя Эдриен не имела ни малейшего понятия почему.

Потому что Хок разозлил ее, вот почему. Он осмелился думать, что она настолько глупа, что позволит ему ухаживать за собой, и пригласить в гости его любовницу в один и тот же день.

Когда-то раньше она уже была такой глупой. Тогда она убедила бы себя, что Оливия является нарушителем, создающим беспорядок, и что Хок полон чистых намерений. Да, однажды она поверила, что Эберхард действительно идет в ванную, оставив ее в главной комнате приема, в то время как на самом деле он тайком занимался быстрым сексом в домике у бассейна с чувственной светской дамой.

Но она больше не была такой женщиной. И никогда больше не будет.

Хок, легендарный соблазнитель женщин, потратил послеполуденное время, пытаясь убедить ее, что она – единственная, кого он желает, но к ужину появилась новая женщина. Старая привязанность. И он улыбался ей. Прогуливался с ней в садах. Из-за нее он забыл о кофе для Эдриен. Он просто был одним из тех мужчин, которые обращают внимание на какую угодно женщину, лишь бы она была перед ним и желала его.

Оливия, несомненно, желала его.

«*Но только почему ты беспокоишься, Эдриен?*

Я не беспокоюсь. Мне просто не нравится, когда со мной обращаются как с дурой! »

– Хок сделал из тебя дурочку, – тихо сказал Адам.

Эдриен задержала дыхание. Кажется, он прочитал ее самые мысли. Или это было настолько очевидно, что любой мог увидеть это, даже кузнец?

– Ты заслуживаешь гораздо большего, красотка. Я одарил бы тебя всем, что бы ты пожелала. Шелками для твоего совершенного тела. Всеми кофейными зернами с Голубой горы Ямайки. Он же не дарит тебе ничего.

– Это не имеет значения. Это ничего не значит для меня. – Эдриен слегка вздрогнула под накидкой, которую Адам накинул ей на плечи.

– Это должно значить. Ты – самая совершенная женщина, которую я когда-либо

встречал, прелестная красотка. Я бы отдал тебе все. Что угодно. Назови это. Командуй мной. Я сделаю это твоим.

– Верность? – выпалила Эдриен кузнецу в ответ. Каким-то образом они достигли кузницы, хотя Эдриен не помнила, чтобы они шли так долго. В ее ногах ощущалась странная легкость и голова кружилась.

– Навсегда, – промурлыкал кузнец, – и после этого тоже.

– Правда? – спросила Эдриен, затем одернула себя. Зачем спрашивать? Мужчины лгут. Слова ничего не значат. Эберхард Дэрроу Гаррет всегда говорил ей все правильные слова.

– Некоторые мужчины лгут. Но некоторые мужчины неспособны на это. А ты лжешь, сладкая красотка? Если я попрошу тебя о верности и сам поклянусь в верности в ответ, ты пообещаешь? Смогу я доверять твоим словам?

«Конечно», – подумала она. У нее не было проблем с верностью.

– Я так и подозревал, – сказал Адам. – Ты единственная в своем роде, красотка.

Разве она ответила ему? Она и не думала отвечать ему. Эдриен чувствовала, что голова у нее стала пустой.

– Где охрана? – прошептала она.

– Ты находишься в моих владениях. Я – это вся защита, которая тебе когда-либо понадобится.

– Кто ты? – спросила Эдриен.

Адам рассмеялся над ее вопросом.

– Идем в мой мир, красотка. Позволь мне показать тебе чудеса, которые превзойдут твои самые фантастические мечты.

Эдриен обратила свои сонный взгляд на Далкит, но все, что она увидела – это странное сияние на краю леса – и никаких огней замка. Звук прибоя наполнил ее слух, но этого не могло быть. Океан был на западном краю замковой стены, а она сейчас находилась на северном краю. Почему она не могла видеть замок?

– Где замок, Адам? Почему я больше не могу видеть Далкит?

Ее зрение затуманилось, и она подверглась странному ощущению того, что она уже находится даже не в Шотландии. Где бы она не была, она не ощущала того, что ей приятно там находиться.

– Завеса становится тоньше, – промурлыкал Адам. – Морар ждет тебя, прекрасная.

Она лежала рядом с ним на прохладном песке, не понимая, как она смогла попасть туда. Ее сознание было до невозможности беспорядочным. От чувства опасности, древнего и враждебного, у нее свело низ живота. Этот человек… что-то в этом человеке было не совсем правильным.

– Кто ты в действительности, Адам Блэк? – настойчиво спросила она. Даже просто выговаривать слова было проблемой, ее язык словно распух, мускулы были будто резиновые.

Адам усмехнулся.

– Ты ближе к разгадке, чем ты думаешь, красотка.

– Кто? – настаивала она, пытаясь восстановить контроль над своими чувствами. Густой, тяжелый запах жасмина и сандалового дерева одурманивал ее сознание.

– Я – *син сирш ду* [1], красотка. Я предназначен для тебя.

– Ты тоже из двадцатого века? – ощущая головокружение спросила Эдриен. – Что не так со мной? Почему я себя так странно чувствую?

– Тише, Эдриен. Позволь мне любить тебя, как ты того заслуживаешь. Ты – единственная для меня… – Слишком поздно он осознал свою ошибку.

Единственная. Единственная. Хок пытался заставить ее поверить в это же. Чем же от него отличается кузнец? Если судить по твердому ощущению его возбуждения, прижавшемуся к ее бедру, то почти ничем. Он такой же, как Эберхард. Такой же, как Хок.

Только не снова ! Эдриен попыталась восстановить свой голос, прояснить свой разум.

---

1 Sin siriche du.

– Отпусти меня, Адам.

– Никогда. – Мощные руки Адама обхватили ее тело. Она могла ощущать, как они распахнули ее накидку и проскользили по ее груди. Уложив ее на шелковистый песок, он навис над ней, его лицо отсвечивало янтарем в отблесках огня. Пот капельками выступил на его лбу и блестел чуть выше его жестоких и прекрасных губ.

Эдриен удивилась нелогичности того, как под ее телом мог оказаться песок. Она могла видеть красновато-золотистый отблеск огня. Где же она? На пляже или в кузнице? Она пришла к туманному заключению, что ей все равно, лишь бы он позволил ей уйти.

– Отпусти меня! – Крикнула она изо всех вил, которыми обладала.

– *Отпусти ее, если она просит, шут,* – приказал голос из темноты.

Внезапно ночь стала тихой. Звук прибоя исчез в щебетании кузнечиков.

Адам до боли сжал плечи Эдриен.

«*Отпусти ее, Адам. Согласно условиям сделки, она выбирает. Уважай соглашение…*»

«*Но, Король Финнбеера, – он опозорил нас!*»

«Шут! Если у тебя нет чести, ты не будешь свободно бродить в будущем!»

Сильный порыв ветра унес яростный вздох Адама, и затем она оказалась стоящей нос к носу с Хоком. Его лицо было темным от ярости.

Шелковая накидка на плечах Эдриен бешено затрепетала, как блестящее темно-красное пламя.

– Где ты была? – потребовал ответа Хок.

– Адам и я… – начала Эдриен, затем посмотрела вокруг. Адама нигде не было видно. Ее разум снова стал острым и ясным; тот сонный туман стал сомнительным и неполным воспоминанием. Она стояла рядом с очагом в кузнице, но от пламени остались лишь холодные тлеющие угольки, и ночь становилась все темнее с каждой минутой.

– Я просто гуляла, – торопливо исправилась она, и склонила голову, чтобы избежать его проницательного взгляда.

– Эдриен. – застонал Хок, глядя на светлый каскад волос, который закрывал ее лицо от него. – Посмотри на меня. – Он потянулся к ее подбородку, но она отвернулась.

– Прекрати.

– Посмотри на меня, – неуклонно повторил он.

– Не надо, – умоляла она. Но он не слушал ее. Он схватил ее за талию и прижал ее к своему твердому, мужскому телу по всей его длине.

Эдриен посмотрела вверх, вопреки своим благим намерениям, в его полуночные глаза и чеканное лицо воина. Его бронзовое, твердое тело викинга обещало страсть, граничащую с катаклизмом.

– Девушка, скажи мне, что это не он. Скажи это. Произнеси эти слова. Даже если ты не можешь чувствовать что-то ко мне, скажи мне, что у тебя нет настоящих чувств к нему, и я закрою глаза на все, что произошло. – Со стоном он склонил свою шелковистую темную голову вперед, ближе к ней, как будто получал удовольствие просто от того, что она рядом.

Чистый, пряный запах его волос, темных как грех, возбуждал ее чувства таким способами, которые она не могла понять.

– У меня есть чувство к Адаму. – Ее язык словно распух. Даже ее тело предавало ее рядом с этим мужчиной. Она заставила себя сказать ему жестокие слова, чтобы ранить его, и ей было больно делать это.

– Где ты взяла эту накидку? – спокойно спросил он, его руки скользили по волнистому материалу.

– Адам. – Возможно, он не услышал ее слов. Он даже не вздрогнул в ответ.

Он ловко, умелыми руками, открепил серебряную брошь на ее шее. Нет, поразилась она, он определенно не слышал ее слов. Может быть, она пробормотала их невнятно.

Он легко снял накидку с ее тела. Даже изящно.

Она стояла, застыв в шоке, когда его сильные, бронзовые руки разрывали накидку в клочья. Выражение его лица было суровым и холодным. Ох, он определенно слышал ее. Как

она могла остаться равнодушной к варварскому и прекрасному водовороту мужской ярости, в котором он находился под влиянием… ревности?

Да, ревности.

Такой же, которую ощущала она по отношению к Оливии.

О Боже, что же с ней произошло?

Глава 16

– Почему ты сделал это? – выдавила она, когда смогла заговорить.

Хок положил палец ей под подбородок и приподнял ее голову, заставив ее встретить его суровый взгляд.

– Я оторву от тебя все, что Адам даст тебе. Запомни это. И если я увижу его тело лежащим на твоем, его постигнет та же судьба. – Его глаза со значением по обрывкам темно-красного шелка, зацепившимся за кору дерева и безжизненно трепещущим на ветру.

– Почему?

– Потому что я хочу тебя.

– Но ты даже не знаешь меня!

Его рот изогнулся в ослепительной улыбке.

– Ох, сладкая девушка, я знаю о тебе все. Я знаю, что ты сложная женщина, полная двойственностей; ты невинна, но при этом тверда; интеллектуальна, – он выгнул дразняще бровь, – но у тебя нет ни капли здравого смысла.

– Нет, это не так! – протестуя, нахмурилась Эдриен.

Он хрипло рассмеялся.

– У тебя замечательное чувство юмора и ты часто смеешься, но иногда ты поддаешься меланхолии. – Он прижал ее своим телом и посмотрел на нее тяжелым взглядом из-под нависающих век. Эдриен задвигала головой, безуспешно пытаясь убрать его палец от своего подбородка и избежать его пронизывающего взгляда.

Он крепко обхватил руками ее лицо.

– Ты своевольная женщина, и я хотел бы быть средоточием желаний такой своевольной женщины. Я хотел бы, чтобы ты доверяла мне и была верна мне с таким же упорством, с каким ты отказываешь мне в этом. Я зрелый мужчина, Эдриен. Я буду терпеливым, пока я ухаживаю за тобой, но я добьюсь тебя, обещаю.

Эдриен с трудом сглотнула. Будь он проклят за свои слова!

Но я не только буду ухаживать за тобой, девушка, я полностью завоюю тебя, – добавил Хок про себя. Но он не смог сказать этого вслух, пока не смог. Только не тогда, когда она пристально смотрит на него, ее нижняя губа совсем немного подрагивает, но и этого достаточно. Достаточно, чтобы дать ему надежду.

– Я собираюсь научить тебя тому, что одной жизни не достаточно для всех тех удовольствий, которое я могу подарить тебе, девушка, – пообещал он.

Эдриен закрыла глаза, желая ему отправиться в ад и еще дальше.

– Где Оливия? – спросила она, не открывая глаз.

– Упала с утеса, если мне улыбнулись боги, – сухо ответил Хок.

Эдриен открыла глаза и сморщила нос, глядя на него. Неужели она увидела намек на улыбку в его темных глазах? Страстный Хок был неотразим, но она была вооружена против страсти. Поддразнивающий Хок может просочиться через ее оборону.

– Или, если я на самом деле удачлив, и боги все прощают, то она забредет в руки Адама, и он будет поражен той же самой молнией, которая ударила меня, когда я увидел тебя. Это ли не решение моих проблем?

Уголок ее рта слегка дрогнул.

– О, нет. Я знаю, что случилось. Она забрела в лес и эльфы приняли ее за одну из своих – за злобную баньши – и она никогда не вернется обратно.

Эдриен засмеялась и была немедленно вознаграждена одной из разрушительных

улыбок Хока.

Он смягчал ее, разоружал ее оборону. И это было приятное ощущение.

Более серьезным тоном он сказал:

– Я приказал охране отправить Оливию в обратный путь, как только ее лошади достаточно отдохнут, чтобы выдержать поездку.

Настроение Эдриен поднялось при этих словах.

– Эдриен. – Он выдохнул ее имя, как крепкий портвейн, сложный и сладкий. – Только ты…

– Остановись!

Его настроение резко изменилось, вспыхнуло подобно ртути.

– Я хочу взять тебя кое-куда. Пойдем, девушка. Подари мне эту ночь, чтобы показать тебе, кто я на самом деле. Это все, что я прошу.

Разум Эдриен выкрикнул звучное «нет» …но, возможно, это не было слишком опасным.

Позволь мне показать тебе, кто я на самом деле… как заманчиво.

Он имеет в виду, кроме того, что он почти непереносимо красив?

Но какой вред может быть от разговора?

– Какой вред может быть от разговора, Эдриен?

Эдриен моргнула. Он должно быть выхватил слова прямо у нее из головы.

– Смотри, Эдриен, луна показалась, выглянула из-за рябин, – показал Хок, и она проследила взглядом за его жестом. Вдоль изгиба его мускулистой руки, по его сильной кисти к сверкающей вдали луне.

– Холодный серебряный шар, который ведет за собой ночной покой, – тихо размышлял Хок. – Готов поспорить, что такие ночи, как эта, тебе не спится, девушка, когда шторм назревает, угрожая разорвать хрупкость ночи. Ты чувствуешь это? Как будто сам воздух заряжен напряжением? Угроза шторма всегда вызывает беспокойство во мне.

Эдриен могла ощущать себя все слабее с каждым словом, отвлеченная его очаровывающим произношением.

– Такое беспокойство я чувствую и в тебе. Погуляй со мной, Эдриен. Ты ни за что не уснешь, если сейчас вернешься в замок.

Хок стоял, с вытянутой рукой, и смотрел на нее с обещаниями в глазах. Не прикасаясь к ней, просто ожидая ее выбора, ее решения – только того, чтобы пройтись с ним. Его дыхание было неглубоким и ожидающим. Ее пальцы нерешительно сжались под огнем его улыбающихся глаз – глаз с маленькими линиями во внешних уголках глаз. Эберхард не имел морщин. Она никогда не сможет доверять мужчине, у которого нет морщинок вокруг глаз. Он просто не жил и не смеялся достаточно, если у него нет небольших складочек. Как же она могла не заметить прекрасные линии жизни на лице Хока?

– Подари себе этот момент, девушка, – хрипло выдохнул он. – Попытайся.

Рука Эдриен скользнула в его неслышно, как шепот, и она почувствовала, как он вздрогнул, когда их руки соприкоснулись. Его темные глаза загорелись, и она почувствовала сильное ощущение его пальцев, накрывающих ее. Он наклонился вперед, и она ощутила скользящее прикосновение его губ на своей щеке, невысказанное спасибо за шанс, который не подталкивал ни к чему дальнейшему.

– Я гулял здесь, когда был мальчиком… – Он взял ее за руку и повлек ее на запад, вдаль от круга рябин и опушки леса.

Расскажи ей о себе , думал он. О мальчике, которым ты бал, перед тем, как ты уехал. О том, кем тебе не терпелось стать, когда ты вернулся. Но самое главное – заставь ее полюбить себя, до того, как она узнает, кем ты был между тем и этим. Любви может быть все равно недостаточно, для того, чтобы она поняла это, но по крайней мере тогда у меня будет шанс.

Они разговаривали и прогуливались, пока Хок плел фантастические истории о мальчишеской порывистости и храбрости, и она смеялась на легком ветерке. Они сидели на вершине края утеса и бросали камешки в прибой, порывистый соленый ветер спутал ее

светло-серебристую гриву с его шелковистыми волосами цвета воронова крыла. Он показал ей, где он подвешивал гамак, прямо за краем утеса, внизу на длину человеческого роста, и он рассмешил ее, рассказав о том, как он прятался здесь от Лидии. Лежа на спине, с руками, сложенными за головой, он смотрел на море и мечтал, в то время как его мать часами обыскивала стены замка, и ее мелодичный голос требовал, чтобы он вернулся.

Эдриен рассказал ему о монахинях и душных улицах Нового Орлеана, даже смогла заставить его сказать это с местным выговором раз или два – Новорлинс [1]. И он слушал, не выговаривая ей, что она верит в такие сказки. Поверил ли он, что она плела небылицы или каким-то образом увязал это с контекстом шестнадцатого века, она не знала. Все, что она знала, это то, что он слушал ее, как никто и никогда раньше. Так, она рассказал ему о Мари Лево, королеве вуду, и Жане Лафите, знаменитом пирате, и огромных плантациях, на которых когда-то стояли великолепные обширные здания, и запахах и звуках на Бурбон Стрит. Когда она говорила о джазе, о любовном напеве глубокого саксофона, громогласном реве медных труб, в глубине его глаз появились тайна и чувственное возбуждение, и он понял, что он мог почти поверить в то, что она из другого времени. Несомненно, из другой страны.

– Поцелуй меня, девушка.

– Я… не должна.

Ее беззвучный, хриплый шепот очаровал его.

– Значит, это так противно?

Эдриен глубоко вдохнула. Она стала, отошла от него, и запрокинула голову, изучая небо. Ночь прояснилась; завеса облаков стянулась к морю, и шторм ушел, не разразившись. Звук набегающего и отступающего прибоя раздавался под ними в решительном ритме. Звезды усеивали мантию ночи и Эдриен попыталась определить Большую медведицу, когда внезапно маленькая, яркая звезда, казалось, задрожала, а затем упала вниз с неба.

– Смотри! – возбужденно проговорила она. – Падающая звезда!

Хок вскочил на ноги.

– Что бы ты ни делала, не загадывай желание, девушка.

Она адресовала ему чистую, сияющую улыбку, и настолько полностью ослепило его, что он на мгновение потерял способность мыслить.

– Почему же нет, Хок?

– Они сбываются, – наконец смог выдавить он.

Ее взгляд снова обратился к падающей звезде. Эдриен затаила дыхание и пожелала изо все сил. *Пожалуйста, пусть что-то очень хорошее случиться скоро со мной. Пожалуйста* ! Неспособная выговаривать даже безмолвные слова, она передала свою мечту звездам.

Он вздохнул.

– Что ты загадала?

– Я не могу сказать, – дерзко информировала его Эдриен. – Это против правил.

Хок вопросительно поднял бровь.

– Каких правил, девушка?

– Знаешь, это правила загадывания на звезду, – доложила она ему тоном, говорящим что *каждый* знает эти правила. – Так что *ты* загадал, то, что исполнилось?

Хок фыркнул.

– Ты только что сказала мне, что мне не позволено рассказывать.

Эдриен закатила глаза и издала нетерпеливый звук.

– Это только *до* того, пока они не исполнятся. Затем ты можешь рассказать тому, кому ты захочешь. – Ее глаза блестели от любопытства. – Так что – выкладывай. – И она слегка толкнула его в грудь.

Хок очарованно смотрел на Эдриен. На протяжении этого «загадай-желание-на-звезду» разговора, его жена, кажется, стала на много лет моложе. В ее освободившемся взгляде Хок мог ясно различить доверчивого ребенка, которым она когда-то была.

---

1 Это имитация шотл. диалекта, в оригинале N'Awlins.

– Это не мое желание, скорее, это мой друг загадал желание на меня, – тихо сказал Хок.

– И что это было? – настаивала Эдриен.

Хок почти рассмеялся вслух; он уже думал, что она может надрать ему уши, если он не ответит достаточно быстро, с ее точки зрения.

– Поцелуй меня, Эдриен, – хрипло сказал он. – Докажи мне, что это не правда. Что друг не может наложить на тебя проклятье, загадав желание на падающую звезду.

– Давай, Хок, скажи мне, что он загадал! – смех звенел на ее сочных, надутых губах, и он захотел целовать ее до тех пор, пока она не выполнит все его личные желания.

– Тогда ты поцелуешь меня? – начал торговаться он.

– Ох! Все свелось к сделке, не так ли?

Хок пожал плечами.

– Зуб за зуб, девушка. Такова жизнь в этом мире. Если виллан [1] имеет бобы, но не имеет мяса, он ищет того, у кого есть мясо, но нет бобов. Я просто предлагаю тебе взаимовыгодный обмен.

– И я также получу кофе? – дальновидно поинтересовалась она. – Завтра утром? За поцелуй сегодня ночью? Пошлина предполагает оплату вперед?

– Ух, маленькая девчонка, кто учил тебя так торговаться? – Но если у него все получится, он уговорит ее на такое количество сладких поцелуев сегодня ночью, что утром ему нужно будет только повернуться, чтобы поцеловать ее снова. В его постели.

– Это означает «да», Хок?

– Прекрати и воздержись от этого, девушка! Если ты выстрелишь в меня еще одним таким же заманчивым взглядом, я отдам тебе свою кладовую с кофе и возможно, добавлю еще нескольких лошадей.

– Значит, ты дал мне слово?

– Я дал тебе свое слово и свое обещание.

– Договорились. – Эдриен поспешно закрепила их сделку. Ответы, кофе и оправдание для поцелуя. Разве можно просить большего? – Сначала мой ответ, – потребовала она.

Большая темная голова Хока наклонилась вперед, его рот коснулся ее уха. Дрожь пробежала по ее спине, когда его дыхание коснулось ее шеи.

– Что? Я не слышу тебя? – сказала она, когда он пробормотал что-то неразборчивое.

– На самом деле это слишком глупо, чтобы повторить это…

– Сделка есть сделка, Хок, – пожаловалась она, яростно дрожа, поскольку губы Хока снова и снова прикасались к ее шее.

Хок застонал.

– Он пожелал для меня идеальную жену. Чтобы моя жена была всем, о чем я только осмеливался мечтать… всем, на что я надеялся. А затем он пожелал, чтобы она отказалась любить меня. Отказалась прикасаться ко мне. Отказалась делить со мной постель.

– Почему друг загадал такое желание? – с негодованием спросила она.

– Почему жена делает такие вещи? – парировал он, поглаживая ее нежную мочку уха.

Она почувствовала кончик его языка на своей коже, и сама удивилась этому вопросу. Почему жена говорит «нет» этому невозможно красивому, интригующему мужчине?

Ее пульс участился, она повернула голову и посмотрела прямо в непостижимую глубину его сверкающих черных глаз. Изумленная, дрожа от прилива эмоций, она прикоснулась пальцем к его совершенно вылепленным губам. Ее сознание взывало к ней, пытаясь определить это новое чувство, контролировать его, но ее тело заявило, что ее знакомо это ощущение, которое не имеет ничего общего с рассудком или с логикой.

– Позволь мне любить тебя, девушка. Я не возьму ничего, чего ты не захочешь мне дать. – Его глаза задержались на ее лице, соблазнительная ласка взгляда, которая разогрела

---

1 Вилланы (лат. villanus; англ. villein, serf) – категория феодально-зависимого крестьянства в некоторых странах Западной Европы (Англия, Франция, Германия, Италия) в период средневековья. В Англии под вилланами понималась основная масса феодального-зависимого населения, выполняющего неограниченные отработочные повинности в пользу своего сеньора и подчинённого юрисдикции помещичьего суда.

ее кровь, и она задумалась, что могло бы произойти, если бы она встретила его тогда, когда она еще верила в «жили они долго и счастливо». Каково бы это было, позволить ему провести своими сильными красивыми руками по всему ее трепещущему телу, разрешить ему целовать и дразнить, и наконец воспользоваться неукротимой пульсирующей твердостью его голода. Ее чувства были потрясены от близости Хока; его пряный мужской запах, шелковистое прикосновение волос, каменно-твердое тело, прижатое к ней.

Я остановлю его через мгновение , пообещала она себе, в то время как он покрывал поцелуями ее подбородок. *Один поцелуй в губы – такова была сделка* , напомнила она себе.

Ее совесть моментально успокоилась, и разрешила ей почувствовать великолепное трение его мозолистых ладоней о ее кожу, легкое прикосновение его щетины к своей шее.

Внезапно она сделала больше, чем просто позволила прикасаться к себе. Ее руки поползли вверх и обхватили его за шею. Она зарылась пальцами в его темные шелковистые волосы, затем они скользнули по его шее вниз к его мощным плечам, обрисовывая контуры каждого скульптурного мускула.

Эдриен издала прерывистый, изумленный вздох. Она не могла вдохнуть достаточно кислорода в легкие, но это было ужу не важно, так как Хок заменил потребность в воздухе на потребность в его губах, необходимость его языка, на надобность его нужды в ней.

– Я единственный, девушка, – тихо предостерег он ее. – Все закончится здесь. Со мной. С лучшим и последним. Ох, определенно, твоим последним.

Мой последний , неохотно призналась она себе, потому что усомнилась, что какой-либо другой мужчина может сравниться с ним.

В этот задыхающийся момент, прошлое приняло чрезвычайно малое значение. Как будто Эберхард никогда не прикасался к ней, как будто двадцатый век никогда не существовал. Как будто всю свою жизнь она шла навстречу этому моменту. Этому мужчине. Этому волшебству.

Хок проложил дорожку из поцелуев по ее подбородку, по каждому дюйму на ее лице; по ее носу, ее закрытым трепещущим векам, ее бровям, и затем остановился, его чувственные губы остановились на расстоянии прикосновения языка от ее губ. Сможет ли она? Осмелится ли она?

Эдриен медленно высунула язык и попробовала мужчину, которого ей хотелось попробовать с того момента, когда она впервые была очарована им. «О Боже», прошептала она. Она хотела его, хотела этого, больше чем она хотела что-либо прежде в своей жизни. В глубине его горла прогрохотал хриплый звук; он положил свою руку на основание ее шеи и отогнул ее голову назад, чтобы получить свои поцелуи. Розовый кончик его языка обвел ее губы, попробовал на вкус каждый уголок, каждую выпуклость, бесчувственно дразнил ее; до тех пор, пока она не выдержала этого, и ее губы расслабились под его, прижались к его губам, открылись для него, и все ее тело казалось открылось ему навстречу и жаждало его. Она была розовым бутоном, распускающимся под золотым теплом солнца. «Великолепно», – прошептала она, не осознавая того, что она выражает свои мысли вслух.

Но Хок все осознавал – он слышал ее единственное слово и желание обрушилось на него настолько жестоким образом, что он задрожал. Горячий и твердый, безжалостный, Хок накрыл своим ртом ее рот. Он двигался по ее губам с неустанным голодом, что привело к тому, что за его закрытыми глазами замерцали звезды.

Глаза Эдриен широко распахнулись для явного удовольствия то того, чтобы смотреть на него, и она увидела, что он смотрит прямо в них с таким горящим обещанием страсти, что она издала слабый звук, поглощенный его ртом.

В сотнях футов под ними, природа действовала с примитивной, неутолимой жаждой страсти в собственном ритме; чувственный темп волн, когда биллионы галлонов воды набегают в ярости, а затем отступают. Ощущения, волна за волной накатывали на Эдриен; она плыла по течению в море такой страсти, что она буквально чувствовала себя обновленной, измененной от прикосновения этого человека, точно так же, как скалы внизу под ней формировались беспрестанными ласками океанских волн.

Язык Хока был словно сделан из горячего шелка, он исследовал ее рот, дразнил ее язык.

– Ох, – прошептала она, – я никогда не знала…

– Неужели так плохо целовать меня, девушка?

– Нет, то, что плохо, это не поцелуи… – Ее слова потерялись в тихом стоне, когда она запрокинула голову назад для следующих поцелуев.

– Что же плохо, сердце мое? – Хок нежно прикусил ее шею.

– Ооох! …ты!

– Я? Я плох? – Он не позволял ей отвечать ему на протяжении долгого времени, в течение которого он ущипнул ее нижнюю губу, поддразнил ее, втянул ее в свой рот, а затем медленно отпустил ее.

Эдриен издала слабый вздох.

– Ну… я имею в виду… ты мужчина…

– Да? – подбодрил ее он.

– И очень красивый к тому же…

– М-м-м… да?

– И я ненавижу красивых мужчин… – Ее руки пробежали по его плечам, его широкой мускулистой спине, и спустились вниз по его узкой талии к его мускулистым ягодицам. Она была шокирована своей собственной смелостью, трепетала от стона удовольствия, который она выманила у него.

– Я могу сказать: ненавидь меня вот *так* , девушка. Снова прояви так же свою ненависть. Ненавидь меня, все, что тебе нужно – это ненавидеть меня.

Одним плавным движением Хок нежно уложил ее на землю и вытянул свое твердое тело поверх ее тела. Эдриен была изумлена; она никогда не была так близка с Эберхардом, никогда не испытывала ничего подобного раньше, этого головокружительного ощущения от того, что она лежит под мужчиной. Как мучительно это: прикосновение ее грудей к его широкой груди; собственнический вид, с которым он поймал в ловушку и удерживал одну из ее ног между своими ногами; гребень его огромного члена напротив изгиба ее бедра. Когда он сместил свой вес таким образом, что этот твердый орган крепко уперся ей между ног, жар, разгоравшийся между ними, вспыхнул, заставляя сжиматься внутри нее такие мышцы, об обладании которыми она даже не подозревала. Он вращал своими бедрами, терся о ее тело, двигаясь медленными эротическими кругами. Она чувствовала себя легкомысленной, дезориентированной ощущениями, которые он вызывал. Она выгнулась навстречу ему, обвила его ногой, чтобы притянуть его ближе – чтобы заманить разгоряченного мужчину поудобнее расположиться в ноющем месте между ее бедер.

Он нежно потянул за лиф ее платья и стащил его вниз с ее плеч, обнажив ее груди для своего внимательного изучения.

– Красота, – прошептал он, его пальцы дразнили сморщенные кончики. Когда он обвел розовые пики своим языком, огненные волны пробежали по ее телу, раздувая сильный жар в ее животе, и еще ниже.

– О Боже! – Эдриен уронила голову в ароматную траву, и собственнически провела пальцами по его темной гриве волос.

Хок застонал, его горячее дыхание овевало ее грудь.

– Как ты сделала это со мной, девушка? – Она была всем, что он всегда мечтал однажды иметь, но затем серьезно посоветовал себе бросить эти мечты как плод воображения глупого парня.

Но теперь он вполне ощущал себя этим глупым парнем снова.

Он почти рассмеялся над правдивостью этой мысли. Из всех женщин, которых он имел, он *любил* эту одну. Он изумился и восхитился громадностью своего осмысления этого факта; затем прижал свои губы к ее, беззвучно требуя, чтобы она любила его в ответ. Он вложил каждую унцию жажды, каждую крупицу умелого соблазнения, которые были в его распоряжении, в эту молчаливую просьбу – он поцеловал ее так глубоко, что уже не знал, где

кончается он и начинается она. Ее бедра уступили, когда он прижался к ней, и жадно поднимались, чтобы встретить его, когда он отодвигался назад. Примитивные звуки срывались с ее губ, которые были распухшими и темно-красными от его поцелуев.

– Люби меня, Эдриен, – грубо скомандовал он. – Люби меня!

Ее единственным ответом был хриплый стон.

– Скажи мне, что ты хочешь меня, девушка, – жадно потребовал он рядом с ее губами.

– Пожалуйста… – вырвался у нее приглушенный ответ, и она с силой зажмурила глаза. *Я остановлю его прямо через минуту. Это будет легче сделать, если я не буду смотреть на него* .

– Ты хочешь меня, Эдриен? – спросил Хок, прерывая их поцелуй. Ее просьба была недостаточным ответом, он должен услышать, как она скажет нужные слова. Что даже с закрытыми глазами она знает, что это *он* лежит на ней сверху, *он* целует ее.

Но она не ответила, и ее глаза оставались закрытыми.

Хок застонал и не обращая внимания поцеловал ее снова, и на мгновение потерял голову от структуры и вкуса ее сладких губ. Но сомнение билось в нем. Он сознавал, что если он не будет настаивать на ее словах, он смог бы даже отнести ее в постель этой ночью в ее чувственном, пьянящем возбуждении. Но он не хотел, чтобы Эдриен не осознавала, что она делает. Он хотел ее бодрствующей, в полном сознании и просящей его прикоснуться к ней. Он хотел, чтобы она встречала его взгляд ровно, с откровенным, беззастенчивым голодом, и сказала ему нужные слова. Хок, с трудом дыша, оторвал свой рот от ее рта.

– Открой глаза, Эдриен. – Он заставил себя лежать спокойно; его бедра застыли рядом с соблазнительным изгибом ее тела.

В этот момент были слышны только их поверхностные дыхания, их губы находились в дюймах друг от друга.

– Посмотри на меня. Произнеси мое имя. Сейчас, – приказал Хок.

Глаза Эдриен лишь немного приоткрыла глаза. *Не заставляй меня признавать это… не проси так много* ! – умоляли они. И снова, ее тело выгнулось вверх, умоляя его лечь на ее сверху, вовлечь ее в пьянящее возбуждение так, что утром она сможет притвориться, что у нее не было выбора.

– Посмотри на меня и произнеси мое имя. – Его голос резко оборвался на этих словах. Его прекрасный, чеканный рот парил всего лишь в шепоте от ее губ.

Эдриен безмолвно уставилась на него. Слезы жгли ей глаза, угрожая пролиться вниз, на ее щеки.

– Почему ты не можешь сделать этого? – требовал он, его акцент как будто набрасывал бархат на разбитое стекло. – Неужели это невозможно? Сидхок. Это все, что тебе нужно сказать. Или Джеймс, или даже Лайон. И Лэрд Дуглас подойдет! Все, кроме Адама.

Эдриен смотрела, чувствуя отвращение к собственной душащей ее слабости. Она ничему не научилась! Еще один дюйм, одно маленькое движение, и она потерялась бы как никогда раньше. *Куда пойдет тело… туда последует и сердце… скажи его имя и поцелуй его снова, и ты можешь попрощаться со своей душой. Этот мужчина обладает властью уничтожить тебя так, как никогда не смог бы Эберхард* .

– Что тебе понадобиться, чтобы забыть его?

И он думал, что это был Адам, но это не Адам. Это Эберхард. И от нее не осталось бы ничего, если бы она снова сваляла дурака.

– Скажи мое имя, девушка, во имя любви к Богу! – заорал Хок. Он дрожал от смешения едва сдерживаемой страсти и недоверия, от того, что она могла отвечать ему так эротично, так всецело, но при этом отказалась назвать его имя. – Есть ли вообще какой-нибудь шанс для меня, Эдриен, позови меня! Если ты не можешь даже назвать мое имя, значит, я получу ни единого шанса когда-либо завоевать твою любовь!

Его последняя просьба была похожа на крик агонии раненого животного; и она приоткрыла ее сердце. Пульс бился на его шее и она подняла руку, чтобы приложить дрожащие пальцы к этому месту. Все сильнее и сильнее ожесточала она свое сердце, пока

оно не оказалось в безопасности за ледником из сожалений и воспоминаний.

Он оттолкнул ее руку.

– Скажи это, – с трудом потребовал он сквозь стиснутые зубы.

– Ну, это *та-ак* трогательно! Я помогу ей, – голос Оливии источал яд. – Просто назови его королевской шлюхой, – промурлыкала она. – Именно так мы всегда называли его.

* * *

Буря, бушевавшая в нем, улеглась точно в этот момент.

– Это правда? – наконец прошептала Эдриен, ее глаза были широко открыты и глубоки от страдания. Страдания и чего-то еще. Хок видел невысказанный крик в серых глубинах ее глаз. Он хотел отрицать это, объяснить весь этот кошмар. Но он не будет лгать этой девушке. Она должна взять его таким, какой он есть, или не брать вовсе; когда она примет его, если у него остался на это какой-то шанс, она будет всецело обладать им. Горечь захлестнула его, накрывая его отчаяньем так полно, что он почти закричал вслух от причиняемой боли.

– Меня называли королевской шлюхой, – натянуто ответил он.

Тени вспрыгнули и заблестели в ее переливчатых серебристых глазах. Темнота, которую он хотел осветить, теперь сделалась еще темнее благодаря ему.

Он откатился от нее и медленно встал, затем ушел в ночь, молчаливый как волк, оставив ее на краю пропасти с мстительной бывшей любовницей. Он надеялся, что она просто столкнет злобную Оливию с края пропасти, но он знал, что все не так просто. Потому что если он рассудил верно, то его жена в одно мгновение окажется в постели Адама.

Она была потеряна для него.

Лучше бы он никогда не встречал эту девушку, чтобы никогда не знать того сладкого потока эмоций, освобождающей страсти, крыльев свободы, которыми может оказаться любовь.

Он бродил этой ночью, затерявшись в воспоминаниях о том времени, когда он был призван к своему королю. Все для Далкита и для его матери, Для Илисс и Адриана. Да, и для прекрасной Шотландии, время от времени, когда его король был дико глупым. Нет, у него никогда не было никакого выбора.

Глаза Хока осматривали ночное небо в поисках еще одной падающей звезды. Он намеревался загадывать желание на каждую их них до конца своей жизни, если понадобиться. Без сомнения, десять тысяч желаний пересилят одно желание. Но завеса облаков вернулась, и не было видно ни одного мерцания звезды в абсолютной темноте, которая окружала его.

Глава 17

– О, моя дорогая, я думала, ты знаешь! – излила свои чувства Оливия.

– Убирайся в ад, – тихо сказала Эдриен, с трудом поднимаясь на ноги.

– Я пытаюсь помочь тебе…

– Нет, ты не помогаешь. Единственный человек, которому ты пытаешься помочь, – это ты сама, с помощью целой кучи помощи от моего мужа.

– Ах, да. Твоего драгоценного мужа. Неужели тебе не интересно узнать о его времени при дворе? – заманчиво промурлыкала Оливия.

– Ты на самом деле считаешь, что я настолько глупа, чтобы поверить, что ты скажешь мне что-нибудь правдивое о нем? Такая женщина как ты?

Оливия остановилась на середине фразы, ее рот слегка приоткрылся.

– И что же это должно означать?

Светло-серые глаза Эдриен спокойно встретили взгляд обильно подведенных краской для век глаз Оливии.

– Только то, что ты женщина, которая измеряет свой успех количеством мужчин, с

которыми она спала, и количеством женщин, которых она ужалила, и когда-нибудь однажды, и не так уж и далеко, если судить по твоему виду, ты станешь всего лишь толстой, нежеланной старухой, у которой нет друзей. И как ты собираешься проводить свое время тогда? – Оливия могла бы одурачить ее несколько лет назад, но больше ее не обманет.

– Как ты смеешь, ты *маленькая потаскушка* ! – Выплюнула Оливия. – Я только предлагала свою помощь…

– Преследуя нас, шпионя за нами и затем вытаскивая наружу его прошлое? Его прошлое ушло, Оливия. – Эдриен не сознавала, что она защищает его, пока не услышала, как она произносит эти слова. – Некоторые люди учатся на своем прошлом, делаются лучше и мудрее. Мой Хок это и сделал. Ты просто злишься, потому что знаешь, что он не тот человек, которым он был. Если бы он был прежним, он остался бы с тобой в садах, вместо того, чтобы проводить вечер, разговаривая со мной.

– Разговаривая? Он и я тоже… разговаривали… таким же образом. Он просто временно воспламенен новым телом. Но у него это пройдет. И когда это случится, он вернется назад в мою постель.

– Ты ошибаешься, – спокойно сказала Эдриен. – И ты знаешь это. Именно это на самом деле расстраивает тебя.

– Старую собаку не выучить новым трюкам, сладкая молодая дурочка, – глумливо сказала Оливия.

Эдриен вспыхнула от сахарной улыбки старшей женщины.

– Возможно, нет. Но иногда собака может бросить все прежние трюки целиком.

– Ты говоришь как влюбленная женщина. Но все же ты не смогла произнести его имя, – заявила Оливия, выгнув подведенную карандашом бровь.

Улыбка Эдриен исчезла.

– Я говорю за себя и за своего мужа, когда предлагаю тебе покинуть Далкит с первым лучом солнца, не важно, отдохнут лошади или нет. Твое присутствие здесь больше не приветствуется. И никогда не возвращайся назад.

* * *

«*Я уверена, что могу выбирать их, не так ли* ?» – размышляла она, пробираясь через сад.

Так же, как с Эберхардом, загоревшим на палубе элитным плейбоем, который так безупречно манипулировал ею, она была одурачена прекрасной иллюзией. Настоящая красота должна идти изнутри. Человек, которого называли королевской шлюхой… ну, что за красота могла быть в таком человеке?

Еще хуже была мысль о том, что она собиралась и могла бы охотно сделать с Хоком, если бы Оливия не появилась рядом. Его просьбы практически разрушили ее оборону, и она знала очень хорошо, что если бы Оливия не прервала их, она могла бы даже сейчас лежать под его великолепным телом, как еще одно завоевание королевской шлюхи.

«*Может быть, это не так, Эдриен. Может быть, ты не знаешь всей истории целиком* », – заметил тоненький голос у нее в голове.

«*Может быть, я не хочу знать всю историю целиком* », – вскипела она. Она сжимала свои руки до тех пор, пока не почувствовала боль в ладонях от вонзившихся в них ногтей. «*Я хочу попасть домой* », – опечалилась она, подобно потерянному ребенку. «*Я хочу Луни* ».

«Это единственная достойная вещь, которую хочется вернуть», – подумала она.

Она разочарованно вздохнула.

– Эдриен. – Его голос послышался из тени нижней стены замка так тихо, что она сначала подумала, что он ей просто послышался.

Она обернулась, чтобы встретить его взгляд. Лунный свет падал широкими полосами через деревья, бросая серебристые блики на его чеканное лицо.

– Оставь меня одну, Хок.

– Что сказала тебе Оливия? – Слова прозвучали так, как если бы они вырвались у него против его воли.

– Почему бы тебе не спросить у нее? Кажется, вы двое общались довольно тесно в прошлом. Что-то вроде «безмолвного общения», если я правильно помню.

– Девушка, не надо, – застонал он.

– Почему нет? Разве правда ранит?

– Эдриен, это было вовсе не так. Это не было… – Его голос прервался и он вздохнул.

– Это не было что? – холодно сказала она. Эдриен ждала. Может, он объяснит? Слово «*шлюха* » могло иметь множество разных значений, но ни одно из них не было положительным. Она знала, что он спал с красивыми женщинами, и со многими из них, из того, что рассказали ей служанки Комина, но сколько их было? Тысяча? Десять тысяч?

Когда Хок не ответил, Эдриен начала спрашивать.

– Ты – любовник Оливии?

– Нет, девушка!

– Но ты был им? – заставила себя спросить Эдриен.

Хок вздохнул.

– Это так, но это было очень давно, и ты не знаешь всех обстоятельств…

Эдриен взорвалась.

– Я не хочу знать про обстоятельства, при которых ты был с такой женщиной как она! Если бы ты хоть немного разбирался, то ты бы никогда… Все вы мужчины одинаковы!

Акцент Хока стало еще более явным.

– Дай мне шанс, Эдриен. Выслушай меня. Это не справедливо – ненавидеть меня за то, что сделал с тобой другой мужчина. Еще один шанс – это все, о чем я прошу тебя, девушка.

– Я дала тебе слишком много шансов! Оставь меня одну, Хок Дуглас. Просто оставь меня одну! – Эдриен вскочила и побежала к замку, прежде чем она смогла бы унизить себя и разразиться слезами.

* * *

Она мечтала о Хоке и об обещании, которое, как она заметила, светилось в его глазах. Надежда. Если бы он знал о ее прошлом, он все еще хотел бы *ее* ? Дремлющая душа Эдриен изо всех сил боролась с этим. Осмелится ли она позволить себе полюбить его? Или не осмелится? Ее сердце все еще было избитым. Ее разум отскакивал в страхе от любой возможности дальнейшего унижения и сожалений. Но противостоять искушению уступить делалось все труднее с каждым днем. Если бы она только была дома в своем коконе одиночества. Снова в безопасности, но так одинока…

Мечтая во сне, она наконец вспомнила, как она попала сюда, и поняла как она может попасть обратно домой. Таким путем она сможет избежать Хока и всех его бесконечных обещаний страсти и боли.

Под влиянием воспоминания она проснулась. Выпутавшись из шелковых простыней, она пересекла комнату и уставилась в чернильно-темную ночь.

Шахматный набор Эберхарда.

Она наконец смогла вспомнить с отчетливой ясностью, что она делала за секунды до того, как она катапультировалась сквозь время, попав на колени к Комину.

Она была в библиотеке, подбирая фигурки из шахматного набора Эберхарда. Этот чертов набор в самом деле был проклят. Когда она стащила его из дома Эберхарда, она была осторожна и старалась не трогать фигурки. Эберхард часто шутил над проклятием, но Эдриен предпочитала обходить легенды, проклятия и мифы стороной. После того, как она украла набор, она оставила его упакованным, намереваясь распаковать его, только если ей придется его продать.

Она знала, что в ее руке была черная королева, когда она появилась на коленях Кровавого Комина, но куда фигурка делась оттуда? У нее определенно не было ее сейчас.

Может быть, одна из служанок взяла ее? И ей придется противостоять презренному Кровавому Комину, чтобы вернуть ее?

Она уныло покачала головой. Фигурка была *где-то* в замке Комина, и где бы она не была, ей придется приложить усилия, чтобы найти ее. Она может перенести ее домой. Сможет ли она найти путь обратно в замок Комина?

Конечно, ободрила она себя. После путешествия по захудалым дорогам длиной в две тысячи миль, Эдриен де Симон сможет найти путь куда угодно. Но надо торопиться, пока она все еще скрыта завесой ночи. И до того, как ее решимость ослабнет.

* * *

Тридцать минут спустя она была готова. Пройдя на цыпочках через кухню, она нашла промасленный мешок и наполнила его твердым хлебом, сыром и несколькими яблоками. Тэвис храпел в своем кресле в углу, его рука обхватила наполовину полный стакан – она осторожно принюхалась – с чистым зерновым алкоголем, судя по запаху. После быстрой остановки в Зеленой комнате для леди, где она оставила обувь, которую дала ей Лидия, она будет готова идти.

Выскользнув из кухни, она быстро прошла по короткому коридору и толкнув, открыла дверь в Зеленую комнату. Ее глаза зажглись тревогой. Там спал Хок, белая льняная простыня закутывала его ноги, его торс был обнажен навстречу ласковому рассвету. Его темная голова лежала на белых подушках, и он спал один – сжимая в руках платье, которое было на ней в тот день, когда ее ранили.

Они называли его *королевской шлюхой* , напомнила она себе. Возможно, в действительности он был назначен королем на эту должность. Или возможно он просто был настолько неразборчивым, что заработал этот титул сам по себе. Но это не имеет значения, она никогда больше не будет одной из многих.

Эдриен обнаружила свою обувь из деревянного сундука в ногах кровати. Осторожно отводя глаза от своего спящего мужа, она вытащила ботинки из-под полированной сосновый крышки и понеслась назад к двери, ступая мягко, как котенок, затем тихо закрыла ее за собой.

А теперь самая трудная часть. Охрана была расставлена по всему замку. Ей придется бежать через сады, по вечному мосту к сторожке, и через восточную башню. Она раньше убегала и от худших вещей, через более трудные препятствия. Она как-нибудь справится. Она всегда это делала, когда дело доходило до того, чтобы убегать.

* * *

Хок приоткрыл один глаз и смотрел, как она уходит. Хок что-то мрачно пробормотал и переменил положение тела, сложив свои мускулистые руки за головой. Он в течение долгого времени смотрел на дверь.

Она бросает его?

Никогда. Нет, пока он живет и дышит, и желания бороться в нем чертовски больше, чем она должно быть думает.

Он вскочил на ноги и схватил свой килт, завязав его свободно на талии.

Итак, вот каким путем все это пошло, горько подумал он. Первый же признак того, что в его прошлом было что-то неблагоприятное, и она сбегает. Он не относил ее к непостоянному типу женщин. Он думал, что она – девушка с пламенным характером под ее шелковой оболочкой, но всего лишь один вздох из его грязного прошлого, и она приготовилась покинуть его. После удовольствия, которое она, несомненно, испытала в его руках, – она все же уходит прочь.

Хорошо, черт возьми, а как она полагает, где же он научился доставлять удовольствие?

О, нет. В следующий раз, когда его жена будет лежать в его объятиях, и это

непременно случится, он возьмет одно из цыганских зелий, чтобы сделать себя невозмутимым. И затем он по-настоящему покажет ей преимущества, которые могло принести ей прошлое, которого она так яростно избегала.

Он предложил ей свою любовь, свободно и открыто. Он, который никогда не предлагал ни одной девушке ничего кроме физического удовольствия на короткое время, предложил этой женщине свою жизнь.

И все-таки она не приняла его.

И она даже не знала главную проклятую истину о том, что значит быть *королевской шлюхой* . Оливия собиралась сказать ей, там, в садах. Оливия, которая безжалостно воспользовалась тем, как рабски Хок подчинялся королю, и подала прошение Якову, прося приказать Хоку предоставить ей те сексуальные услуги, в которых он ей раньше отказывал. Оливия, которая дала Якову новый способ унижать Хока. Воспоминания об этом смущали и злили его. Твердым усилием своей сильной воли он прогнал эти мысли и слепящий гнев, который они породили.

Эдриен была его насущной проблемой. Хок фыркнул. Она убежала, чтобы найти общество в объятиях кузнеца?

Да. Он был уверен, что она так и сделает.

В этот момент Гримм толчком открыл дверь и просунул внутрь голову, в его глазах был немой вопрос.

– Она отправилась на север? – Лицо Хока было хмурым.

– Нет, – озадаченно ответил Гримм. – Я ожидал того же, что и ты, но она пошла на восток.

– К сторожке? Одна?

– Да. И несет только маленький мешок.

– Он должен встретить ее там, – предположил Хок. – Охрана следует за ней?

– Да, на расстоянии. До тех пор, пока ты не отдашь приказ.

Хок повернулся спиной и уставился на тлеющие угли. Его приказ. Должен ли он позволить ей уйти? Сможет ли он? И если она присоединится к Адаму, как он сможет удержать себя от того, чтобы не убить кузнеца голыми руками? Нет. Лучше остановить ее до того, как ему придется узнать с абсолютной точностью о ее предательстве.

– Что ты узнал об Адаме? – Хок ударил ногой очаг.

– Ничего, Хок. Как если бы он прилетел с волшебным ветром и пустил тут корни. И это самое странное. Никто не знает, откуда он пришел. Я думал, что Эсмеральда будет нашим лучшим выбором для получения информации, потому что она греет ему постель. Но я до сих пор не смог разыскать ее. – Гримм задумчиво потер подбородок. – Кажется, люди Эсмеральды переместили свой табор от рябин на севере к пастбищам далеко на востоке.

Хок повернулся на пятках, его темные глаза внимательно смотрели на Гримма.

– Цыгане никогда не переносят табор. Они всегда остаются на серенных пастбищах в течение лета.

– Но не этим летом. – Гримм пожал плечами. – Воистину странно. Говорят, что даже Самайн [1] будет праздноваться на новом месте после нынешнего урожая.

– Странно. – Хок обдумывал эту новую причуду. Но он уделил только один момент размышлениям о племени цыган, которые стояли табором в Далките – существовали более серьезные проблемы, на которые нужно было обратить внимание. Его жена уходила от него.

– Останови ее у сторожки, Гримм. Я вскоре буду там.

* * *

Эдриен знала, что ее преследуют.

Выбраться из замка было так же трудно, как и сбежать из тюрьмы. У нее было меньше шансов ускользнуть от охраны, чем они были бы у нее, пожелай она перенестись обратно в

1 samhain – кельтский Новый год, празднуется 31 октября.

двадцатый век. На этот раз у нее не было даже пистолета.

Как в ночь, когда умер Эберхард – ту ночь, о которой она обещала себе никогда больше не думать.

Она не хотела чтобы что-то такое случилось. Она даже не знала, что происходит до той ночи, когда она наконец-то обнаружила, почему Эберхард отправлял ее на все эти одинокие каникулы. *Такая хорошенькая и такая глуповато-легковерная* . Разве не так, как она услышала, он описал ее той ночью, когда она неожиданно вернулась из Лондона, надеясь удивить его?

И она в самом деле удивила его.

Проскользнув через заднюю дверь гаража в его роскошный дом, Эдриен подслушала разговор, который не предназначался для ее ушей.

И он убил бы ее за подслушивание этого разговора.

Она не позвала его по имени, когда положила руку на дверь, ведущую в его холостяцкую берлогу. Голос Жерара ясно донесся через дверь.

– Руперт встретился с ней в Лондоне?

Эдриен застыла. Они разговаривали о ней. Как они узнали, что Руперт был в Лондоне? Она встретила его там только вчера. Она даже не звонила Эберхарду и еще ничего с ним не обсуждала. Она вернулась ночным рейсом, и ей потребовался целый день и еще половина ночи, чтобы добраться домой. Она прижала ухо к двери, с любопытством прислушиваясь.

Эберхард рассмеялся.

– Точно так, как мы планировали. Он сказал ей, что он приехал в город, чтобы купить подарок для своей жены. Ты знаешь Эдриен, она верит всему. Она ничего не заметила, когда он подменил ее багаж. Она такая хорошенькая и такая глуповатая и легковерная. Ты был прав относительно нее с самого начала, Жерар. Она совершенная простушка. И она никогда не поймет, чем мы занимаемся, пока не станет слишком поздно, чтобы это имело значение.

Эдриен сильно вздрогнула, ее рука застыла на двери.

– И когда она наконец попадется, Эб? Что ты будешь делать тогда?

От смеха Эберхарда у нее застыла кровь.

– О, это самое замечательное. Они раскопают сведения из приюта. Я взял на себя смелость немного подделать их. Теперь они отражают юную преступницу с естественной склонностью к преступному поведению. Она пойдет на дно одна. Ни один полицейский в моем прекрасном городе не попытается пришить что-нибудь мистеру Эберхарду Дэрроу Гаррету – щедрому политическому патрону. И я никогда не покидаю новоорлеанское королевство. Это она всегда покидает и возвращается в страну.

Глаза Эдриен расширились от ужаса. *О чем он говорит* ?

Жерар рассмеялся.

– Мы достали огромный груз из ее Мерседеса в прошлом месяце, Эб. Поездка в Акапулько прошла просто блестяще.

Груз? Подумала Эдриен в отчаянии. Груз чего? Она беззвучно отошла подальше от двери.

Глупая. Легковерная. Наивная. «Что же плохого в том, чтобы быть наивной?» – подумала она, проходя крадучись по затемненному дому, проглатывая свои рыдания. По крайней мере, в наивности была честность. По крайней мере, она никогда никого не ранила, никогда никого не использовала. Так, возможно она и была чуточку… легковерная. Может быть, ей немного не хватало здравого смысла. Но она более чем восполняла это в других отношениях. У нее было доброе сердце. Это должно кое-что значить.

Ее горло сжалось от подавляемых слез. «Прекрати это», – упрекнула она себя. «Сконцентрируйся. Найти королеву. Вернись обратно домой. В двадцатом веке не бывает мужчин подобных Хоку, и ни один мужчина снова не станет для тебя искушением после Хока».

Сторожка замаячила впереди нее. Почему они не останавливают ее? Она знала, что они все еще здесь. Может быть, он хотел, чтобы они отпустили ее. Может быть, она была так

наивна и необучена, что он на самом деле вовсе не интересовался ею. В конце концов, для подобного мужчины не составит труда найти согласную женщину.

О чем может беспокоиться королевская шлюха? Всегда будет другая женщина.

Она сердито пнула камешек и смотрела, как он ударился о стену сторожки. Они поднимут решетку и отступят в проход в укреплении ради нее? Окажут ей теплый прием, чтобы отпраздновать ее прощание?

И когда она вступила под арку, Гримм возник из темноты.

Она с облегчением остановилась.

Попробуй еще раз , сказала она себе. *Перепиши сценарий еще раз, Эдриен де Симон. Там написано «она остановилась, разъяренная тем, что ее побег не удался».*

Нет, ей определенно стало легче.

Она вздохнула, ее плечи опустились.

– Гримм. Дай мне пройти. Это моя жизнь. Отойди.

Он покачал головой.

– Мне жаль, миледи.

– Гримм, я должна вернуться в замок Комина.

– Почему?

Она на мгновение посмотрела него в утреннем свете. Он выглядел по-настоящему смущенным, и его глаза продолжали рассматривать северную стену замка, как если бы он ожидал кого-то.

– Потому что я скучаю по дому, – солгала она. Ну, возможно, это не совсем ложь – она ужасно не хватало Луни.

– А! – Понимание появилось в его привлекательных чертах лица. Он стоял перед ней, его ноги были расставлены, мускулистые руки сложены на груди. – Ты что-то ищешь?

– Что? – Он не мог знать! Или мог? – Гримм, Леди Комин – я имею в виду мою мать – не говорила ничего о… ну… о чем-то, что принадлежало мне, что я могла оставить там… дома?

– Что это могло быть? – спросил Гримм, представляя собой истинную картину невинности.

– Да, что это могло быть? – эхом отозвался голос у нее за спиной. Что-то в этом голосе определенно изменилось и явно к худшему. Бархатное мурлыканье Хока приобрело холодность гладкой, блестящей стали.

Неужели это она ответственна за эту перемену?

– Уведи ее в Павлинью комнату. Запри дверь и принеси мне ключ, Гримм.

– Нет! – закричала она, обернувшись, чтобы посмотреть на него. – Я должна идти! Я хочу попасть в замок Комина!

– Что ты ищешь, жена? – холодно спросил он.

Он безмолвно и вызывающе уставилась на него.

Хок пробормотал мрачное ругательство. Может ли это быть правдой? Может ли она на самом деле быть из будущего и искать способ попасть обратно домой? Мысль о том, что она может оставить его ради Адама, почти свела его с ума.

Но, мрачно думал он, если она разыскивает черную королеву, значит, она со всей определенностью делает это по какой-то причине. Были шансы, что она была из какого-то другого места, если не из другого времени, и она полагала, что черная королева сможет унести ее прочь от него.

Есть только один способ выяснить.

– Это то, что ты искала, девушка? – спросил он, достав шахматную фигурку из своего споррана и подняв черную королеву перед ее расширившимися глазами.

Глава 18

– Пойдем, девушка! – приказ был отдан невыразительным и безошибочно угрожающим

голосом. Но даже сейчас, простое слово заставляло ее дрожать от желания. Хлынувший жар заставил ее затаить дыхание.

– Хок…

– Нет. – Это слово было предупреждением. – Сейчас. Возьми меня за руку.

Что он собирается делать? – отчаянно думала она. Она почувствовала, как позади нее Гримм придвинулся ближе, подталкивая ее к Хоку.

– Подожди! – она вытянула вперед руку, чтобы удержать его на расстоянии.

– Двигайтесь, миледи, – тихо сказал Гримм.

– Не запирайте меня в комнате!

– Как я могу этого не сделать? – усмехнулся Хок. – Зная, что ты отправишься обратно в то место, где ты, кажется, знала мало радости – и все же ты предпочла бы быть там, чем здесь со мной!

– Ты не веришь, что я из будущего! – задохнулась она.

– Я начинаю верить, – пробормотал он. – Как, ты думаешь, я узнал об этом? – Черная королева блестела в его руке.

Она пожала плечами.

– Как?

– Ты, моя сладкая жена, говорила о ней, когда тебя отравили. Волновалась и беспокоилась, и пыталась найти ее…

– Но я только что вспомнила о ней.

– Твой спящий разум вспомнил быстрее.

– Но как она попала к тебе?

В этот раз ей ответил Гримм.

– Леди Комин видела, как фигурка выпала из твоей руки в ту ночь, когда, как она заявила, ты прибыла.

– Но как…

– Леди Комин доверила фигурку мне после свадьбы. Я отдал ее Хоку.

– Она подтвердила, что по крови ты не ее дочь. Я не могу придумать ни одной причины, которая заставила бы ее солгать на этот счет. – *Если только замок Комина не поразило некоторое странное заразное безумие,* – мрачно подумал он. – Эта фигурка на самом деле перенесет тебя обратно, туда, откуда ты прибыла? – осторожно спросил Хок.

– Я так полагаю. Насколько я могу сказать, это она принесла меня сюда, – сказала она, ее взгляд был направлен на мощеную дорожку.

– И ты планировала достать ее и отправиться домой, девушка? Ты собиралась ускользнуть из Далкита одна?

– Нет! С твоей матерью, Хок! – нелепо отрезала она. – Конечно, одна!

– Итак, ты собиралась отправиться в замок Комина, чтобы найти эту шахматную фигурку и попытаться вернуться туда, откуда ты перенеслась сюда? Таков был твой план этим вечером? – Она не заметила предупреждение в его осторожном голосе.

– Да, Хок. Я признаю это. Все в порядке? Я собиралась попытаться. Я не уверена, что сработает, но эта фигурка была последним предметом в моей руке перед тем, как я оказалась здесь, и легенда гласит, что этот шахматный набор проклят. Это единственная вещь, я думаю, которая могла бы это сделать. Если это она принесла меня сюда, то она может и вернуть меня обратно.

Хок холодно улыбнулся. Он повернул королеву в своей руке, внимательно изучая ее.

– Работа викингов, – удивился он. – Прекрасный набор. Хорошо сделан и отлично сохранился.

– Ты веришь мне теперь, Хок? – Ей нужно было это знать. – Что я на самом деле из будущего?

– Достаточно, чтобы сказать – я не верю в то, что стоит рисковать. – Он все еще не совсем верил, но бесконечно лучше быть в безопасности, чем в сожалении.

Он резко развернулся на пятках и проследовал прочь к садам.

– Уведи ее, Гримм, – сказал он через плечо, почти машинально.

Но Гриму не пришлось никуда уводить ее. Тысяча предупреждающих колокольчиков зазвучали в ее голове, и она бросилась за ним, чтобы догнать его. Его спокойный тон, его несгибаемое поведение, его вопросы. Он аккуратно связывал все вместе до абсолютной ясности. Хок не был мужчиной, у которого отсутствовали интеллект и настойчивость. Она только надеялась, что неправильно поняла его цель в данный момент.

– Хок! – закричала она.

Плечи Хока напряглись. Он был за пределами гнева в этот момент, он погрузился в царство ледяной решимости. Он знал, что он должен сделать, когда бросился бежать через сады, за стену замка, пламенеющим шотландским ранним утром. До тех пор, пока это не будет сделано, он не может позволить ей прикоснуться к нему, положить свои сладкие руки ему на плечи и умолять. «*Я не стану рисковать в том, что касается моей жены* ».

– Подожди! – Эдриен бросилась бежать, страх сжал ее сердце, когда она поняла, что он мчится к северному краю стены замка, где ярко горел огонь кузницы.

– Нет, Хок! – закричала она, когда он исчез в садах.

Она почти полетела, когда нырнула в пышную растительность, пробегая по клумбам с анемонами и фиолетовыми ирисами. Она перепрыгивала через низкие каменные стенки и отводила от лица побеги роз, усеянных шипами, раня нежные ладони своих рук, до тех пор, пока она не вырвалась из садов, чтобы увидеть его в дюжине длин впереди себя.

С трудом вдыхая воздух, она собрала все силы, чтобы бежать так быстро как она могла. Если она все-таки сумеет это сделать, это будет близко – слишком близко.

Из окна, расположенного высоко наверху, Лидия наблюдала за разворачивающейся сценой.

Оттолкнув боль своих нежелающих двигаться мускулов, Эдриен отчаянно пыталась догнать Хока, но было слишком поздно – он уже стоял рядом с Адамом возле ярко пылающих углей.

Задыхаясь, она рванулась вперед как раз тогда, когда рука Гримма схватилась за ее накидку. Он сильно дернул за ткань, потянув ее назад. Накидка порвалась, и она упала, вскрикнув при падении на землю.

– Хок, не надо!

– Уничтожь это! – приказал Хок Адаму.

– Нет! – закричала Эдриен.

Адам бросил мимолетный взгляд на упавшую красавицу.

– Кажется, что леди думает иначе.

– Я не просил тебя думать, Адам Блэк, и, черт возьми, меня совершенно не интересует, что думает леди.

Адам шаловливо улыбнулся.

– Я смотрю, ты не преуспел в том, чтобы надеть путы на сокола, Лорд Хок?

– Сожги это, кузнец. Иначе я удовлетворю себя и сожгу тебя, а не королеву.

– Адам! Нет! – умоляла Эдриен.

Адам некоторое время казался обдумывающим положение, затем со странным торжествующим взглядом пожал плечами и бросил фигурку в огонь кузницы.

Для Эдриен, ничком лежащей на земле, все казалось происходящим в замедленном движении.

Она в ужасе смотрела, как черная королева пролетела по воздуху и упала в пылающие угли. Эдриен проглотила рыдание, когда пламя жадно облизало шахматную фигурку. Ее единственный путь возвращения был уничтожен.

Хок вздохнул с облегчением. Эдриен обрушилась на землю, и безучастно смотрела на почву. Черная королева сгорела, твердая африканская древесина не может противостоять горячему пламени, при котором куется сталь.

Ни Луни. Ни пути домой.

Она была здесь в 1513 – с ним – навсегда.

Адам издал звук, слишком темный, чтобы быть смехом, когда наклонился ближе к Хоку. Достаточно близко, чтобы только Хок слышал его тихие, насмешливые слова.

– Теперь она в два счета будет греть мою постель, глупый Хок.

Хок вздрогнул. Кузнец был прав. Его жена возненавидит его за то, что он сделал.

– Какого черта ты делаешь возле кузницы посреди ночи, в таком случае? – отрезал Хок.

Адам весело усмехнулся.

– Я вечный веселый странник ночи. Кроме того, никогда не знаешь, какая великолепная возможности может представиться, чтобы подобрать что-нибудь.

Хок зарычал на кузнеца.

Он слышал, как позади него Эдриен пошатываясь поднялась на нетвердые ноги. Ее дыхание было затруднено от бега, а возможно также и от шока. Хок сурово изучал кузницу в непоколебимом молчании. Голос Эдриен дрожал от ярости.

– Запомни одну вещь, Лорд Дуглас, и это все, что тебе когда-либо нужно знать. Запомни, если ты однажды подумаешь, что я смогу изменить свое мнение. Я не передумаю. Я презираю тебя. Ты забрал у меня то, что ты не имел права брать. И не существует *ничего* , что ты сможешь сделать, чтобы заработать свое прощение. Я *ненавижу* тебя!

– Презирай меня, если ты должна, – тихо сказал он, все еще смотря на кузницу. – Но ты не сможешь теперь оставить меня. И это все, что имеет значение.

Часть 2 – ЛЬЮНАСАД [1]
(Середина лета)

Пламя, прядай, клокочи!
Зелье, прей! Котел, урчи!
«Макбет», В.Шекспир

Глава 19

Сумерки взобрались от океана по утесам с пурпурным нетерпением, которое окрасило на стены Далкита в тускло-красный цвет. Хок, сидя в своем кабинете, смотрел, как ночь просачивается через открытые двери на западном конце.

Она стояла на краю утеса, не двигаясь, ее бархатная накидка беспокойно развевалась на ветру. О чем она думает, когда вслепую смотрит на море?

Он знал, о чем *он* думал – о том, что даже ветер пытается раздеть ее. Он истязал себя воспоминаниями о страстных розовых вершинках, которые венчали ее груди под шелком ее платья. Ее тело было создано для этого времени, чтобы носить облегающие шелка и роскошный бархат. Чтобы быть прекрасной женой Лэрда. Подругой гордого воина.

Что, к дьяволу, он собирается делать? Не может все идти так, как сейчас. Он пытался провоцировать ее, надеясь, что она разозлит его так, что он потеряет голову и накажет ее своим телом. Но снова и снова, когда он настаивал, она отвечала ему холодной вежливостью, и никто не сможет, черт подери, ничего сделать с таким вежливым ответом. Он отвернулся от двери и закрыл глаза, чтобы стереть преследующие воспоминания об образе своей жены.

Недели прошли с того дня у кузницы – недели, богатые хрупкими днями и нежными рассветами, рубиновыми ночами и летними штормами. И в эти проходящие дни, в эти драгоценности шотландского лета, были тысячи видов, которые он хотел разделить с ней.

Проклятие! Он ударил кулаком по столу, заставляя трепетать бумаги и двигаться статуэтки. Она его жена. У нее нет пути назад, туда, откуда она пришла! Когда она собирается примириться с этим и возьмет от этого все, что можно? Он даст ей все, что она захочет. Все, кроме того, чтобы оставить его. Этого не будет никогда.

Его существование имело все предпосылки позолоченного, живого ада и он не мог

1 lughnassadh – кельтский праздник, середина лета, традиционно отмечающийся 1 августа.

найти выхода.

Так же быстро, как он пришел к нему, его гнев испарился.

«*Эдриен* », – безмолвно выговорили его губы. – *«Как мы зашли в этот тупик? Как я мог так все испортить* ?»

* * *

– Прогуляйся со мной, девушка, – тихо сказал он, и она повернулся на краю утеса, в захватывающем дух трепетании серебряного и кобальтово-голубого. Его цвета, цвета Дугласов. Неосознанно, казалось, но она часто носила их. Знала ли она, что она надевала одежду в ярких красках тартана Дугласов, и что никакое имя не обозначило бы ее с большей определенностью как его жену?

Он махнул рукой, отпуская охрану. Он должен украсть эти драгоценные моменты пребывания с ней наедине, перед тем как он уедет. После многих часов борьбы, он пришел к нескольким решениям. Прежде всего, он давно просрочил свою поездку в Устер, одно из его многих владений и причиняющее наибольшее беспокойство. Он не мог просто забросить свои имения из-за любовного идиотизма. Лэрд должен появляться время от времени и заниматься решением проблем крестьян.

Кроме того, здесь он не добился никакого прогресса. Если она выберет Адама в его отсутствие, то он сможет просто умереть внутри и снаружи притворяться, что он живет. Именно так он пережил свои первые тридцать с лишним лет. Каким же дураком он стал, если ожидал, что остальные годы будут другими?

– Лэрд Дуглас, – невыразительно сказала она.

В тишине они пошли по краю утеса, направляясь к лесу.

– Я уезжаю на некоторое время, – наконец сказал он, после того, как они вошли в лес.

Эдриен напряглась. Он говорит это серьезно?

– К-куда ты едешь? – И почему это так сильно беспокоит ее?

Он резко, глубоко вдохнул.

– Устер.

– Что в таком случае Устер?

– Одно из моих владений. Семнадцать поместий принадлежат Далкиту. Устер находится рядом с деревнями Дулут и Танаморисси, и они совсем неудержимы. Он представляли собой проблему, даже когда королевские войска занимали Далкит.

Когда королевские войска занимали Далкит.

Когда ее муж был королевской шлюхой.

За прошедшие недели жар гнева Эдриен охладел, оставив лишь острое сожаление. Хок большей частью избегал ее, за исключением редких случаев, когда он казалось пытался втянуть ее в борьбу по каким-то причинам. Она почти ожидала, что он запрет ее в его комнате, но после той ужасной ночи он осторожно удалился в свой кабинет возле моря.

Там он проводил каждую ночь – такой спокойный, такой красивый и такой одинокий.

– Хок? – осторожно начала она.

– Да?

– Что на самом деле делает королевская шлюха?

Хок застыл. Может ли это быть тем шансом, которого он ждал? Возможно, он может осмелиться надеяться, в конце концов. Его смех был полон горькой самоиронии.

– Ты на самом деле уверена, что ты желаешь это знать, прекрасная Эдриен?

* * *

Скрываясь за высоким дубом, Эсмеральда изучала светло-серебристую гриву Эдриен, серебристые глаза, сияющее лицо. Что Хок разглядел в этой тощей, бледной девчонке, чего он не мог найти в страстных объятиях Эсмеральды?

В первый раз за многие недели охрана покинула ее и эта сука разгуливала достаточно незащищенной для того, чтобы Эсмеральда могла ударить и убежать под прикрытием темного леса. Ее обожаемый Хок может страдать во время траура, но он найдет утешение и сладкую страсть в объятиях Эсмеральды как только утрясется земля на могиле его жены.

Она подняла стрелу дрожащей рукой. Нахмурившись, она воткнула край зубчатого наконечника в свою мясистую ладонь так, что кровь выступила на ее золотисто-коричневой коже. Она сделала гримасу от боли, но это успокоило ее нервы. В этот раз она *не* подведет себя. Эсмеральда тщательно выбирала оружие. Яд оказался слишком непредсказуемым – ее растянутый и перевязанный лук пошлет верно летящую стрелу, с силой, достаточной, чтобы вонзиться в плоть и кость на груди Эдриен.

Эсмеральда упала на колено и крепче натянула кожаный шнур. Она выровняла лук и взяла отсчет, когда Эдриен вышла на открытое место. Она почти заколебалась, когда увидела выражение на лице Хока, когда он смотрел на свою жену. Он любит Эдриен, так же как Эсмеральда будет любить его; с дикой, захватывающей, не признающей границ страстью. С осознанием этого, всякое сочувствие, которое Эсмеральда могла ощущать к Эдриен, испарилось. Она установила лук и прицелилась в грудь Эдриен. С тихим свистом стрела вылетела на свободу. Эсмеральда проглотила крик ужаса. В последнюю момент Хок повернулся, почти как если бы он увидел ее прячущейся в тени или почувствовал полет стрелы. Он переместился. Нет!

* * *

– Уф! – выдохнула Эдриен, когда Хок накрыл одной мощной рукой ее лицо и прижал ее к дереву.

Эдриен сражалась с его спиной, но он был неподвижен как гора. Неужели вот так он намеревается снова завоевать ее? После недель осторожной сдержанности, он привел ее в лес, чтобы изнасиловать?

– Уфф! – Он тихо, со свистом вдыхал воздух, и она сильнее толкнула его в спину. – Что ты делаешь, Хок? – требовательно спросила она, но он снова ничего не сказал.

Хок дрожал, борясь с болью, в то время как его глаза рассматривали деревья. Он чувствовал, что силы его убывали, он не мог поддаться слабости прямо сейчас. Только тогда, когда он найдет и остановит того, кто пытается убить его жену. Но кусты не шевелились. Противник, по какой-то причине, сбежал. Хок почувствовал, как волна облечения пробежала по его телу, когда кровь хлынула из его раны.

Когда он зашатался и рухнул к ногам Эдриен, она начала кричать не останавливаясь.

* * *

В тени Эсмеральда прижала кулак к своему рту. Она могла ощущать, как глаза Хока обыскивают то самое место, в котором она съежилась, но тень была слишком плотной, чтобы даже его глаза могли что-то разглядеть.

Он повернулся, и в профиль она могла видеть стрелу, все еще вибрировавшую от силы, с которой она летела, чуть выше его сердца. Она закрыла глаза и с трудом сглотнула. Она убила его! Стрела была с дьявольскими зазубринами и будет невозможно извлечь ее без того, чтобы не разорвать его грудную клетку. Она намеренно сделала так, что стрела причиняла даже больший вред при извлечении, чем тогда, когда она вонзалась в тело. Если она не убьет жертву при попадании в нее, стрела непременно сделает это при вытаскивании.

Эсмеральда легла на лесную землю и поползла через подлесок, до тех пор, пока не уверилась что она в безопасности. Затем она вскочила на ноги и побежала вслепую, забыв свой самострел на сырой лесной почве. Ветви хлестали ее по лицу. Крик зародился и застрял в ее горле. Эсмеральда проглотила горькое рыдание, перепрыгивая через упавшее бревно.

Рука высунулась с быстротой молнии и резко схватила ее. Адам притянул ее к себе,

крепко схватив ее за шею.

– Где ты была, красивая шлюшка? – Его глаза блестели неестественно ярко.

Она тяжело дышала ему в лицо.

Адам с негодованием посмотрел на нее и жестоко встряхнул ее.

– Я спросил, где ты была?

Когда она снова не ответила, Адам скользнул рукой по ее шее вверх, к ее горлу и сжал его.

– Твоя жизнь ничего не значит для меня, цыганка. – Его глаза были такими же ледяными, как и его голос.

Запинаясь, Эсмеральда рассказала ему все, умоляя Адама спасти мужчину, которого она любила, использовать свои сверхъестественные силы и вернуть ему жизнь.

Итак, она знала кто он такой. Он не был удивлен. Цыгане были достаточно сведущими в древних обычаях.

– Если ты знаешь, кто я, цыганская шлюшка, то ты знаешь, что меня не волнуют твои желания – или чьи-то еще, в этом отношении. И меня определенно не заботит твой прекрасный Хок. В действительности, Хок именно тот сукин сын, из-за которого я прибыл сюда, чтобы уничтожить его.

Эсмеральда побледнела.

– Идем, – скомандовал он. И она знала, что он не имел в виду то, что было раньше. Уже нет.

Глава 20

– Что ты имеешь в виду, говоря, что он не хочет меня видеть? Я хочу увидеть его, так что пусти меня внутрь, – спорила Эдриен. – Если, конечно, он отдал тебе приказ, что он в особенности не хочет, чтобы *я* входила в его комнату, – спокойно добавила она. Хок никогда не сделал бы этого.

Гримм не сдвинулся с места.

– Он не мог! Ты не можешь быть серьезным! О-он… – она затихла в неопределенности. Хок не отказал бы. Ну, он пока не отказывал, но…

Упрямый Гримм, с мрачным взглядом, заслонял собой дверь.

Эдриен пристально посмотрела на него.

– Ты говоришь мне, что мне запрещено входить в комнату моего мужа?

– У меня есть приказ, миледи.

– Я его *жена* !

– Хорошо, может быть, если бы, черт возьми, вы прежде вели себя как его жена, он не лежал бы здесь! – Глаза Гримма сверкали от злости на его чеканном лице.

– О! – Эдриен отступила, пораженная его яростью.

– Я причинил своему другу серьезный вред. Я загадал ужасное желание, которое я от всего сердца забрал бы назад, если бы только мог. Но я не могу.

– Так это *ты* загадал это желание! – воскликнула Эдриен.

Не дрогнув, Гримм продолжил.

– И если бы я знал, какое ужасное желание я загадал, какими далеко идущими и болезненными будут последствия, я скорее лишил бы себя жизни. Я вовсе не капитан охраны. – Он сплюнул в отвращении на мощеный пол. – Я вовсе не благородный друг. Я – самый дрянной помет самого омерзительного животного. Я загадал *ваше* появление для своего лучшего друга, пусть боги простят меня! И теперь он лежит раненый стрелой, которая предназначалась вам!

Глаза Эдриен расширились на ее бледном лице.

– Я не настолько плоха, – прошептала она.

– Вы, миледи, железная дева, у которой нет сердца. Вы не принесли ему ничего, кроме боли, с тех пор, как появились. За все мои годы с Хоком, я никогда не видел такого

страдания в его глазах и я не допущу этого даже еще на один день. Он забрался бы даже на небо и снял бы оттуда звезды, одну за другой, чтобы украсить ваш сверкающий лоб, и я говорил ему, что *вы* не достойны этого. Вы посмеялись над его романтическими чувствами, уклоняетесь от его свободно предлагаемой любви, вы презираете его самого. Не говорите мне, что вы не так плохи, Эдриен де Симон. *Вы* – самое худшее, что когда-либо случалось с этим человеком.

Эдриен закусила губу. У Гримма такой необъективный взгляд на вещи! Что же насчет тех несправедливостей, которые совершил Хок по отношению к ней? Он не виновата в этом!

– Он сжег мою королеву! Он украл мою свободу, и поймал меня здесь в ловушку.

– Потому что он заботится о вас и отказывается терять вас! Неужели это так ужасно? Он спас вам жизнь, закрыв вас своим телом. Он встал перед вами подобно самому надежному щиту и принял на себя стелу, предназначенную для вас. Я скажу, лучше бы он позволил ей попасть в вашу грудь. Это прекратило бы его страдания, и он не истекал бы кровью не внутри и не снаружи.

– Я не просила его спасать меня! – возразила она.

– В том-то и дело. Вам не *нужно* было просить его. Он отдал это сам. Так же, как он отдал бы вам все. Но вы осуждаете его, хотя вы *ничего* не знаете о могучем Хоке! Скажите мне, если бы вы увидели стрелу, летящую в него, вы бы пожертвовали своей жизнью ради него? Я вижу по вашим глазам, что нет. Я сожалею, что я загадал ваше появление, и на каждую звезду, каждой ночью в моей бесполезной жизни, я буду загадывать желание, чтобы исправить все зло, которое я сделал. Теперь уходите прочь с моих глаз. Хок не увидит вас сейчас. И возможно, никогда. И это пойдет ему на пользу. Возможно, время, проведенное вдали от вас, излечит его сразу от нескольких недугов.

Эдриен гордо подняла голову и встретила его горящий взгляд. Она отказывалась показывать боль, которая окружила ее сердце.

– Скажи ему, что я благодарна ему за защиту. Скажи ему, что я вернусь завтра и на следующий день, и на следующий, пока он не захочет видеть меня и не позволит мне поблагодарить его самой.

– Я не стану такого ему говорить, – категорично сказал Гримм. – Вы не годитесь для него, и я не буду обманывать его в ваших играх.

– Тогда скажи ему, по крайней мере, что я сожалею, – тихо сказала она. И она именно это имела в виду.

– У вас недостаточно человеческого сострадания чтобы ощущать сожаление, девушка. Ледяное сердце в огненном теле. Вы – худшая из всех женщин. Вы не приносите мужчине ничего, кроме маленького глотка сладости, за которым следует бочонок, полный горького осадка.

Эдриен ничего не сказала, перед тем как исчезла в темном коридоре.

* * *

– Где она? С ней все в порядке? Кто охраняет ее? – Хок беспокойно метался на кровати, отпихивая прочь покрывало.

– С ней все в порядке, Хок. Два охранника находятся у дверей в Павлинью комнату. Она спит. – Гримм беспокойно придвинул бутылку виски, которую целитель оставил на столе, затем налил щедрую порцию в свой стакан. Он резко переместился, чтобы встать у камина.

Хок с любопытством посмотрел на Гримма. Его верный друг казался необычно напряженным – вероятно, он винил себя за то, что его не было там, чтобы предотвратить нападение, решил Хок. Он внимательно изучил свою перевязанную руку.

– Он не спрашивала обо мне, Гримм?

Тишина длилась до тех пор, пока Хок неохотно не перевел свой взгляд со своей руки на суровый профиль Гримма. Когда Гримм наконец поднял взгляд от языков пламени, Хок

вздрогнул от печали, которую он увидел на лице своего лучшего друга.

– Она даже не спросила, будет ли со мной все в порядке? Куда попала стрела? Хоть что-нибудь? – Хок пытался говорить спокойно, но его голос резко прервался.

– Мне жаль. – Гримм осушил свой стакан и ткнул горячие красные угли носком своего ботинка.

– Черт побери, эта девушка сделана изо льда!

– Отдыхай, Хок, – сказал Гримм в огонь. – Ты потерял много крови. Ты подошел очень близко к тому, чтобы умереть этой ночью. Если бы ты не поднял руку, защищая себя, стрела вонзилась бы тебе в сердце, а не просто пронзила тебе руку, пришпилив ее к груди.

Хок пожал плечами.

– Маленькая царапина на моей груди…

– Дьявол, дыра размером со сливу была проделана на ладони твоей руки! Старому целителю пришлось протащить стрелу *через* твою руку, чтобы вынуть ее. И ты сам слышал его. Если бы стрела попала тебе в грудь, куда и должна была, если бы тебе странным образом не повезло, он не смог бы ничего сделать, чтобы спасти тебя, настолько ужасно зазубренной она была. Ты будешь носить шрамы и боль в этой руке до конца жизни.

Хок мрачно вздохнул. Еще шрамы и еще боль. И что же? Она даже не потрудилась посмотреть, жив ли он. Она могла бы по крайней мере притвориться заинтересованной. Нанести короткий визит, чтобы поддержать иллюзию вежливости. Но нет. Она вероятно надеялась, что он умирает, и что убрав его с дороги она будет очень богатой женщиной. Лежала ли она уже сейчас в Павлиньей комнате, подсчитывая свое золото и блага?

– Даже ни одного вопроса, Гримм? – Хок изучал шелковистые волоски вокруг повязки, которые покрывали почти всю его руку.

– Ни единого.

Хок не стал спрашивать снова.

– Гримм, пакуй мою сумку. Отошли половину охраны и достаточно слуг, чтобы приготовить господский дом в Устере. Я уезжаю на рассвете. И хватит тыкать в этот проклятый огонь – в этой комнате и так уже чертовски жарко.

Гримм с грохотом прислонил кочергу к каменному очагу. Он чопорно отвернулся от огня и посмотрел в лицо Хоку.

– Ты едешь один?

– Я только что велел тебе собрать половину стражи.

– Я имею в виду, что насчет твоей жены?

Взгляд Хока снова упал на его руку. Он несколько мгновений изучал ее, затем взглянул вверх на Гримма и спокойно сказал:

– Я еду один. Если она даже не смогла побеспокоиться и убедиться в том, жив я или мертв, возможно, настало время прекратить попытки. По крайней мере, некоторое расстояние может помочь мне оценить мои перспективы.

Гримм сухо кивнул.

– Ты уверен, что ты сможешь путешествовать с такой раной?

– Ты знаешь, что я быстро восстанавливаюсь. Я остановлюсь в цыганском таборе и возьму немного ромашки и припарки из окопника, которые они используют…

– Но ты едешь верхом?

– Со мной будет все в порядке, Гримм. Ты не виноват. – Хок заметил горькую улыбку на лице Гримма. Его немного утешило осознание того, что его друг так верен ему, когда его собственная жена не смогла побеспокоиться и позаботиться о том, мертв он или жив.

– Ты настоящий друг, Гримм, – тихо сказал Хок. Он не был удивлен, когда Гримм поспешил покинуть комнату. За все те годы, что он знал его, похвалы всегда заставляли его чувствовать себя неудобно.

* * *

В массивной кровати Павлиньей комнаты беспокойно металась Эдриен, раздраженно бодрствующая. В этот момент она была совершенно уверена, что она никогда больше не уснет. Ее разум никогда не отвлечется от горькой, ледяной ясности, которая бушевала в ее мозге, перекрашивая каждое ее действие со дня прибытия в Далкит в совершенно другие цвета.

* * *

Хок и Гримм выехали верхом, как только рассвет забрезжил над богатыми полями Далкита. Удовлетворение волной поднялось внутри Хока, когда он осматривал свое поместье. Теперь, когда его годы королевской службы в конце концов закончились, он мог наконец-то увидеть нужды своих людей и стать Лэрдом, которым он был рожден. Теперь он хотел всего лишь одного – чтобы Эдриен по-настоящему стала ему женой в каждом смысле этого слова, чтобы помогла ему управлять Далкитом рядом с ним. Более всего он хотел увидеть их сыновей и дочерей, идущих по этой земле.

Хок проклял себя за то, что он такой безнадежный романтический дурак.

– Урожай на этот Самайн будет богатым, – заметил Гримм.

– Да, так и будет, Гримм. Адам. – Хок коротко кивнул кузнецу, который приближался, золотые поля раздвигались вокруг его темной фигуры.

– Ты выходишь из игры? Ты признаешь себя побежденным, ужасный Хок? – Адам с насмешкой посмотрел вверх.

– Не буди дьявола, кузнец, – коротко предостерег Гримм.

Адам рассмеялся.

– Сбейте с толку дьявола, и дьявол будет проклят. Я не боюсь дьявола, и не склоняюсь перед людьми. Кроме того, тебя это не касается, или по крайней мере, только слегка, – и определенно не в такой степени, в какой ты, оказывается, полагаешь. Ты безмерно переоценил себя, неотесанный Гримм. – Адам, улыбаясь, встретил взгляд Хока. – Не бойся, я позабочусь о ней в твое отсутствие.

– Я не позволю ему находиться рядом с ней, Хок. – поспешил успокоить его Гримм.

– Да, ты позволишь, Гримм, – спокойно сказал Хок. – Если она *спросит* про него, ты позволишь ему приблизиться к ней. Но ни при каких других обстоятельствах.

Адам самодовольно кивнул.

– И она спросит. Снова и снова своим хриплым, сладким голосом, который бывает у нее по утрам. И Гримм, ты можешь сказать ей, что у меня есть кофе от цыган для нее.

– Ты не скажешь ей этого! – отрезал Хок.

– Ты пытаешься ограничить мое общение с ней?

– Я не соглашался обеспечивать тебя посыльным! Но все же – что будет, то наверняка будет. Моя охрана присмотрит за ней, но я спрошу с тебя, если ей будет причинен вред.

– Ты отдаешь ее под мою защиту?

– Нет, но я призову тебя к ответу, если ей будет причинено зло.

– Я бы никогда не позволил причинить зло женщине, которая принадлежит мне – а она теперь принадлежит мне, глупый Хок.

– Только настолько, насколько она хочет принадлежать тебе, – тихо сказал Хок. *И если она захочет, я убью вас обоих своими голыми руками и стану более спокойным по ночам, но мертвым внутри* .

– Ты либо невозможно самоуверен, или невероятно глуп, ужасный Хок, – сказал с презрением кузнец. – Ты вернешься, чтобы найти безупречную Эдриен в моих руках. Она и так проводит большую часть дня со мной в твоих садах – а скоро она будет проводить это время в моей постели, – насмешливо сказал Адам.

Хок сжал челюсти, его тело напряглось от ярости.

– Она не спрашивала про тебя, Хок, – невыразительно напомнил Гримм, переминаясь с ноги на ногу.

– Она не спрашивала про него, капитан охраны? – весело спросил Адам. – Честный капитан, правдивый капитан?

Гримм вздрогнул, когда темный взгляд Адама остановился на нем.

– Да, – с трудом сказал он.

– Какую запутанную сеть мы плетем… – медленно протянул Адам, намек на улыбку появился на его блестящем лице.

– Что происходит между вами двумя? – спросил Хок.

– Этот кузнец – странный человек, – пробормотал Гримм.

– Я сказал бы тебе «Бог в помощь», но я полагаю, что Бог не допускает тесного общения, если вообще какого-то, с такими людьми как мы. Так что я попрощаюсь с тобой по-воински. И не бойся, я буду охранять прекрасную Эдриен, – пообещал кузнец, потрепав жеребца Хока по крестцу.

В глазах Хока промелькнула тень, когда он тронулся с места.

– Следи за ней, Гримм. Если будут еще попытки покушения на ее жизнь, пошли мне сообщение в Устер, – произнес он через плечо, уезжая прочь. Его охрана сможет сохранить ей жизнь, в этом он был уверен. Но теперь не будет ничего, что удержало бы ее от Адама.

В то время как Гримм смотрел на своего уезжающего друга, Адам изучал мужественного воина.

– Она не спрашивала про него? – тихо поддразнил он.

– Кто ты на самом деле, черт тебя побери? – зарычал Гримм.

Глава 21

– Попробуй налить еще немного кипящей воды, – предложила Лидия, и Тэвис повиновался.

Они оба посмотрели в кастрюлю. Лидия вздохнула.

– Ну, черт побери, и дьявол все это возьми!

– Миледи! Такие слова не для женщины вашего положения, скажу я вам, – упрекнул ее Тэвис.

– Определенно, оно не ведет себя так, как чай, не так ли, Тэвис?

– Нет, совсем нет, скажу вам, но все же это вовсе не причина, чтобы вы вели себя таким неподобающим для леди образом при этом.

Лидия фыркнула.

– Только ты, дорогой Тэвис, осмеливаешься критиковать мои манеры.

– Это потому, что обычно вы само совершенство, так что это совсем немного беспокоит меня, лишь когда вы взрываетесь.

– Хорошо, помешай это, Тэвис! Только не позволяй ему застояться.

Тэвис бросил на нее рассерженный взгляд, когда начал быстро мешать смесь.

– Эти талантливые руки были созданы для выделки самой лучшей кожи в Шотландии, а не для того, чтобы размешивать напиток для леди, скажу вам, – проворчал он.

Лидия улыбнулась его словам. Как он говорит о своих талантливых руках! Кто-то может подумать, что они сделаны из самого чистого золота, а не из плоти, костей и нескольких мозолей. Она на мгновение задумчиво посмотрела на него, пока он размешивал варево. Всегда преданный Тэвис рядом с ней. Ее утра и дни не были бы такими наполненными без него. Ее вечера, правда, она проводила свои вечера одна в течение стольких лет, что она едва ли замечала теперь это одиночество – или ей нравилось верить в это.

– Почему ты не женишься? – спросила она Тэвиса двадцать лет назад, когда он все еще был молодым человеком. Но он только улыбнулся, глядя вверх на нее, так как стоял на коленях рядом с чанами, где он замочил замшу, чтобы придать ей мягкость масла.

– У меня есть все, что мне нужно здесь, Лидия. – Он широко раскинул руки, как будто хотел заключить в объятия весь Далкит. – Почему ты хотела бы загнать меня в брак?

– Но разве ты не хочешь детей, Тэвис Мактарвит? – предположила она. – Сыновей, чтобы перенять твое кожевенное дело? Дочерей, чтобы лелеять их?

Он пожал плечами.

– Хок как сын для меня. Я не желал бы себе более отличного, прекрасного парня, скажу вам. И теперь у нас есть еще два малыша, бегающих вокруг, и вот… вы опять без мужа, Леди Лидия, – он постепенно замолчал, его сильные руки терли и сжимали кожу в соленом растворе.

– А вот какое отношение имеет к *тебе* то, что я осталась без мужа?

Тэвис поднял вверх голову и улыбнулся ей терпеливой и нежной улыбкой, которая иногда всплывала и задерживалась в е памяти, перед тем как она отходила ночью ко сну.

– Только то, что я всегда буду здесь для вас, Лидия. Вы всегда можете рассчитывать на кожевенника Тэвиса, и я повторю это еще тысячу раз. – Его глаза были спокойными и полны чем-то, что она не смогла распознать. Она уже потеряла двух мужей на двух войнах и милосердные святые знали, что всегда будет еще одна война.

Но Тэвис Мактарвит всегда возвращался. Покрытый шрамами и кровью, он всегда возвращался.

Возвращался, чтобы стоять рядом с ней в кухне, пока она высушивала свои травы и специи. Возвращался, чтобы то и дело помочь ей, когда она копалась в своей плодородной черной почве и высаживала розы.

Были времена, когда они оба стояли на коленях в грязи, их головы были так близко, что она ощущала трепет в своем животе. И были времена, когда она сидела у камина в кухне и просила его помочь ей расчесать свои длинные темные волосы. Он сначала вынимал шпильки, затем расправлял ее косы, одну прядь за другой.

– Ничего не происходит, Лидия, – голос Тэвиса разрушил ее задумчивую мечтательность и заставил вернуться обратно в настоящее.

Она резко одернула себя, возвращая мысли назад к ближайшей задаче. Кофе. Она хотела приготовить кофе для своей невестки.

– Может быть, они похожи на черные бобы или на сушеный горох, и их надо замачивать на ночь, – заволновалась она, потирая сзади шею. Все шло наперекосяк этим утром.

Лидия проснулась рано, думая о прекрасной девушке, которая так ослепила ее сына. Подумала о том, как ситуация должна выглядеть с *ее* точки зрения. Одно бедствие за другим обрушивалось с момента ее появления.

Вот почему она пошла в кладовую, чтобы добыть целый запас блестящих черных кофейных зерен, которых так жаждала ее невестка. Самое малое, что она может сделать, это найти чашку кофе для Эдриен этим утром, перед тем как она скажет ей, что Хок уехал в Устер на рассвете. Или еще хуже, новость, которую Тэвис разузнал всего лишь час назад: что Эсмеральда пыталась убить Эдриен, но теперь сама была мертва.

Так что это все свелось к тому, что она смотрела в кастрюлю, полную блестящих черных кофейных зерен, которые почти ничего не делали в кипящей воде.

– Может быть, мы должны размолоть зерна, Лидия, – сказал Тэвис, наклоняясь ближе. Так близко, что его губы были всего лишь в дюймах от ее губ, когда он сказал: – Что ты думаешь?

Лидия просияла.

– Тэвис, я думаю, что только ты мог догадаться. Возьми эту ступку и пестик, и давай сделаем это. Этим утром я действительно собираюсь сделать так, чтобы она начала свой день с кофе. – *Оно ей понадобится* .

* * *

– Это вышло из-под контроля, шут. Смертный умер, – отрезал Король Финнбеара.

– От руки своего народа. Не от моей, – пояснил Адам.

– Но если бы тебя не было там, этого бы не случилось. Ты рискованно близок к тому, чтобы разрушить все. Если Договор будет когда-либо нарушен, то это будет выбор моей Королевы, а не твой идиотский поступок.

– Вы тоже помогали составлять этот план, мой повелитель, – напомнил Адам. – Кроме того, я не навредил ни одному смертному. Я всего лишь намекнул цыганам, что я рассержен. Это они приняли меры.

– Ты умничаешь весьма аккуратно, но ты слишком близок к тому, чтобы разрушить мир, который мы сохраняли на протяжении двух тысячелетий. Это не было частью игры. Эта женщина должна отправиться обратно в свое время, – взмахнул рукой Король Финнбеара, перемещая ее.

* * *

Эдриен прогуливалась по саду, думая о преимуществах шестнадцатого века и о безмятежном счастье неиспорченной природы, когда это случилось. Она пережила ужасное ощущение падения, как если бы образовалась громадная воронка, и безжалостный водоворот утащил ее вниз. Когда она осознала, что ей знакомо это чувство, Эдриен открыла рот, чтобы закричать, но не смогла издать не звука. Она чувствовала себя точно так же как раз перед тем, как очутиться на коленях Комина; как если бы ее тело вытянулось в тонкую струну и рванулось на невозможной скорости через зияющую темноту.

Мучительное давление нарастало в ее голове, она обхватила ее обеими руками и пылко взмолилась: «*О, Боже, только не снова, пожалуйста, не снова* !»

Ощущение натяжения усилилось, пульсация в ее висках приводила к все возрастающей боли, и когда она уже заподозрила, что ее сейчас разорвет пополам, все прекратилось.

На мгновение она не смогла сконцентрировать свое зрение; смутные очертания мебели дрожали и колебались в серых тенях. Затем мир стал четким, и она задохнулась. Эдриен в шоке смотрела на колышущиеся занавески в своей собственной спальне.

Она потрясла головой, чтобы прояснить ее и застонала от волны боли, которую вызвало это маленькое движение.

– Спальня? – глухо пробормотала она. Эдриен в полном замешательстве посмотрела вокруг. Здесь была Лунная тень, которая изящно сидела на загроможденной кровати в обычной позе, маленькие лапки скромно сложены на деревянной спинке в ногах кровати, и которая смотрела на нее с таким же изумленным выражением на кошачьей мордочке. Ее золотисто-зеленые глаза округлились от удивления.

– Принцесса!

Эдриен добралась домой.

* * *

Адам быстро сделал восстанавливающий жест своей рукой и посмотрел на своего короля.

– Она останется.

Король Финнбеара так же быстро щелкнул пальцами.

– А я сказал, она возвращается!

* * *

Эдриен мигнула и сильно потрясла головой. Она опять в садах Далкита? Нет, она снова в своей спальне.

В этот раз, твердо решив взять в руки Луни, Эдриен прыгнула за ней, перепугав и без того озадаченную кошку. Спина Луни выгнулась как подкова, ее маленькие усы с негодованием ощетинились, и она спрыгнула с кровати и сбежала из комнаты на своих

маленьких быстрых лапках.

Эдриен быстро последовала за ней. Если по какой-то причуде судьбы ей был дан второй шанс, она хотела всего одну вещь. Перенести Лунную тень назад в шестнадцатое столетие вместе с ней.

* * *

Адам также щелкнул пальцами.

– Не стоит менять свое мнение посередине дела. Вы согласились на это, мой Король. Это была не только *моя* идея.

* * *

Эдриен застонала. Она опять была в садах.

Это случилось еще три раза в быстрой последовательности, и каждый раз она безуспешно пыталась поймать Луни. Часть ее разума протестовала, заявляла, что этого просто не может быть, но другая часть признавала, что это если это есть, то ей, черт побери, лучше бы поймать свою драгоценную кошку.

В последний раз, она почти загнала сбитого с толку маленького котенка в угол кухни, когда Мария, ее бывшая домохозяйка, выбрала именно этот чтобы войти в комнату.

– Э-э-эта вы, ми-ис де Симон? – выдохнула Мария, сжимая дверной косяк.

Вздрогнув, Эдриен повернулась на ее голос.

Женщины в изумлении смотрели друг на друга. Тысяча вопросов и забот пронеслись в голове у Эдриен; сколько времени прошло? Жила ли ее экономка Мария сейчас в доме? Она взяла Луни под свою опеку? Но она не спросила, потому что не знала, сколько времени у нее осталось.

Почувствовав отсрочку, Лунная тень стрелой понеслась к двери. Эдриен рванулась за ней и внезапно обнаружила себя снова в саду, дрожа с головы до ног. Эдриен громко застонала.

Она почти схватила ее! *Только один раз* , прошептала она. *Пошлите меня назад еще один раз* .

Ничего не произошло.

Эдриен упала на каменную скамью, чтобы дать отдохнуть своим дрожащим ногам и сделать несколько глубоких вдохов.

Из всех ужасных вещей ей пришлось пережить первую уже утром. Это было хуже, чем когда целый день все валится из рук. Это было новым оскорблением в день без кофе.

Она сидела без движения и снова в надежде ждала.

Ничего. Она все еще в садах.

Она вздрогнула. Это было ужасно, то, что ее перебрасывало подобным образом, но по крайней мере теперь она знала, что с Луни все в порядке и что Мария очевидно не ждала слишком долго, перед тем как переехать в большой дом из своей комнаты над гаражом. И хотя голова Эдриен все еще болела от перемещений назад и вперед, ее утешало знание того, что ее Луни не стала маленьким скелетом, бродящим по пустому дому.

* * *

– Я твой Король. Ты подчинишься мне, шут.

– Я нашел женщину, следовательно, можно сказать, что я начал эту игру, мой повелитель. Позволь мне закончить ее.

Король Финнбеара заколебался, и Адам сыграл на его нерешительности.

– Мой Король, она снова и снова отвергает мужчину, который доставлял удовольствие нашей Королеве. Она унижает его.

Король обдумывал это в течение минуты. *Он забирает душу у женщины* , мечтательно сказала его Эобил. Он никогда не видел такого выражения на лице Эобил за все века, проведенные вместе, кроме тех случаев, когда он сам доводил ее до этого.

Ярость вскипела в венах у Короля. Он не хотел выходить из игры не более, чем этого хотел Адам – он наблюдал и смаковал каждый момент страданий Хока.

Финнбеара внимательно изучил шута.

– Ты клянешься уважать Договор?

– Конечно, мой повелитель, – легко солгал Адам.

«*Смертный доставлял удовольствие моей Королеве* », – подумал Король.

– Она остается, – решительно сказал он и исчез.

Глава 22

– Добро пожаловать, милорд. – Приветствие Рушки звучало достаточно любезным, но Хок почувствовал странное отсутствие тепла в нем. Черные круги отметили оливковую кожу под усталыми глазами старика, и они покраснели, или от сидения слишком близко к дымному костру, или от рыданий. И Хок знал, что Рушка не плакал.

Хок стоял молча, пока мужчина приглаживал мозолистой рукой свои черные волосы. Они были обильно пронизаны серыми и белыми полосами, его морщинистое лицо было привлекательным, но не менее отмеченным временем. Рассеянно, мужчина начал заплетать в косичку свои длинные волосы, уставившись в затухающие угли, в то время как утро полностью наступило в долине.

Гора Брахир возвышалась над этой долиной, ее контур был туманно-голубым и пурпурным на фоне бледного неба. Хок опустился на сиденье поверх одного из больших камней возле кругового костра и сидел в молчании, это была именно та черта его характера, которая расположила к нему это племя цыган.

Появилась женщина и поставила две дымящихся чашки, перед тем как оставить двух мужчин сидеть в компанейской тишине.

Старый цыган задумчиво отпил своего напитка, и только когда он закончил пить его, он снова взглянул на Хока.

– Вы не любите наш кофе? – спросил он, заметив, что Хок не прикоснулся к своему напитку.

Хок мигнул.

– Кофе? – Он посмотрел в чашку. Жидкость была густой, четной и дымящейся. Запах был горький, но привлекательный. Он сделал глоток. – Это вкусно, – в задумчивости заявил он. С добавлением корицы, и покрытый взбитыми сливками, этот напиток будет восхитительным. Не удивительно, что он ей нравится.

– Это девушка, не так ли? – Слабая улыбка появилась на лице старика.

– Ты всегда видишь меня прямо таки насквозь, Рушка, мой друг.

– Я слышал, что ты женился.

Хок пронизывающе посмотрел на своего старого друга.

– Почему вы не пришли, Рушка? Когда она заболела, я послал за вами.

– Нам сказали, что это был каллаброн. У нас нет лечения от такого яда, – сказал старик. Рушка переместил свой взгляд в сторону от настойчивого взгляда Хока.

– Я думал, что вы придете, даже если только для того, чтобы сказать мне это, Рушка.

Старик свободно взмахнул рукой.

– Это была бы впустую потраченная поездка. Кроме того, я был уверен, что у вас были более важные вещи, которым нужно было противостоять. После всего, она вылечилась, и все хорошо, что хорошо кончается, так?

Хок моргнул. Он никогда не видел, что его друг вел себя так странно. Обычно Рушка был учтивым и дружелюбным. Но сегодня тяжесть в воздухе была настолько ощутима, что даже дыхание, казалось, давалось с трудом.

И Рушка почти не говорил. Это само по себе было странным.

Хок потягивал кофе, его глаза задержались на процессии людей в дальнем конце долины. Если он хочет получить ответы, он просто должен задавать тут и там свои вопросы.

– Почему вы переместились сюда, Рушка? Вы разбивали лагерь на моем северном поле рядом с рябинами в течение многих лет.

Взгляд Рушки проследил за взглядом Хока и горечь наполнила его карие глаза.

– Ты пришел к Зельди? – внезапно спросил Рушка.

«*Я не могу обручиться с Зельди* », – сказал Хок этому человеку десять лет назад, когда он был обязан служить своему королю. Цыгане желали породниться и предложили свою самую красивую молодую женщину. Он объяснил, что это просто невозможно для него, жениться вот так, и в то время как Рушка понял это, то Эсмеральда не смогла. Зельди, как она называли ее, была в таком бешенстве от его отказа, что она быстро начала спать с одним мужчиной за другим, шокировав даже собственный либеральный народ. Цыгане не ценили девственность – жизнь слишком коротка для любого вида воздержания, что было одной из причин, по которой эти люди так интриговали его, когда он был молод. Ему было десять лет, когда он тайно увидел смуглую девочку-цыганку с бутонами грудей и розовыми сосками, которая занималась любовью с мужчиной. Два лета спустя она пришла к нему, сказав что настала его очередь. Ах, каким вещам он научился от этих людей.

– Мои пути с Эсмеральдой разошлись.

Стрик кивнул.

– Она сказала то же самое. – Рушка плюнул в пыль у его ног. – Затем она связалась с *ним* .

– С кем? – спросил Хок, зная, какой он получит ответ.

– Мы не называем его по имени. Он занят на вашей земле тем, что обрабатывает металл.

– Кто он? – настаивал Хок.

– Ты знаешь мужчину, которого я имею в виду.

– Да, но кто он на самом деле?

Рушка потер свой лоб утомленной рукой.

Да, с удивлением осознал Хок, Рушка определенно плакал.

– Есть ситуации, в которых даже цыгане не станут участвовать, не важно, сколько золота пообещать им за их услуги. Эсмеральда не всегда была мудрой. Мой народ приносит извинения, милорд, – тихо сказал Рушка.

Неужели весь мир сошел с ума? Удивлялся Хок, пока осушал до конца свой кофе. То, что сказал Рушка, совершенно не имело смысла. Внезапно его старый друг поднялся и обернулся, чтобы видеть поток цыган, движущийся вниз по долине.

– Что происходит, Рушка? – спросил Хок, рассматривая странную процессию. Это было похоже на какой-то цыганский ритуал, но если это было так, то Хок никогда не видел такого.

– Эсмеральда умерла. Она уходит в море.

Хок вскочил на ноги.

– Море! Это смерть для *брудскар* [1]. Для тех, кто предал свой народ!

– Так она и поступила.

– Но она была твоей дочерью, Рушка. Почему?

Плечи старика поникли, и Хок мог видеть боль в каждой линии его тела.

– Она три раза пыталась убить вашу леди, – наконец сказал он.

Хок был ошеломлен.

– Эсмеральда?

– Трижды. Стрелой и арбалетом. Рана, которую вы носите на руке, это наша заслуга. Если вы запретите нам появляться на ваших землях, мы никогда больше не омрачим ваших полей. Мы предали ваше гостеприимство и высмеяли вашу добрую волю.

---

1 bruhdskar в оригинале.

Эсмеральда. Это вполне в ее духе. Но все же он не мог заставить уравновешенного, сострадательного и мудрого Рушку нести ответственность за ее действия. Нет, ни его, ни любого их цыган.

– Я никогда не буду стремиться запрещать вам появляться на моих землях; вы всегда можете свободно приезжать в Далкит-на-море. Ее позор – не ваш, Рушка.

– Ах, но это так. Она думала, что если твоя новобрачная умрет, ты будешь свободен, чтобы жениться на ней. Она была странная, хотя она была моей дочерью. Были случаи, когда даже я удивлялся темным вещам, которые были у нее на сердце. Но он привел ее к нам прошлой ночью, и при луне она призналась. У нас не было выбора, кроме как поступить с честью, которую мы должны отдать всем… вовлеченным сторонам.

И теперь процессия двигалась к морю, и каждый мужчина, женщина и ребенок несли белые рябиновые кресты, вырезанные и перевязанные и украшенные блестящими голубыми рунами.

– Что это за вид крестов, Рушка? – спросил Хок. За все свое время, проведенное с этими людьми, он никогда раньше не видел таких.

Рушка застыл.

– Один из наших ритуалов при такой смерти.

– Рушка…

– Я беспокоюсь о вас, как о родном, Хок. – отрывисто сказал Рушка.

Хок стоял в ошеломленном молчании. Рушка редко говорил о своих чувствах.

– Многие годы вы открывал свои двери для моего народа. Вы делали это со щедростью, принимали нас с достоинством и не выказывали осуждения, даже при том, что наши обычаи отличны от ваших. Вы праздновали с нами и позволяли нам быть теми, кто мы есть. – Рушка сделал паузу и слабо улыбнулся. – Вы – редкий человек, Хок. По этой причине я должен сказать все это, и рискнуть проклятием для моего народа. Остерегайтесь. Завеса тонка и время и место слишком близки здесь. Остерегайтесь, потому что кажется, что вы каким-то образом окажитесь посредине всего этого. Оберегайте с большой заботой тех, кого вы любите, и что бы вы не делали, не оставляйте их одних надолго. Безопаснее действовать сообща, когда это нависло над нами…

– Когда что нависло над нами, Рушка? Будь определеннее! Как я могу сражаться с чем-то, чего я не понимаю?

– Я не могу сказать больше, мой друг. Только это: до праздника Благословенных Усопших, находитесь ближе, как можно ближе к тем, кого вы любите. И далеко, как можно дальше от тех, кому вы не доверяете.

– Нет. – Рушка поднял руку, чтобы остановить Хока, как только он открыл рот, чтобы потребовать более полного ответа. – Если вы беспокоитесь о моем народе, вы не навестите нас больше до того, как мы не будем праздновать священный Самайн. Ох, – добавил Рушка, почти машинально, – старая женщина просила сказать вам, что черная королева – не то, чем она казалась. Это имеет какое-то значение для вас?

Единственная черная королева, о которой он вспомнил, была теперь рассыпанной золой в кузнице. Хок покачал головой. Старая женщина была их предсказателем, и ее ясновидение вселяло страх в Хока, когда он был молод.

– Нет. Она сказал что-нибудь еще?

– Только то, что тебе понадобится это. – Рушка протянул ему пакет, перевязанный кожаным шнурком. – Припарки из ромашки, за которыми вы пришли. – Он снова повернулся к процессии. – Я должен идти. Я должен возглавить шествие к морю. Остерегайся, и охраняй ее хорошо, друг. Я надеюсь увидеть тебя и тех, кого ты любишь на празднование Самайна.

Хок молча смотрел, как Рушка присоединился к похоронному шествию своей дочери.

Когда один из цыган предает законы, по которым они живут, он или она наказываются своим собственным племенем. Это тесно сплоченное сообщество. Они могут быть дикими, и либерально мыслящими в отношении многих в отношении многих вещей. Но существовали законы, по которым они жили, и над этими законами никогда не насмехались.

Эсмеральда проигнорировала один из самых важных законов – тем, кто дает приют цыганам, нельзя причинять вред ни в каком виде. Пытаясь убить жену Хока, она сделала попытку причинить вред самому Лэрду Далкита. Но тут было что-то еще, Хок мог это ощущать. Что-то, что Рушка не сказал ему. Что-то другое, что сделала Эсмеральда, что внесло раздор в ее народ.

Пока Хок смотрел на процессию, извивающуюся по направлению к морю, он прошептал цыганское благословление для дочери своего друга.

Расслабленно присев возле огня, Хок развязал повязку и очистил свою раненую руку водой и виски. Осторожно развязал кожаный мешочек и с любопытством рассмотрел ассортимент закупоренных бутылочек, которые выпали наружу. Он подобрал припарки и отложил их в сторону, перебирая все остальные.

Что же на самом деле видела провидица? – мрачно удивился он. Потому что она дала ему два других снадобья, одно из которых он поклялся никогда больше не использовать.

Хок фыркнул. Одно из них было афродизиаком, который он пользовался в дни своей молодости. Это не слишком сильно волновало его. А то, что он презирал, было снадобьем, которое было создано, чтобы мужчина мог долго оставаться в беспристрастном состоянии сексуального возбуждения.

Он повернул бутылку с ядовито-зеленой жидкостью так и эдак, наблюдая, как солнце отражается от граней прямоугольной запечатанной бутылки. В его сознании всплыли тени, и некоторое время они открыто насмехались над ним, до тех пор, пока его упрямая воля не отправила их обратно в ад. Он быстро наложил припарку, которая уменьшила боль, и ускорит выздоровление. Через две недели его рука будет в порядке.

Адам. Хотя он не сказал этого напрямик, Рушка намекнул на то, что именно Адам привел Эсмеральду к ним прошлой ночью. Что означало, что Адам знал, что Эсмеральда пыталась убить Эдриен.

Что еще знает Адам?

И что именно заставило его друга Рушку, который никогда прежде не выказывал ужаса за все тридцать с лишним лет, в течение которых Хок знал его, демонстрировать видимый страх сейчас?

Слишком много вопросов и недостаточно ответов. Каждый указывал обвиняющим пальцем на кузнеца, который даже сейчас, вероятно, пытается соблазнить жену Хока.

Моя жена, которая не хочет меня. Моя жена, которая хочет Адама. Моя жена, которая не позаботилась даже спросить обо мне, когда я был ранен.

Эсмеральда была мертва, но Рушка ясно дал понять, что реальная угроза все еще осталась и находилась достаточно близко к Далкиту, чтобы держать цыган на расстоянии. Очевидно, тут замешан Адам. И он оставил свою жену в самой гуще этих событий. Держись ближе, как можно ближе…

Разум Хока гудел, сортируя множество незначительных фактов и выискивая наиболее выполнимое решение для множества своих проблем. Внезапно ответ показался невозможно ясным. Он фыркнул, не в состоянии поверить, что он не подумал об этом раньше. Но эта девушка каким-то способом пробралась так глубоко под его кожу, что его сознание не работало в своей обычной логичной манере, когда она находилась поблизости. Довольно! Настало время взять все под свой контроль, вместо того, чтобы позволять обстоятельствам продолжать быть неуправляемыми.

Его соглашение с Адамом предусматривал, что он не может запрещать Эдриен видеться с кузнецом. Но он может сделать это чертовски трудным для него. Он возьмет ее с собой в Устер. Далеко от загадочного, неотразимого Адама Блэка.

Что из того, что она не спросила о нем? Она с первого дня ясно дала понять, что она не хочет выходить за него замуж. Она поклялась вечно ненавидеть его, но все же он готов был поклясться, что ее тело отвечало на его призыв. В Устере она будет целиком и только в его распоряжении, и он сможет проверить эту теорию.

Только вот когда он сделался пассивным? *Когда ты ощутил себя виновным, за то, что*

сжег ее королеву , напомнило его сознание. *Загнав ее в ловушку здесь, вопреки ее желаниям, если она на самом деле из будущего* . Но винить себя – это для неудачников и дураков. Не для Сидхока Дугласа. Он не чувствовал никакой вины, когда причиной была она. «Я люблю ее», сказал он ветру. «И вот так я стал величайшим из всех глупцов».

Замечательно.

Настало время исправить это. Вина и пассивность были отброшены им в этот момент прояснения. Тот Хок, который повернул коня и направился к Далкиту-на-море, чтобы забрать свою жену, по своему поведению был настоящим тезкой давнего Сидхока, победителя викингов, который железной рукой сокрушал любого, кто осмеливался противостоять ему. *Я совершаю, я достигаю, я побеждаю* .

Он вскочил в седло и пришпорил своего боевого коня, пустив его во всю прыть. «*Завяжу глаза и надену путы на тебя, мой сладкий сокол* », – пообещал он с мрачной улыбкой.

* * *

Под ветвями рябин застыл Адам. Несправедливо! Не честно! Увезти ее отсюда! Но справедливо или нет, он все видел сам. Хок развернулся и возвращается обратно, чтобы забрать Эдриен с собой. Это просто недопустимо. Очевидно, он должен сделать что-то решительное.

* * *

– Как это может быть? – Лидия вышагивала по кухне, в волнах дамаска цвета кларета и полная участия.

– Я не имею ни малейшего понятия, Лидия. Одну минуту я находилась в садах, и в следующую – я обнаруживаю себя в своей собственной спальне в своем времени.

– В твоем собственном времени, – тихо повторила Лидия.

Эдриен спокойно встретила ее взгляд.

– Почти пять веков вперед от этого времени.

Лидия наклонила голову и застыла в неподвижности, как если бы она вела сама с собой оживленный спор. Тишина растянулась на довольно длительный период времени, пока она определяла пределы своей убеждений. Лидия всегда полагала, что женщины более непредубежденные и приспосабливаемые, чем мужчины, когда дело доходит до необъяснимых случаев. Возможно, это потому, что женщины непосредственно испытывают непостижимое и удивительное чудо деторождения. Для женщины, которая может создать жизнь внутри своего тела, конечно же, путешествие во времени кажется значительно меньшим чудом по сравнению с этим. Но мужчины… мужчины всегда пытаются найти рациональное объяснение для вещей.

Когда Хок сказал ей о странных новостях, которые Гримм обнаружил в замке Комина, Лидия внимательно изучала Эдриен, выискивая любые признаки неуравновешенного или необычного поведения. После ее тщательного наблюдения, она еще больше убедилась, что Эдриен была так же нормальна, как и любой человек. Она пришла к выводу, что в то время как что-то глубоко ранило Эдриен в прошлом, что бы это ни было, но это не ослабило ее разума – Эдриен только стала сильнее благодаря этому, так же, как закаливается сталь. Ох, Лидия знала, что позади холодного фасада и едкого юмора Эдриен скрывается очень одинокая молодая женщина, но Лидия знала, что твердые стены очень часто скрываю сокровище, и ее невестка действительно была сокровищем. Лидия чрезвычайно беспокоилась о ней и имела твердое намерение получить внуков от своего сына и этой прекрасной молодой женщины.

Идея, что весь клан Коминов поразило какое-то странное безумие, не имела смысла. Лидия хорошо знала Алтею Комин со времени, проведенного вместе при дворе, много лет

назад. Она была практичной, опытной женщиной и хотя с годами Алтея стала вести более затворнический образ жизни, она все равно оставалась прагматичной и уравновешенной.

Лидия давно подозревала Лэрда Комина в том, что совершает извращенные, насильственные действия. Могла ли она поверить, что он убил свою собственную дочь в приступе бессмысленного насилия? Легко. Он принес в жертву своего младшего сына, которого зарезали как ягненка, за то, что он пересек границу клана и завязал отношения с одной из внучатых племянниц Брюса.

Несмотря на все извращенные и мстительные по мелочам поступки Кровавого Комина, Алтея Комин смогла повернуть последствия к длительной выгоде для своего клана. Она была выдающейся женщиной, сплачивая своих детей и внуков с твердой волей и решимостью.

Таким образом, для Лидии поверить в мысль о прагматичной Леди Комин, страдающей от приступа фантазии было более трудно, чем в возможность путешествия во времени. Проще говоря, Алтея Комин была слишком твердым реалистом, чтобы потворствовать любой бессмыслице.

Придя к такому заключению, Лидия мягко улыбнулась Эдриен, которая ждала в напряженном молчании.

– Хок сказал мне, что поведала Леди Комин, Эдриен. Что ты не ее дочь. Что ты появилась из ниоткуда. В самом деле, я слышала, как твой акцент ослабевает и появляется, как штормовая, непредсказуемая волна.

Эдриен моментально огорчилась.

– Ты слышала?

Лидия фыркнула.

– Когда ты была больна, твоя картавость полностью исчезла, моя дорогая.

Эдриен мигнула.

– Почему никто никогда не спросил меня об этом?

– В случае если ты не заметила, у нас не все так спокойно с тех пор, как ты приехала в Далкит. Ни дня не проходит без того, чтобы не появились новые неожиданности. Попытки убийства, нежеланные гости, не говоря уже о том, что Хок ведет себя как влюбленный до безумия парень. Кроме того, я надеюсь, что однажды ты доверишься мне по своему собственному выбору. Теперь, охрана сказала мне, что они видели, как ты исчезала и появлялась несколько раз перед их собственными глазами. – Лидия потерла ладони о юбку своего платья, с отсутствующим выражением в глазах. – Из будущего, – тихо прошептала она. – Мой сын верит, что была какая-то травма, которая привела к тому, что ты веришь в такое безумие, и все же…

– И все же что? – поторопила ее Эдриен.

Лидия встретилась глазами с ясным, спокойным взглядом Эдриен. Они долго, внимательно смотрели друг на друга.

Наконец Лидия сказала:

– Нет. Ни намека на безумие в этом взгляде.

– Я из другого времени, Лидия. Я не сумасшедшая.

– Я верю тебе, Эдриен. – просто сказала Лидия.

– Ты веришь? – Эдриен практически взвизгнула. – Почему?

– Это имеет значение? Достаточно сказать, что ты меня убедила. И когда все вокруг наконец-то вернется в нормальное состояние, если это когда-либо произойдет, я хочу чтобы ты рассказала мне об этом побольше. О своем времени. У меня есть много вопросов, но они могут подождать. А пока, есть вещи, которые мы должны прояснить. – Брови Лидии задумчиво нахмурились. – Как ты попала сюда, Эдриен?

– Я не знаю. – Эдриен беспомощно пожала плечами. – На самом деле. Я не имею понятия.

– Хок думал, что это была черная королева. Леди Комин сказала, что она была заколдована.

– Я тоже так думала.

– Итак, это никогда не была черная королева… хм-м. Эдриен, мы должны выяснить абсолютно все об этом. Что ты в точности делала в тот момент, когда это случилось?

– В первый раз, когда я очутилась в замке Комина? Или в этот раз?

– В этот раз, – сказала Лидия. – Хотя мы должны также исследовать и первый раз, и поискать на схожие моменты.

– Ну… Я гуляла по садам и думала о двадцатом веке. Я думала о том, как сильно я…

– Хочу уехать отсюда, – закончила за нее Лидия, с горьким оттенком в словах.

Эдриен была одинаково удивлена и тронута.

– Нет. На самом деле я думала о том, как хорошо здесь. В 1990-х, мой Бог, Лидия, люди просто вышли из-под контроля. Дети убивают родителей. Родители убивают детей. Дети убивают детей. У всех есть мобильные телефоны, прижатые к ушам, и все же я никогда не видела такого расстояния между людьми, так отчаянно пытающимися стать ближе. И как раз в тот день, когда я переместилась сюда, нужно было видеть эти заголовки в газетах. Мальчик задушил маленькую девочку, когда она не отошла от телефона и не позволила ему воспользоваться им. Ох, у меня были печальные мысли об этом времени и если сравнивать его с домом, то дом определенно выигрывает.

– Скажи это снова, – тихо произнесла Лидия.

– Что? – безучастно спросила Эдриен. – О, заголовки газет, они… – она начала объяснять, но Лидия прервала ее.

– Дом. – Лицо Лидии осветилось прекрасной улыбкой. – Ты назвала это домом.

Эдриен моргнула.

– Я назвала?

Две женщины долго смотрели друг на друга.

– Хорошо, ради святой субботы, Лидия, дай ей кофе, скажу вам. – Грубый голос Тэвиса донесся от двери. – Прыгая туда и сюда подобным образом, она несомненно, испытывает жажду.

– Кофе? – вскинула голову Эдриен.

– Ах. – Лидия улыбнулась, довольная собой и вдвойне восхищенная своей невесткой, которая назвала Далкит-на-море домом даже не осознавая этого. Она быстро наполнила фарфоровую кружку дымящимся напитком и гордо поставила ее на стол перед ней.

Нос Эдриен задвигался, когда вкусовые органы исполнили радостный танец и она жадно потянулась к кружке. Она закрыла глаза, глубоко вдохнула и отпила из кружки.

И задохнулась.

Тэвис постучал ее по спине и обвиняюще посмотрел на Лидию.

– Я говорил вам! – сказал он.

Когда Эдриен снова смогла дышать, она вытерла слезы на глазах и подозрительно посмотрела в свою кружку.

– О Лидия! Не нужно было оставлять кофейную гущу – нет, не совсем гущу… больше похоже на пасту, я думаю. Что вы сделали? Измельчили бобы и смешали их с водой? Тьфу!

– Разве я не говорил вам пропустить это через решето? – напомнил Тэвис. – Разве захочешь пить это вот так?

– Ну, я забыла об этом со всем этим гвалтом! – Лидия схватила кружку. – Так как ты так уверен, что знаешь, как это делается, то сделай это! – Она толкнула кружку к Тэвису, расплескав вязкую коричневую жидкость на пол.

– Прекрасно. Посмотрим, что я смогу, скажу вам! – С надменным взглядом он отправился в кладовую.

Лидия вздохнула.

– Эдриен, я знаю, что это не было слишком приятным утром пока что. Я так хотела приготовить кофе для тебя, но вместо кофе как насчет чашки чая и беседы?

– Ух-ох, – сказала Эдриен. – Я знаю этот взгляд, Лидия. Что не так? Кроме того, что меня бросало через временные порталы?

– Чай? – уклончиво предложила Лидия.

– Беседа, – осторожно ответила Эдриен.

Как лучше начать это? Лидия была намерена ничего от нее не скрывать. Ложь и полуправды имеют неприятную способность всплывать и порождают недоверие. Если Эдриен сможет более подробно узнать Хока, правда возможно не нанесет вреда; но ложь где-то на полпути, несомненно его причинит.

– Эсмеральда умерла.

– Мне так жаль. – Немедленно откликнулась Эдриен. – Но кто это – Эсмеральда?

– Хок… э… ну, возможно, слова «его бывшая любовница» это наилучшее объяснение…

– Ты имеешь в виду в придачу к Оливии? И, кстати, где он держал *ее* ? В темнице? В башне? В комнате рядом с моей?

Лидия вздрогнула.

– Это вовсе не так, Эдриен. Он закончил отношения с ней за несколько месяцев до того, как ты приехала. Она жила с цыганами, которые стоят табором на наших полях в теплые времена года. Согласно тому, что ее люди сказали Тэвису этим утром, именно она пыталась убить тебя. Хорошая новость в том, что ты теперь в безопасности.

– Разве я не говорила все время? Я сказала тебе, что вероятно это одна из бывших подружек *этого мужчины* , разве не так? Ох! – Она вскочила на ноги.

– Эдриен.

– Что теперь?

Ох, беспокойство , размышляла Лидия. *Хорошо, встряхнись* , сказала она себе, зная по выражению на лице Эдриен, что она только что настроилась на хорошую ссору с Хоком, и что она будет не в себе, как шипящая баньши, когда она узнает, что не сможет этого сделать.

– Хок на рассвете отправился в Устер.

– Надолго? – стиснула зубы Эдриен.

– Он не сказал. Эдриен! Подожди! Нам нужно выяснить, что привело тебя сюда. – Но Эдриен больше ее не слушала.

Лидия вздохнула, когда Эдриен вылетела из кухни, шепотом бормоча без остановки:

– Высокомерный, упрямый неандерталец, колючка в заднице…

Глава 23

«*Так что же у тебя за проблема, Эдриен де Симон* ?» – яростно спросила она себя.

Она пожала плечами и вздохнула, прежде чем несчастно посоветовать ближайшему розовому кусту:

– Кажется, мне немного нравится этот мужчина.

Розовый куст глубокомысленно кивнул на легком летнем ветерке и Эдриен охотно излила все свои чувства на внимательную аудиторию.

– Я знаю, что он имел дело со многими женщинами. Но он не похож на Эберхарда. Конечно, возможно, что на Эберхарда не похож никто, кроме пятиголового чудовища из пасти ада.

Когда розовый куст не обвинил ее в том, что она ударилась в мелодраму или впала в поэтическое настроение, она издала действительно жалостный вздох и продолжила:

– Я не могу понять его проклятые действия. Сначала он хочет меня, – я имею в виду, то, что он сжег мою королеву, чтобы оставить меня здесь, что очевидно на самом деле не сработало, но намерение у него было такое. Он неоднократно спасал мою жизнь, даже не смотря на то, что косвенно это была его вина в том, что эта опасность начала мне угрожать, а затем он отказывается меня видеть. И как будто этого всего недостаточно, он вскакивает и уезжает, даже без такой малости как «Прощай!»

Эдриен раздраженно ущипнула розовый куст.

– Я не думаю, что он вполне понимает всю необходимость ясного и своевременного

общения. Своевременный значит *немедленный* . Кстати, *где* точно находится Устер? – Она основательно обдумывала идею попытаться достать лошадь и отправиться туда самой. Как смел он просто встать и оставить ее? Не то чтобы она полностью возражала против того места, где она находится – Далкит-на-море был несомненно прекрасен, но что если она перенесется обратно в свое собственное время навсегда и никогда не увидит его снова?

Проклятие, именно это представило ситуацию в совершенно иной перспективе. Несколько воинственных солдат, бушевавших в ее груди, поднялись и предательски свернули лагерь, преследуемые этой мыслью.

Как она могла не осознать, что она может исчезнуть и никогда снова не увидеть мужчину, за которого она вышла замуж? Что она вообще не могла это контролировать? Еще двадцать солдат промаршировали на сторону Хока во время скандала, бушевавшего в ней. Вот это да!

Разве ты не задумывалась, Эдриен, каково это – лежать рядом с ним в испепеляющем жаре великолепной страсти?

О'кей. На ее стороне остался только один солдат и его имя мистер Подозрительный И. Испуганный.

Предатели ! Она нахмурившись смотрела на новый лагерь Хока. Даже мысль о нем вызывала в ней жар. Она подставила пальцы под искрящийся фонтан с химически чистой водой.

Он не могла представить, что она никогда снова не увидит этот прекрасный фонтан, никогда не вдохнет девственный лавандовый воздух 1513 года. Ни Лидии, ни Тэвиса. Ни замка возле моря. Ни Лэрда Хока, мужчины из стали и сверкающей страсти. Только Сиэтл и горькие воспоминания и страх, заставляющий ее прятаться в доме. 1990-е годы, с включенными в сделку смогом и озоновыми дырами.

Она сомневалась, что Хок когда-либо попытался бы отправить ее на каникулы одну. Он кажется относится к тем мужчинам, которые дорожат своей женой и держат ее рядом с собой, если женщина позволяет это. Близко к этому прекрасному мускулистому телу, и под этим килтом…

– Мечтаешь о чем-то грешном, – тихо вздохнула она. Эдриен крепко зажмурила глаза и опустила голову на руки. Бесконечный поток вопросов проносился через ее сознание, и медленно, но уверенно Эдриен помогла последнему маленькому солдату подняться, отряхнула его, и позволила ему опереться на нее, когда она отводила его на сторону противника в этой войне. Она приняла решение. Она попытается.

Она медленно подняла голову со своих рук, чтобы встретить пронизывающий взгляд Адама. Как долго стоял он здесь, глядя на нее с поклонением в глазах. Темные глаза, черные как ненависть. *Ну так откуда это взялось* ?

– Ты ненавидишь Хока, Адам? – спросила она, после вспышки кристально-чистой интуиции.

Он восхищенно улыбнулся.

– Вы женщины все такие. Проникаете в самую сущность проницательным взглядом. Но ненависть в большей степени связана с ее утверждением, – поддразнил он, усаживаясь рядом с ней на край фонтана.

– Не играй со мной в словесную игру, Адам. Ответь на вопрос.

– Это тебе понравится? Честность со стороны мужчины?

– Да.

Он пожал красивым, загорелым плечом.

– Я ненавижу Хока.

– Почему? – с негодованием спросила Эдриен.

– Он дурак. Он не в состоянии оказывать надлежащее отношение к твоей прелести, красотка.

– К моей *что?* – Это наименее важная часть у нее.

Кузнец просиял ослепительной улыбкой.

– Он стремится только раздвинуть их, проскользнуть между твоими бедрами, но я бы увековечил эти скользкие от любви росистые лепестки.

Эдриен застыла.

– Это очень поэтично, но нет необходимости быть грубым, Адам. И ты даже не знаешь меня.

– Я не могу придумать ничего, что я мог бы сделать со своим временем, вместо того, чтобы потратить его, познавая тебя. В библейском смысле, так как ты находишь другие мои сравнения слишком наглядными. Это достаточно приятно для тебя?

– Кто *ты* ?

– Я могу быть тем, кем ты захочешь меня видеть.

– Но кто ты! – упрямо повторила она.

– Я мужчина, в котором ты нуждалась всю свою жизнь. Я могу дать тебе все, что ты не пожелаешь, до того, как ты осознаешь, что ты желаешь этого. Я могу выполнить каждое твое желание, вылечить твою каждую рану, выправить все, что неправильно. У тебя есть враги? Их не будет рядом со мной. Ты ощущаешь голод? Я найду самый сочный, созревшие кусочки и буду кормить тебя своими руками. У тебя что-то болит? Я облегчу твою боль. Плохие сны? Я разгоню их по сторонам. Сожаления? Я вернусь назад и все исправлю. Приказывай мне, красотка, и я твой.

Эдриен бросила в его сторону испепеляющий взгляд.

– Единственные сожаления, которые у меня есть, сосредоточены вокруг красивых мужчин. Так что я предлагаю тебе убраться из моего…

– Ты находишь меня красивым?

Что-то в глазах этого мужчины было не совсем правильным.

– В эстетическом смысле, – пояснила она.

– Я так же красив, как и Хок?

Эдриен сделала паузу. Она могла быть иногда язвительной, но когда дело доходило до того, чтобы отбрить кого-то, то ее характер уводил ее с того пути, где она могла бы ранить чувства людей. Эдриен предпочитала оставаться безмолвной, когда ее мнение было не тем ответом, которое кто-то искал, и в этом случае ее молчание было достаточным ответом.

Адам стиснул челюсти.

– Я так же красив, как и Хок?

– Все мужчины разные. Никто не может сравнивать яблоки и апельсины.

– Я и не прошу тебя их сравнивать. Я прошу тебя сравнить одного мужчину с другим. Хока и меня, – прорычал он.

– Адам, я не собираюсь заниматься этим с тобой. Ты пытаешься заставить меня что-то сказать…

– Я только прошу дать мне честный ответ.

– Почему это так важно для тебя? Почему ты вообще об этом беспокоишься?

Его настроение мгновенно изменилось.

– Дай мне шанс, красотка. Ты сказала, что эстетически я тебе нравлюсь. Но ты не можешь по-настоящему сравнивать мужчин, до тех пор, пока ты не попробовала удовольствия, которое они могут доставить тебе. Ложись со мной, красотка. Позволь мне…

– Прекрати это!

– Когда ты увидела меня ковавшим железо, это зажгло в тебе огонь. – Напряженные черные глаза Адама вглядывались в ее глаза, проникновенно и глубоко. Он взял ее руку и поднес ее ладонью вверх к своим губам.

– Да, но это было до того, как я увидела… – Она резко оборвала себя.

– Хока, – горько выплюнул Адам. – Великолепного Хока. Хока – живую легенду. Хока – соблазнительного ублюдка. Хока – королевскую шлюху. Помнишь?

Она печально посмотрела на него.

– Прекрати это, Адам, – наконец сказала она.

– Ты спала с ним?

– Это не твое дело! И отпусти мою руку! – Она попыталась вытащить свою руку из его хватки, но его он сжал ее крепче, и когда его пальцы ласкали ее запястье, она ощутила как замешательство наступает на ее чувства.

– Ответь мне, красотка. Ты лежала вместе с Хоком?

Она с трудом сглотнула. *Я не буду отвечать ему* , упрямо обещала она, даже когда ее губы прошептали «Нет».

– Значит, игра все еще идет, красотка, и я все же должен выиграть. Забудь Хока. Думай об Адаме, – пропел он и захватил ее губы жестоким поцелуем.

Эдриен казалось погружалась все глубже и глубже в темное море, которое заставило е захотеть встряхнуться и прийти в себя.

– Адам. Скажи это, красотка. Позови меня.

Где был Хок, когда она так нуждалась в нем?

– Х-х-хок, – прошептала она напротив причиняющего боль рта Адама.

Разгневанный, Адам заставил ее наклонить голову, пока она не встретилась глазами с его яростным взглядом. И пока Эдриен смотрела, темные черты Адама казалось странно замерцали, изменяясь… но это невозможно, уверяла она себя. Темные глаза Адама внезапно показались имеющими такие же золотые крапинки как у Хока, нижняя губа Адама внезапно изогнулась в чувственном приглашении, таком же, как и у Хока.

– Это именно то, что я должен сделать, чтобы получить тебя, красотка? – горько спросил Адам.

Эдриен смотрела, очарованная и ужасающаяся. Лицо Адама таяло и переопределялось, и он с каждым проходящим мгновением он становился все более похожим на ее мужа.

– Я должен прибегнуть к такому трюку? Это единственный способ, при котором ты примешь меня?

Эдриен протянула дрожащую руку, чтобы прикоснуться его странно трансформировавшегося лица.

– А-адам, п-прекрати это!

– Это заставляет тебя гореть, красотка? Если у меня будет его лицо, его руки? Потому у меня они будут, если это так!

Тебе это снится , сказала она себе. *Ты заснула, и тебе снится очень, очень плохой кошмар, но это пройдет* .

Руки Адама легли на ее груди и пальцы ледяного огня послали столб острых ощущений вдоль ее позвоночника… но это было не удовольствие.

* * *

В дюжине шагов позади застыл на полпути Хок, после того, как он пролетел по длинному мосту, ведущему в сады. Линия за линией, мускул за мускулом, его лицо становилось маской ярости и боли.

Как давно он уехал? Двенадцать часов назад? Полдня?

Раня, которую он получил, спасая ее жизнь, сердито жгла его руку, в то время как его желание к ней точно так же пульсировало под килтом.

Он заставил себя смотреть долгое время, чтобы навсегда запечатлеть в памяти, каким дураком он был, потому что хотел эту девушку. Потому что любил ее, даже хотя она предала его.

Твердое, бронзовое тело кузнеца прижалось по всей длине к страстным изгибам его жены, когда они сидели на краю фонтана. Его руки вплелись в ее светло-серебристую гриву и его рот был прижат к поддающимся губам его жены.

Хок смотрел, как она застонала, руки в безумной потребности обхватили кузнеца… как она потянула его за волосы, отчаянно цеплялась за его плечи.

Трава и цветы были вырваны из ароматной земли под его ногами, когда Хок пошел прочь.

* * *

Эдриен сражалась за свое здравомыслие.

– Убирайся… ид-ди обратно в тот ад… из к-которого т-ты п-пришел… – Эти слова забрали всю энергию, которая еще оставалась у нее, и оставили ее вяло задыхаться от недостатка воздуха.

Ощупывавшие ее руки резко освободили ее.

Она свалилась с выступа и приземлилась с всплеском в фонтан.

Прохладная вода моментально смыла всю завесу замешательства. Она в ужасе съежилась, ожидая что рука кузнеца протянется к ней, но ничего не случилось.

– А-адам?

Дыхание шаловливого ветерка коснулось ее охлажденных сосков через тонкий материал платья.

– Ох! – она торопливо прикрыла их ладонями.

– А-адам? – позвала она, немного громче.

Ответа не было.

– Кто ты на самом деле? – яростно закричала она в опустевший утренний воздух.

Глава 24

В депрессии, Эдриен решила, что она не будет есть. Она размышляла, существовали ли сигареты в 1513 году, пересмотрела свое решение, и решила позавтракать.

Да тех пор, пока она не нашла виски.

Весьма своевременно, подумала она, сидя в его кабинете и забрасывая ноги на его стол. Она налила приличную порцию виски в резной хрустальный бокал и сделала обжигающий глоток.

– Ох, – глубокомысленно сказала она столу, – но они делают действительно прекрасную смесь, не так ли?

Она провела остаток дня и вечер в его священном убежище, скрываясь от странных заигрываний кузнеца, неизменного интереса Лидии, и собственной сердечной боли. Она читала его книги, смотря на моросящий дождь, который начался, пока она осушала бокал шотландского виски. У него прекрасный вкус по отношению к книгам, подумала она. Она могла бы влюбиться в человека, который любит читать.

Позже, когда она рылась в его столе, она сказала себе, что у нее есть на это все права, потому что, в конце концов, она его жена. Письма друзьям, от друзей, письма его матери, когда он был далеко, лежали аккуратно перевязанные лентой в шкатулке.

Эдриен просмотрела ящики стола, найдя миниатюры сестры и брата Хока. Она нашла мальчишеские сокровища, которые согрели его сердце: кожаный мяч с много раз починенными швами, хитроумно вырезанные фигурки животных, камешки и безделушки.

После второго стакана виски он нравился ей полностью и слишком сильно. «*Достаточно виски, Эдриен. И уже давно прошло то время, когда тебе надо было что-нибудь съесть* ».

На неустойчивых ногах, она побрела к Большому Залу.

* * *

– Жена. – В голосе не было тепла.

Эдриен вздрогнула и задохнулась. Она обернулась и оказалась лицом к лицу с Хоком. Но разве он не уехал в Устер, не так ли? Очевидно нет. Ее сердце взлетело. Она готова попробовать, но что-то в его взгляде нервировало ее и она не имела ни малейшего понятия почему. Она прищурила глаза и внимательно посмотрела на него.

– Ты выглядишь явно придирчивым, – сказала она. Она пискнула от испуга, когда он бросился к ней. – Ч-что ты делаешь, Хок?

Его руки стальной хваткой сомкнулись вокруг ее запястий, в то время как он использовал свое тело, чтобы прижать ее спиной к прохладному камню коридора.

– Хок, что…

– Тихо, девушка.

Широко раскрытыми глазами она смотрела ему в лицо, в поисках подсказки, которая поможет объяснить ледяную враждебность в его глазах.

Он просунул свою мускулистую ногу между ее бедер, жестоко раздвинув их.

– Ты пила, девушка.

Его дыхание веяло теплом на ее лицо, она могла обонять сильный запах алкоголя.

– Вот как? Так и ты тоже! И я думала, что ты в Устере!

Его красивые губы исказились в горькой усмешке.

– Да, я вполне осведомлен о том, что ты думала, что я в Устере, жена. – Его акцент скрипел неразборчиво, выдавая степень его ярости.

– Хорошо, я не вижу, почему ты так зол на меня. Это ты, у кого было девять миллионов любовниц, и это ты уехал, не попрощавшись, и это ты, кто не…

– Что хорошо для гусака, не обязательно будет хорошо для гусыни, – прорычал он. Он погрузил руку в ее волосы и резко дернул ее голову назад, обнажив бледный изгиб ее горла. – Ни в спиртном, ни в любовниках, жена.

– Что? – Он нес какую-то бессмыслицу, говоря о фермерских животных, когда она пыталась вести разумную серьезную беседу с ним. Она задохнулась, когда он нежно укусил ее в основание шеи, где беспорядочно бился ее пульс. Если она не смогла справить с этим мужчиной, когда он был трезвый, она точно не сможет сделать это, когда он подвыпивший.

С мучительной медленностью он провел языком вниз по ее шее и по верхней части изгибов ее грудей. У нее во рту пересохло и целая стая щебечущих птиц вспорхнула у нее в животе.

– Ты распутница, – выдохнул он, прикасаясь к ее безупречной коже.

Эдриен тихо застонала, частично от боли, вызванной его словами и частично от удовольствия от его прикосновения.

– Вероломная, жестокая красавица, что я сделал, чтобы заслужить это?

– Что *я* сделала…

– Нет! – загремел он. – Никаких слов. Я больше не собираюсь страдать от медовой лжи, расточаемой этой сладкой лживой змеей, которую ты называешь ртом. Да, девушка, ты обладаешь наиболее жестоким ядом. Лучше бы я позволил этой стрелке или той стреле попасть в тебя. Я был дураком, позволив себе пережить хотя бы один момент боли из-за тебя.

«*Я опять сплю* ?» – удивилась она. Но она знала, что не спит, потому что никогда во сне она так не осознавала каждый дюйм своего тела, своего предательского тела, которое умоляло прижаться ближе к этому мужчине, который источал сексуальность даже в гневе.

– Скажи мне, что он дает тебе, и чего нет у меня! Скажи мне, что ты жаждешь от этого мужчины. И после того, как я покажу тебе каждый дюйм того, что я могу дать тебе, тогда ты сможешь сказать мне, все ли еще ты считаешь, что у него есть больше чем у меня.

– Кузнец? – недоверчиво спросила она.

Он полностью игнорировал ее вопрос.

– Я должен был сделать это очень давно. Ты – *моя* жена. Ты разделишь мою постель. Ты принесешь мне детей. И несомненно, к тому времени, когда я закончу с тобой, ты никогда больше не произнесешь этого слова. Я рассказал тебе однажды правила Хока. Сейчас я напоминаю тебе в последний раз. *Кузнец* и *Адам* – никогда больше не говори мне этих двух слов. А если это случиться, я накажу тебя так жестоко и по-новому, что ты будешь жалеть о том, что родилась.

Слова были сказаны с такой раскаленной добела, но все же осторожно контролируемой

яростью, что Эдриен даже не начала спрашивать, что за наказание он может иметь в виду. Он инстинктивно поняла, что она никогда не захочет узнать это. Когда она открыла рот, чтобы сказать что-то, Хок потерся своим телом о ее тело, тесно прижав свой твердый член между ее бедер. И вместо слов, которые она хотела произнести, она выдохнула воздух со свистом, который перешел в хриплый стон. Эдриен хотела раствориться в нем, вжаться в его тело со всей страстностью. Она даже не могла стоять рядом с этим мужчиной, не желая его.

Его улыбка была насмешливой и жестокой.

– С ним ты ощущаешь то же самое, девушка? Он может доставить тебе столько же удовольствия?

Ни один мужчина не может, лихорадочно подумала она, когда ее губы жадно двигались под его губами. Хок тихо зарычал, накрывая своим ртом ее губы в безжалостном, причиняющем боль поцелуе.

Эдриен почувствовала его руку, поднимающую ее юбку и осознала, что в теперешней ярости Хок собирается взять ее прямо здесь, в тусклом и холодном коридоре. Подвыпивший или нет, это был не тот путь, который планировала Эдриен для расставания со своей девственностью, сохраненной с таким трудом. Она хотела его, но не так. Никогда в таком виде.

– Остановись! Хок, чтобы ты не думал о том, что я сделала – я не делала этого! – закричала она.

Он заставил ее замолчать своим ртом, его поцелуй был горячим, жадным и жестоким. Она поняла, что он наказывал ее своим телом, а не занимался с ней любовью, но она не могла сопротивляться его языку и не могла предотвратить того, что она затаив дыхание отвечала на его поцелуи.

Хок наклонил голову и коснулся ее шеи зубами, затем подразнил ее затвердевшие соски через платье. Эдриен настолько потеряла голову от удовольствия, что не осознавала, что он делает, пока не стало слишком поздно.

Она почувствовала трение веревки о свои запястья, когда он дернул ее руки вниз и повернул ее, связав их у основания ее спины.

– Ты сукин сын! – прошипела она.

– Сукин сын, – глубокомысленно повторил он. – Неужели тебе не нравится моя мать?

– Мне не нравишься *ты* , когда ты так себя ведешь! Хок! Почему ты это делаешь? Что я сделала?

– Тихо, девушка, – негромко приказал он, и она узнала, что когда его голос был тихим и податлив, как промасленная кожа, тогда она была в наибольшей опасности. Это был один из многих уроков, которым он научит ее. Когда шелковый капюшон скользнул, закрывая ее лица, она закричала в ярости и набросилась на него, пытаясь ударить его ногами. Она боролась, пиналась, бушевала в его руках, сыпала резкими проклятиями.

– Жена, – сказал он ей в ухо через шелковый капюшон, – ты принадлежишь мне. Скоро ты и не вспомнишь, что было когда-то время, когда ты мне не принадлежала.

* * *

Адам стоял в тени, отбрасываемой рябинами и смотрел, как Хок шагает в ночи, с женщиной в капюшоне, бьющейся в объятиях. Так он думал, что он сможет сбежать от Адама Блэка, не так ли? Хок думал, что он сможет увезти ее прочь? Умно. Адам не обговаривал эту часть договора. Хок, очевидно, решил действовать совсем близко к границе точного текста их соглашения.

Этот мужчина начал приводить его в полное бешенство.

Нет, это было совершенно не то, что ожидал Адам, когда он подготавливал сцену в садах.

Итак, этот человек оказался более грубым, чем он думал. Он значительно недооценил своего соперника. Он думал, что Хок слишком сдержанный и *приятный* в общении человек,

тогда как мужчина должен быть твердым, как сталь и неумолимым в отношениях с женщиной. Он рассчитывал, что благородный Хок будет настолько ранен, увидев свою жену с кузнецом, что он проклянет ее и отречется от нее, возможно, разведется с ней – и любое из этих действий, согласно его плану, заставило бы ее стремительно нестись к его сияющей кузнице под рябинами. Он думал, совершенно ошибочно, как оказалось, что Хок имеет, по крайней мере, одно или два слабых места в своем характере.

– Тихо, жена! – Баритон Хока резонировал в темноте. Адам вздрогнул. Ни один смертный не должен иметь такого голоса.

Нет, так дело просто не пойдет. Ему надо бы серьезно вмешаться, потому что если такой мужчина увезет женщину и проведет с ней некоторое время, то женщина несомненно будет принадлежать ему, когда он закончит.

И Адам никогда не ни в чем не проигрывал. Конечно, не проиграет и в этот раз.

Он выступил вперед из тени, готовый противостоять Хоку, когда он услышал суровый шепот позади себя.

– Шут!

– Что такое? – прорычал Адам, поворачиваясь, чтобы посмотреть в лицо Королю Финнбеара.

– Королева требует твоего присутствия.

– Сейчас?

– Прямо сейчас. Она что-то знает о нас. Думаю, это снова эта излишне любопытная маленькая Эйне. Ты должен оставить эту игру, по крайней мере, на достаточное время, чтобы усыпить подозрения Королевы. Идем.

– Я не могу пойти сейчас.

– У тебя не выбора. Она придет за тобой сама, если ты не пойдешь. И тогда у нас не останется ни единого шанса.

Адам долгое время стоял неподвижно, позволяя своей ярости сгореть внутри него и оставить пепел решимости после себя. Он должен быть очень осторожен там, где дело касается его Королевы. Для него не будет ничего хорошего, если он станет препятствовать ее капризам или воле каким-либо способом.

Он позволил себе один долгий взгляд через плечо на удаляющуюся фигуру на спине лошади.

– Отлично, мой повелитель. Через этот мерзкий ад, против моей воли, преданный никому, кроме самой *прекрасной* королевы, веди меня.

Глава 25

Она прекратила кричать, только когда у нее сел голос. *Глупо* , сказала она себе. *Чего ты этим добилась? Ничего. Тебя связали, как цыпленка, которого собираются ощипать, и теперь ты не можешь издать даже протестующего писка* .

– Просто сними с меня капюшон, Хок, – попросила она скрипучим шепотом. – Пожалуйста.

– Правило номер девять. Мое имя с этого момента и впредь – Сидхок. *Сидхок* , не Хок. Когда ты будешь меня так называть, тогда ты будешь вознаграждена. А когда нет, тогда я ничего не позволю тебе.

– Почему ты хочешь, чтобы я называла тебя таким именем?

– Чтобы я знал, что ты понимаешь, кто я на самом деле. Не легендарный Хок. Я – мужчина. Сидхок Джеймс Лайон Дуглас. Твой муж.

– Кто первым назвал тебя Хоком? – хрипло спросила она.

Он подавил поспешное ругательство и она ощутила его пальцы на своем горле.

– Кто первый назвал меня Хоком не имеет значения. Все называли. Но именно так всегда меня называл король, – произнес он сквозь зубы. Он не добавил, что за всю свою жизнь он никогда не давал девушке разрешения называть его Сидхоком. Ни одной.

Он развязал капюшон и поднял его с ее лица, затем влил немного прохладной воды ей в рот, облегчив жжение, которое делало ее голос таким грубым.

– Постарайся больше не кричать сегодня, девушка. Твое горло будет кровоточить.

– Король Яков использовал только это имя? – быстро спросила она.

Еще один вздох.

– Да.

– Почему?

Она могла чувствовать, как его тело напряглось позади нее.

– Потому что он сказал, что я его собственный взятый в плен ястреб [1], и это было правдой. Он контролировал меня в течение пятнадцати лет так уверенно, как сокольничий контролирует свою птицу.

– Мой Бог, что он *сделал* с тобой? – прошептала она, ужаснувшись ледяным глубинам в его голосе, когда он говорил о своей службе. Хок, управляемый кем-то другим? Непостижимо. Но если угроза уничтожения Далкита, его матери и брата и сестры нависала над его головой? Угроза истребления сотен людей его клана? Что сделал бы благородный Хок, чтобы предотвратить это?

Ответ пришел легко. Ее сильный, мудрый, великодушный муж сделал бы то, что он должен был сделать. Любого другого человека Хок просто убил бы. Но невозможно убить Короля Шотландии. Невозможно – без полного уничтожения существования клана королевской армией. Получится тот же результата, так что у него не было выбора. Он отбывал наказание пятнадцать лет, и все из-за презренного и испорченного короля.

– Разве ты не можешь принять меня сейчас? Все закончилось. Я свободен. – Его голос был таким низким и звучал так мучительно, что она застыла. Его слова вывели ее из равновесия; это было то, что она могла бы сказать сама, если бы стояла лицом к лицу со своим прошлым перед тем, кто был ей небезразличен. Ее муж понимал боль, и возможно, и стыд, и несомненно, сожаление. Какое было у нее право осуждать и обвинять человека за его темное прошлое? Если бы она была бы честна с собой, то она даже указала бы на то, что ее прошлое было результатом ее собственных наивных ошибок, тогда как он был вынужден перенести свое болезненное испытание, чтобы сохранить свой клан и свою семью.

Она хотела прикоснуться и излечить мужчину, который сидел так упрямо далеко от нее сейчас, но она все же совершенно не была уверена, как это начать. Многое стало ясно – он был королевской шлюхой, что бы это ни было, не потому что он хотел этого; этот факт в большой степени облегчил ее сознание. Больше, чем что-либо другое, она хотела понять этого страстного, гордого мужчину. Прогнать прочь тени из его красивых темных глаз. Она дернулась, когда ощутила прикосновение шелка к своему подбородку.

– Нет! Не надевай на меня снова капюшон. Пожалуйста!

Хок игнорировал ее протесты, и она вздохнула, когда он снова затянул шнурок.

– Может быть, ты просто скажешь мне, почему?

– Почему что?

– Почему ты «ослепляешь» меня сейчас? – Что она сделала, чтобы вызвать его гнев?

– Я отступаю, девушка. Я дал тебе то, что ни один другой мужчина не дал бы тебе. Я дал тебе время, чтобы выбрать меня по своей воле. Но, кажется, что твоя воля безнадежно глупа и нуждается в убеждении. Ты выберешь меня, ты сделаешь это. И когда это случиться, не будет никакого имени другого мужчины на твоих губах, ни члена другого мужчины между твоими бедрами, ни лица другого мужчины в твоем сознании.

– Но… – Она хотела знать, почему ее время так внезапно закончилось. Что заставило его резко прекратить это?

– Никаких «но». И ни слова больше, девушка, пока ты не заставила меня завязать тебе еще и рот. С этого момента и впредь ты будешь видеть без помощи этих прекрасных, лживых глаз. Возможно, я не полный дурак. Возможно, ты сможешь видеть, используя внутренне зрение. А затем, вероятно не сможешь. Но твой первый урок заключается в том,

---

1 hawk (англ.) – ястреб. Произносится как «Хок».

что как я выгляжу, не имеет ничего общего с тем, кто я есть. Кем я мог быть в прошлом, не имеет значения для того, кем я являюсь сейчас. Когда ты, наконец, ясно увидишь меня, тогда и только тогда ты снова сможешь смотреть на мир своими глазами.

* * *

Они прибыли в Устер вскоре после рассвета. Без устали погоняя свою лошадь в течение ночи, Хок превратил двухдневное путешествие в менее чем однодневную поездку.

Он провел ее в резиденцию Лэрда, мимо разинувших рот слуг, вверх по ступенькам и в спальню. Без слов он разрезал кинжалом путы на ее запястьях, толкнул ее на кровать, и ушел, заперев за собой дверь.

В тот момент, когда руки Эдриен освободились, она сорвала шелковый капюшон. Она была готова разорвать его на маленькие шелковые клочья, но затем осознала, что он возможно просто использует что-то другое, если она уничтожит этот капюшон. Кроме того, размышляла она, у нее не было намерения сражаться с ним. У нее и так было достаточно борьбы, когда она пыталась противостоять своим эмоциям; так что она позволит ему делать то, что он чувствует, ему нужно делать. Это предоставит ей больше времени. Чтобы познакомиться с новыми ощущениями внутри себя. Святые небеса, но он был зол на нее. Только вот из-за чего он был зол, она не была уверена, но ее решимость все еще была при ней. Перед лицом его ярости, ее солдаты не изменили своего мнения. Все они гордо стояли на стороне Хока, и она была с ними, на его стороне.

Он планирует бессердечно соблазнить ее? Открыть в ней внутреннее видение по отношению к нему?

Ему не нужно знать, что это видение уже открылось, и что она бесстыдно предвкушала каждый момент соблазнения.

* * *

Хок медленно шел по улицам Устера. Они были почти пустынны в этот поздний час, только те, у кого хватало храбрости, или крайней глупости, или преступных намерений, выходили на улицы поздно ночью, когда спускался плотный туман. Он гадал, к какой из этих категорий относился он.

Многое началось в этот день, но все же еще больше оставалось незавершенным. Он провел большую часть дня, проверяя книги мельника и разговаривая с озлобленными крестьянами, которые обвиняли мельника в подмене их зерна. Здесь был только один мельник, назначенный на этот пост людьми короля, до того, как Хок был освобожден от своей клятвы служить ему. Будучи единственным, он имел возможность осуществлять абсолютный контроль над зерном крестьян и, в сговоре с местным бейлифом [1], в самом деле обманывал их на весах, заменял хорошее зерно на заплесневевшее и извлекал чистую выгоду из трех городов, расположенных к северу.

Хок вздохнул. Это была только первая из дюжины проблем, требующих его внимания. Ему придется вести правосудие в течение двух недель, чтобы разобраться во всем, что пошло не так, как надо за время его милостивого пренебрежения, когда он находился на службе у Якова.

Но у него было время, чтобы излечить многочисленные болезни крестьян, и он собирается излечить их. Его люди были довольны тем, что он вернулся и снова интересуется их нуждами. С этого дня, три человека в Устере взялись за ремесло мельника и поделили его права. Хок улыбнулся. Конкуренция будет полезным делом для его людей.

Запахи пижмы и мяты донеслись из двери открытого заведения, когда он проходил

---

1 Представитель короля, осуществляющий административную и судебную власть; сохранилось как почётное звание некоторых судей.

мимо. Женщина поманила его от двери, одетая только в просвечивающий кусок грязного и изодранного шелка. Хок выгнул в изумлении бровь и улыбнулся, но отказался и пошел дальше по улице. Его глаза сделались темными и ожесточенными. То, что ждало его дома, было больше, чем он мог вынести.

* * *

Эдриен сразу же села, когда услышала, как Хок распахнул дверь в ее комнату. Она воображала сладкое соблазнение, которое он задумал для нее, и ей пришлось собрать все свое самообладание, чтобы скрыть волнение от его возращения.

– О, ты вернулся, – протянула она, надеясь, что она преуспела в маскировке своего восторга.

Он пересек комнату за два внушающих трепет шага, схватил ее в объятия и мрачно хмурясь посмотрел ей в лицо. Он неумолимо склонял голову к ее губам, и она отвернулась прочь. Не обратив на это внимания, он касался ее шеи зубами, до тех пор, пока не достиг основания, где беспорядочно бился ее предательский пульс. Ее дыхание застряло у нее в горле, когда он укусил ее и пробежал языком по ее стройной шеи. Если даже его близость заставляла ее дрожать, его поцелуи приведут ее к полной гибели. Его грубая щетина натирала ее кожу, когда он запрокинул назад ее голову и нежно укусил мочку ее уха. Эдриен вздохнула от удовольствия, затем добавила небольшой протестующий визг, просто чтобы быть убедительной.

– Ты забудешь кузнеца, девушка, – пообещал он. Резко рванув ее за волосы, он заставил ее посмотреть ему в глаза.

– У меня в любом случае нет намерения вспоминать его. Он всего лишь настойчивый, властный, позволяющий себе вольности негодяй.

– Отличная попытка, жена, – сухо сказал Хок.

– Что ты имеешь в виду – отличная попытка? Почему ты так одержим кузнецом?

– *Я* ? Это ты, кто так одержим этим кузнецом! – Он поднял капюшон к ее голове.

– Ты такой тупоголовый, что даже не видишь правду, когда она прямо перед тобой.

– Ох, но в этом то все и дело, девушка. Я видел правду ясно своим собственными глазами тем днем в саду. Да, очень ясно, и память об этом бурлит в моем сознании, высмеивая меня. Я только что был ранен, спасая твою непостоянную жизнь, но ты даже не побеспокоилась об этом. Нет, у тебя были на уме другие сладкие планы. И мое отсутствие только сделало их легче для тебя. Я уехал от тебя всего-навсего на несколько часов и ты так быстро легла под него у фонтана. У *моего* фонтана. *Моя* жена.

Так вот что это было , подумала она. Он вернулся и увидел кузнеца, когда он делала с ней эти туманные пугающие вещи, когда она боролась с ним. Он стоял там, гладя как кузнец почти что изнасиловал ее и, в своем сознании полагал, что она делала это по своей воле. Он даже не думал о том, чтобы помочь ей.

– Возможно, я не единственная, кто не может видеть слишком ясно, – со злостью сказала она. – Возможно, в этой комнате есть два человека, которые получат выгоду от небольшого внутреннего зрения.

– Что ты говоришь, девушка? – тихо сказал Хок.

Он не удостоила бы его глупость ответом. Мужчина практически изнасиловал ее, и ее муж в своей ревности просто наблюдал за этим. Чем больше она будет заявлять о своей невиновности, тем более виновной она будет выглядеть. И чем больше она об этом думала, тем больше это злило ее.

– Я просто предполагаю, что ты найдешь внутренний глаз у себя, муж, – сказала она так же тихо.

Ее тихое достоинство заставило его замереть. Ни хныканья, ни лжи, ни унижения. Никаких оправданий. Может ли быть, что он неправильно понял то, что он видел у фонтана? Возможно. Но он сотрет все ее воспоминания о кузнеце, как он и поклялся.

Он мрачно улыбнулся и вновь ослепил ее шелковым капюшоном. Да, к тому времени, когда он закончит, она забудет что Адам Блэк вообще существует.

Так как он знал, что он может сделать. Он был выучен для этого. Сначала цыганами, затем герцогиней Кортленд. «Секс – это не просто мгновенное удовольствие», – наставляла она его. «Это искусство, которому нужно предаваться с умелыми руками и разборчивым вкусом. Я собираюсь обучать тебя этому, самому прекрасному вторжению в человеческий грех. Ты будешь самым лучшим любовником, которого когда-либо знала страна, к тому времени, когда я закончу. И это будет легко, потому что очевидно, что ты самый прекрасный мужчина».

И уроки началась. Он была права – и в самом деле существовало многое, чего он не знал. И она показывала ему: эта точка здесь, изгиб там, движение таким образом, тысячи позиций, тонкие способы использования своего тела чтобы приносить много различных видов удовольствия, и наконец, все игры с сознанием, которые сопутствуют этому.

Он старательно учился, сохранив это искусство в памяти. И со временем, его нетерпеливый мальчишеский голод исчез среди бессмысленного моря завоеваний и любовниц.

Ох, он был самым лучшим, это не вызывало сомнения. Девушкам приходилось умолять его о внимании. Так вырастала легенда о Хоке. Затем, однажды, женщина, которую Хок неоднократно отвергал – Оливия Дюмон – подала прошение Королю Якову о его услугах, как будто он был частью собственности, которую можно было даровать.

И как королевская собственность, Яков отдал его, распространив ту же самую угрозу для Далкита, если он не подчинится.

Как Яков любил это – особенно, когда он осознавал, насколько Хок был унижен этим. И так что король сказал: «*ты будешь тем, кем Мы захотим, чтобы ты был, даже если это такая незначительная роль, как роль Нашей шлюхи, чтобы ублажать Наших избранных леди* ». Других мужчин посылали в сражения. Хока послали в постель с Оливией. Вдвойне унизительно.

Многие мужчины завидовали Хоку – любовнику стольких красивых женщин. Но еще больше мужчин ненавидели Хока за его мастерство и мужественность, и за легенды, которые рассказывали о нем дамы.

В конечном счете, Яков устал от выслушивания легенд. Ему надоело то, что его дамы создают шум вокруг красивого мужчины, и Яков отправил Хока за границу с абсурдными и рискованными поручениями. Украсть драгоценность из королевской казны в Персии. Выманить бесценный предмет искусства у старой наследницы в Риме. О каком странном сокровище не услышал бы жадный Яков, Хока посылали чтобы добыть его честными или бесчестными способами. Быть королевской шлюхой означало просто одно: быть человеком, который делает за короля «грязную работу», независимо от того, что непостоянный повелитель пожелает время от времени.

Сейчас его глаза возвратились к девушке, молча стоящей перед ним.

Она была так не похожа на тех, кого он когда-либо знал. С первого дня, когда он увидел ее, он осознал, что она была настоящей, без фальши или лживых уверток. Хотя она могла иметь свои скрытые глубины, они не были ни злонамеренными, ни корыстными, но появились от страдания и одиночества, а не от обмана. Он понял, что у нее чистое сердце, такое чистое и настоящее и полное возможностей, какими были его цыганские поля, и что оно уже было отдано мужчине, который его не заслуживал! Этому воплощению обмана и странной неискренности. Адаму Блэку.

Всеми правдами и неправдами или в той манере, какая будет необходима, он будет ухаживать за ней и добьется ее. Он заставит ее увидеть ошибку в ее поведении – что она отдала свое сердце неподходящему человеку.

Она была скрыта капюшоном одновременно от него и для него, до тех пор, пока она не научится снова видеть этим чистым сердцем, которое спряталось в укрытие. Он разбудит его, встряхнет его и заставит его выйти наружу и снова взглянуть на мир. И когда она

научится видеть его таким, какой он на самом деле, тогда она снова увидит его своими глазами.

Эдриен стояла неподвижно в неуверенности. Это было странно – знать, что он находится в комнате, но не знать, где или что он делает. Он мог стоять перед ней даже сейчас, его тело обнажено и блестит в свете масляных ламп. Она воображала его, освещенного мягким светом свечей. Она любила камины и факелы этого века. Что за романтика в том, чтобы жить и дышать под флуоресцентными огнями ее собственного времени?

Она сожалела о том, что капюшон лишил ее возможности видеть его, но решила, что это к лучшему. Если бы она могла видеть его, это значило, что он мог бы видеть ее глаза, и они несомненно выдали бы ее заинтересованность, если не ее готовность.

Она почувствовала шепот ветерка. Он был слева от нее? Нет, справа от нее.

– Первый раз – для того, чтобы стереть все твои воспоминания о другом мужчине.

Он кружил вокруг нее. Ее сердце оглушительно стучало. С любым другим мужчиной, невозможность видеть ощущалась бы как угроза, но не с Хоком. Потому что не смотря на его ярость, он доказал, что он благороден до мозга костей. Она знала, что хотя он ослепил ее, он сделал это в попытке завоевать ее любовь и доверие – а не для того, чтобы доминировать и подчинить ее. Не было ничего угрожающего в том факте, что он закрыл ее глаза для себя; он открыл ее сердце с помощью его шелкового капюшона. Ее неспособность видеть обострила другие ее чувства до совершенного состояния.

Когда его рука погладила ее стройную шею, она проглотила вздох удовольствия.

Хок продолжал кружить вокруг нее; подходя к ней сбоку, затем сзади, и, казалось спустя вечность, спереди. Ее уши напряженно улавливали его передвижения, ее тело вибрировало от напряжения, удивления, ожидания.

– Второй раз будет для обучения. Я буду обучать тебя тому, что означает быть любимым таким мужчиной как я. Это будет то, что ты никогда не забудешь.

Его дыхание овевало ее затылок, его пальцы подбирали ее свободно свисающие волосы. Она могла слышать только прерывистое дыхание – она не была уверена, его или ее. Она застыла от прикосновения его руки к изгибу ее будра, ощущая себя так, как будто через ее тело прошел мощный разряд электрического тока.

– В третий раз я надену путы и поводок. Я обещаю, что в этот раз приедет конец твоему сопротивлению.

Он провел пальцами по ее шее, по ее грудям, от одного соска до другого, затем вниз по ее упругому животу. Его легкая ласкающая рука проскользнула между ее ног и выскользнула, оставив после себя болезненный голод.

– Но в четвертый раз, ах, в четвертый раз, когда я услышу твои сладкие крики, этот раз будет для меня, девушка. За ожидание и за голод и за агонию желания обладания тобой. Только для меня.

Его руки были на ее плечах, сдвигая вниз шелк ее платья по ее коже. Расстегивая одну за другой маленькие жемчужные пуговки на ее затылке чем-то похожим на… зубы? Ох! Его язык пробежался по чувствительной коже ее затылка, затем двинулся еще ниже.

О небеса, это чувственное прикосновение его языка может привести ее к окончательной гибели. Шершавый бархат его языка проследовал полностью по ее позвоночнику, затем еще ниже. Она задрожала.

Ее колени ослабли, она молча пошатнулась. «Ты не должна издать ни звука», – напомнила она себе. Ни одного одобрительного звука, во всяком случае. Только протестующие.

И когда она была уверена, что она не сможет хранить молчание ни одной секундой больше, он отошел от нее, и она ощутила легкое движение воздуха от его перемещения. Она повернулась, пытаясь молча выследить его.

Ее платье на спине было расстегнуто, ее кожа была влажной от его поцелуев. Она ждала в безмолвном предвкушении. *Где же он* ?

Здесь , подумала она, когда внезапно ощутила, как он ухватился за ткань ее платья. Он стянул платье вниз и оно в шелесте шелка упало на пол. За ним последовала сорочка, и затем на ней остались только чулки, кружевной корсет и туфли.

Хок был благодарен тому, что она ослеплена капюшоном и не могла видеть как дрожат его руки, когда он опустился на колени и медленно снимал ее один чулок, стоя на коленях перед ней и скатывая его вниз дюйм за дюймом. Он покрывал благоговейными поцелуями всю ее длинную шелковистую ногу. От податливого бедра до тыльной стороны ее колена, до ее аккуратной лодыжки он осыпал ее ноги, одну за другой горячими поцелуями, старясь не пропустить ни одного притягательного дюйма ее белоснежной как сливки плоти, которую он умирал от желания попробовать.

Она даже ни разу не застонала, но он раскусил ее игру. Так как она ненавидела его, она несомненно постарается не издать ни одного звука удовольствия, только если он не сможет вырвать этот звук из ее горла. И чтобы сделать это, он должен сохранять ясную голову. Он не должен терять контроль и начинать думать об этих мерцающих завитках в соединении ее сладких бедер, находящихся всего лишь в дюймах от его рта, или о шелковистом бугорке, который находился за ними, в самом центре ее страсти. Находясь у ее ног он наслаждался каждой плоскостью и каждым изгибом ее совершенного тела. Его глаза скользили по ее крепким бедрам, вверх по ее упругому, немного закругленному животу, по сливочным грудям к алебастровой колонне шеи, где они встречались с черным шелковым капюшоном.

Эдриен знала, что если в ближайшем времени что-то не случиться, то ее ноги просто подогнутся под ней и она упадет прямо на его лицо. Не плохая идея, сообщил ее разум. Она была шокирована. Ошеломлена. Но, возможно….

Она слегка качнулась вперед.

Хок застонал, когда ее мерцающие кудряшки прикоснулись к его небритой щеке. Стоя на коленях у ее ног, он зажмурил глаза, чтобы отогнать видение, оттолкнуть потребность, не осознавая что его язык облизывает губы и его рот требует…

Покачиваясь он зарычал и вскочил на ноги, а затем его руки прикоснулись к ее телу и он понял, что у него значительные неприятности. *Куда к черту делся Хок?* – удивлялся он, когда грубо бросил ее обратно на постель. Где же Лотарио? Легендарный мастер самоконтроля, который собирался дразнить ее, пока это станет невыносимым и разрушить ее оборону? И в какой ад провалилась его воля? *Какая воля* ? Задавался он вопросом, потому что он заблудился на зеленом поле невинности, более приятном и роскошном, чем он когда-либо знал.

Эдриен застонала, когда его тело накрыло ее, прижимая ее к мягкой кровати. Каждый его дюйм представлял собой горячего, требовательно мужчину. *О, небеса* , промурлыкала женщина внутри нее. Ей захотелось крикнуть: «*Возьми меня* ». Но не так просто, она не сдастся слишком быстро.

Быстрым движением Хок сорвал капюшон с ее головы и поцеловал ее, погрузив руки в ее волосы. Он целовал ее так глубоко, что она не смогла дышать и потеряла последние остатки своего страха.

Она целовалась с несколькими мужчинами прежде. Больше чем с нескольким. Робкие поцелуи, страстные поцелуи. Поцелуи Эберхарда, которые оставляли ее холодной. Мужчина не целуется вот *так* , если только он не слишком сильно влюблен.

Он любит ее. Понимание этого трепетала в ней, где-то под верхним слоем ее кожи, затем просочилось глубже, полностью проникнув в нее. Как великолепно, знать, что он так сильно любит ее. Это было несомненно. Он держал ее лицо в своих руках так, как если бы она была самой драгоценной вещью во вселенной. Она открыла глаза и встретилась с его встревоженным взглядом, пытаясь рассказать своим ясным молчанием обо всем том, что она на самом деле чувствовала, потому что она не могла выговорить это словами. Он не знала как. У нее не было опыта.

Когда он переместился на нее сверху и его твердый возбужденный член оказался между ее ногами она сделала это, издала все те звуки, которые поклялась не произносить.

Практически она взревела. Так вот что это такое. Вот что делает людей безумными от страсти и от томления и голода. Вот то, что знал Шекспир в какое-то время своей жизни, для того, чтобы написать «*Ромео и Джульетту* », чтобы сочинить такие очаровательные любовные стихи. Это было то, что Хок подразумевал под Валгаллой.

Она выгнулась под ним, мускулы глубоко внутри нее были в огне, они горкли для чего-то, жаждущие и опустошенные.

– Эри, – выдохнул он, когда опустил голову, чтобы взять в рот один из ее сосков. Он целовал и вытягивал и мучил его. Он выпустил затвердевшую вершинку и подул прохладным воздухом на разгоряченный кончик. Слегка сжав его, затем он нежно потерся о него своей шершавой, темной бородой. Вспышка огня взорвалась в ней, распространяясь от ее грудей и затопив все тело волной желания.

Он целовал ее спускаясь вниз, двигаясь вдоль ее живота, по верхнему изгибу ее бедер, затем по нижней части бедра. Когда он остановился прямо над ее медовым жаром, даже просто его дыхание, овевающее ее чувствительную кожу, было настоящей пыткой.

Один удар сердца превратился в дюжину, и она ждала, застыв, когда последует его очередная ласка.

Когда она пришла, она тихо захныкала. Он рассыпал поцелуи по атласной внутренней стороне ее ног, затем попробовал на вкус самый центр ее голода. Когда его язык замелькал, неоднократно поглаживая ее маленький, упругий бугорок, она закричала и ее тело задрожало рядом с его телом. Она ощутила себя достигающей чего-то, взлетающей за чем-то, что было как раз за пределами ее досягаемости и … ох!

Как случилось, что она никогда не испытывала ничего подобного раньше? Хок подбросил ее к звездному небу и покружил ее между планетами, позволил ей скатиться по Млечному пути и через звезды, превращающиеся в суперновые. Он сотряс ее вселенную из конца в конец ее солнечной системы. И когда он наконец мягко позволил ей вернуться обратно, она трепетала под ним в агонии и экстазе, зная, что никогда не будет прежней. Что-то проснулось внутри нее и моргало слабыми глазами, непривычное к ослепляющей яркости и ошеломляющей интенсивности этого нового мира.

Она лежала, задыхающаяся и немного испуганная, но готовая. Готовая по-настоящему и полностью отдать себя своему мужу и начать их брак на высокой ноте, так как она знала, что это возможно. Она была готова начать говорить ему то, что она чувствовала к нему. Как сильно она на самом деле восхищается его чувствительностью и состраданием. Как сильно она обожает его силу и бесстрашие. И насколько сильно она даже лелеет его дерзкие и страстные вспышки. Как довольна она тем, что она его жена.

– Хок…

– Эри, Эри… Я… нет. Я не… – Его лицо было ожесточенным и диким и она потянулась к нему. Но она промахнулась.

Потому что Хок застыл с ревом агонии и соскочил с постели. Отскочил от нее и практически выбежал из комнаты, не оглянувшись.

В комнате было тихо, если не считать щелчка замка.

Эдриен в полном замешательстве уставилась на дверь.

Это было как лечь спать среди роз и проснуться в грязи.

Как он мог просто встать и оставить ее после этого?

Глава 26

Сидхок Джеймс Лион Дуглас не дрожит , напомнил он себе. Не теряет самообладания. Не начинает грезить наяву, подобно томящемуся от любви мальчишке, только потому, что он подарил девушке самый потрясающий оргазм за всю ее жизнь. В этом он не промахнулся.

Но дело было не в этом оргазме. И даже не в том, как она содрогалась под ним, или как прекрасно она выглядела, когда задыхалась, влажная от любви под его языком.

Дело было в том, что с ним чуть не случилось то, чего он не сделал ни разу за всю свою

жизнь – он мог излить семя, не войдя в девушку. Это и более того, он ведь любит ее, а она все еще не назвала его по имени. Даже на вершине страсти она не выкрикнула его имени. Ничего. Хотя он знал, что она вполне могла думать об Адаме. Частично из-за этого он сорвал с нее этот чертов капюшон. Маска казалась хорошей идеей в начале, но потом эту идею как раз пришлось пересмотреть.

Следующий раз, когда он будет любить ее, он оставит ее глаза незавязанными, и она будет видеть его от начала до конца, и доведет дело до этого конца. Его пульсирующий член не сможет вынести эту пытку снова.

Но он не хотел отдавать ей свое семя до тех пор, пока он не будет знать, что она принадлежит ему. Он не хотел допускать возможности того, что он не будет знать, чьего ребенка она может понести.

И затем он вспомнил о фляжке, которую дал ему старый цыган. Он тщательно обдумал это, размышляя, стоит ли сейчас использовать снадобье, которое она содержит.

Он все же может сделать это, подумал он, хотя он ненавидел побочные эффекты. То, что оно оставит его холодным и отстраненным посреди самой величайшей страсти, которую он когда-либо знал.

* * *

В следующий раз, когда он пришел к ней, стояла тишина от начала до конца.

Чуть меньше чем четверть часа назад, он сделал гримасу, когда вытаскивал пробку зубами. Он поклялся никогда не принимать это снадобье снова, но на этот раз это было необходимо. Он дожжен заставить ее хотеть его, привязать ее к себе желанием так, чтобы он смог начать работать над тем, чтобы заставить е полюбить себя. И ему нужна было ясная голова, чтобы сделать это.

Прошлой ночью он почти что сделал из себя дурака. Он определенно потерял контроль. Подошел близко к тому, чтобы выплеснуться на нее телом и сердцем; глупыми словами о любви и семенем и надеждой на детей и на долгую совместную жизнь.

Так что он запрокинул голову назад и проглотил горькое содержимое бутылочки, и подождал.

Когда он смог ощутить, как жуткие пальцы разворачиваются в его теле, только тогда он пошел к ней.

Он раздел ее догола и уложил на пол. Она не сделал ни одного движения, чтобы остановить его; она молчала, в ее глазах застыло непостижимое выражение. Это было молчаливое восхищение, но он не знал этого. Ее глаза любовно блуждали по каждому дюйму его тела, когда он смотрел куда угодно, но не ей в лицо. Она поразилась ощущениям прикосновения к спине прохладного пола и горячего мужчины сверху, но он казался каким-то другим в этот раз, когда своими руками и ртом возносил ее в это сияющее место на небе, и не один, а полдюжины раз. Он делал это с искусством, доведенным до совершенства, с почти пугающим самоконтролем, пока она, жаждущая, лежала под ним.

И ей это нисколько не нравилось.

Когда он отвернулся от нее, она почувствовала себя обманутой. Как будто его вообще не было с ней в действительности. Что из того, что он доставил ей такое наслаждение? Она хотела того солнца, которое сияло в его глазах, той неконтролируемой, дикой страсти, которая раскалялась добела между ними.

– Хок! – крикнула она ему в спину.

Он застыл и стоял неподвижно долгое время. Мускулы на его плечах и спине были напряжены. Он казался таким недостижимым.

– Ох. Не обращай внимания… – тихо сказала она, ее глаза заблестели от переполнявшей их боли.

* * *

Несколькими часами позже, Хок прополоскал рот уже в пятый раз и сплюнул в таз. Да, это было бедствием грандиозных размеров. Оно навредило ему больше, чем помогло. Снадобье сохраняло его гигантскую эрекцию и не позволяло ему разрядиться.

Существует ли что-нибудь похожее на замерзший огонь?

Он больше никогда не примет этого зелья снова. Не со своей женой.

Наконец избавившись от этого противного привкуса во рту, он оделся и направился в деревенский зал собраний, чтобы выслушать еще несколько дел, требующих разбирательства. Он должен увидеть больше людей с их нуждами и принять больше решений. И он знал, что все это время будет спрашивать себя, сможет ли он, правящий многочисленными поместьями, деревнями, замками, и людьми, когда-нибудь добиться от своей собственной жены того, чтобы она просто назвала его по имени.

Сидхок.

Это было все, чего он хотел.

* * *

Эдриен неугомонно вышагивала по комнате. Что же случилось этим днем? Она чувствовала себя грязной, словно какой-то незнакомец прикасался к ней слишком интимно, а не муж занимался с ней любовью. Совсем не так, как в предыдущую ночь, когда она видела это выражение в его глазах, эту теплоту и нежность вместе с огромным желанием. Этим днем он был какой-то отстраненный. Когда он вернулся в их комнату, чтобы одеться перед тем, как снова уйти, он все еще был ужасно далеким. Он что-то сделал, принял какой-то снадобье, чтобы сделать себя?…

Она видела эти флаконы. Они лежали в кожаном мешочке на столике у кровати прошлой ночью.

Она выпятила подбородок, когда прошагала к прикроватному столику. Нет, здесь их нет.

Куда он положил их? Ее глаза перелетели на одежду, которую он сбросил на стул, когда переодевался этим днем. Обыскав груду одежды, она нашла то, что искала и вытряхнула содержимое маленького кожаного мешочка. Один флакон пустой, но другой еще полный. Ха! Это и целебные припарки он использовал, когда менял повязку на своей руке.

Пустой флакон. Хм! Хорошо, в эту игру могли играть двое, и он проклянет тот день, когда оставил этот другой флакон лежать просто так. Подождем, когда он увидит, какой холодной она может быть!

* * *

Когда Хок вернулся в поместье ночью, он был определенно уверен, что должно быть зашел не в тот дом. Его жена ждала его в запертой спальне, абсолютно обнаженная, с диким выражением глаз, которое заставило его увериться в том, что он видит сон, или потерялся, или сошел с ума.

– Хок, – промурлыкала она, двигаясь к нему скользящими движениями.

– Эдриен? – ответил он осторожно.

Его жена была так чертовски прекрасна. И на какое-то мгновение его перестало беспокоить, почему она так себя ведет. Он измучился от ожидания и устал от желания. Так что он схватил ее в объятия, и его горячий рот жадно заскользил по ее губам.

Затем он увидел флакон, лежащий на полу у кровати, и выглядящий так, словно его уронили вскоре после употребления.

Хок издал разочарованный вздох и позволил себе еще один горящий желанием, длившийся почти вечность, взгляд на залитые румянцем щеки своей жены, на ее великолепные груди, на изгибы ее тела. И еще один взгляд – на ее темные глаза с

расширенными зрачками и ее налитой рот, похожий на сочную сливу и молящий о поцелуях.

– Девушка, ты пила это зелье? – устало спросил он.

– Ммм, – протянула она, жадно потянувшись к его губам.

Он толкнул ее, и она упала на кровать с глухим звуком. Афродизиак. Он подсчитал, что пройдет около двенадцати часов, прежде чем он будет уверен в том, что она вернулась к своему обычному состоянию строптивости.

Если бы он только взял ее сейчас – к черту честь – то это послужило бы для нее уроком, мрачно подумал он.

К сожалению, не было таких обстоятельств, при которых можно было послать к черту честь. Даже тогда, когда пульсирующий член заставлял его размышлять над тем, о какой к дьяволу чести шла речь, если дело касалось того, чтобы спариваться со своей собственной женой.

Ох, она несомненно захочет убить его, когда увидит в следующий раз.

Он запер дверь и поставил снаружи четырех охранников, пообещав убить любого, кто осмелиться зайти в комнату по какой-либо причине в течение следующих двенадцати часов.

Потом легендарный Хок сел на ступеньки и стал ждать.

* * *

Когда он в следующий раз пришел к ней, она действительно была в ярости.

– Что было в том флаконе? – бушевала она.

Хок не смог сдержать улыбку. Он попытался быстро склонить голову, прежде чем она увидит, но ему не удалось.

– О! Ты думаешь, это забавно, не так ли? Ты должен знать, что ты оставил меня здесь на всю ночь, мечтающую…о Боже мой! Ты не представляешь, как сильно я нуждалась…

– Не во мне, девушка. – Его глаза потемнели. – Не во мне ты нуждалась. Ты выпила немного афродизиака, который приготовили цыгане. Я не собирался давать его тебе или использовать его сам. Я даже не просил его у них. А ты сунула свой нос…

– Ты выпил зелье, чтобы быть холодным со мной! – закричала она. – Ты обидел меня!

Хок уставился на нее.

– Обидел тебя? Никогда! Я не причиню тебе боли, девушка.

– Но все-таки ты сделал это! – Ее глаза были широко распахнуты и блестели от слез, ее губа дрожала.

Он немедленно оказался рядом с ней.

– Как я обидел тебя? Только скажи мне, и я все исправлю.

– Ты был холоден со мной. Ты прикасался ко мне так, словно ты был незнакомцем.

Сердце Хока запело. Желание пробежало по нему горячей волной. Ей понравились его прикосновения.

– Тебе нравятся мои прикосновения? – выдохнул он, прежде чем украсть поцелуй с ее надутых губ.

– Не тогда, когда ты это делаешь как вчера! – От страха на ее лбу появилась морщинка, и он стер ее поцелуем. – Кроме того, раз ты хотел уложить меня в постель, то почему просто не воспользовался преимуществом, когда я так этого хотела? – она вздохнула, пока он осыпал нежными поцелуями ее веки и ее ресницы, затрепетав, опустились. Его губы были теплыми и бесконечно нежными, когда он поцеловал кончик ее носа, потом уже не такими нежными, когда он требовательно накрыл ее рот своим.

– Когда я буду любить тебя, то это будет не потому, что ты одурманена каким-то зельем, а потому, что ты опьянена мной, точно так же как я околдован тобой.

– Ох, – выдохнула она, когда он распустил ей волосы и позволил им свободно рассыпаться по ее плечам.

– Зачем ты завязала их? – Он расчесал пальцами ее тяжелую гриву.

– Это зелье было ужасным. Было невозможно вынести даже прикосновение

собственных волос к коже.

– Мне тоже очень трудно выносить эту твою гриву, – сказал Хок, мягко пропуская волосы сквозь пальцы. Он прикрыл глаза, потемневшие от множества чувственных обещаний. – Ты не представляешь, как часто я представлял себе ощущение прикосновения этого серебристо-золотого огня к своему члену, девушка.

Желание окутало Эдриен, когда она представила образ, вызванный в своем воображении его словами.

Он медленно подталкивал ее обратно к кровати, поощряемый дымкой желания в ее широко распахнутых глазах.

– Эта мысль заинтересовала тебя, девушка? – самодовольно промурлыкал он.

Она с трудом сглотнула.

– Тебе нужно только сказать мне, шепнуть мне, что доставляет тебе удовольствие. И я дам тебе все это.

Она собрала все свое мужество.

– Тогда поцелуй меня, муж. Поцелуй меня здесь…и здесь…ооох! – Он так быстро подчинился. Его губы были горячими, бархатистыми и требовательными. – И здесь… – У нее полностью пропал голос, когда он стянул платье с ее тела, опрокинул на постель и лег сверху.

– Я хочу задвинуть занавеси вокруг этой кровати и держать тебя здесь целый год – прошептал он в ее гладкую кожу груди.

– В таком случае со мной все будет хорошо, – прошептала она в ответ.

– Разве ты не предполагаешь сражаться со мной, девушка? – Хок отодвинулся и внимательно посмотрел на нее.

– Хм-м….

– Да, продолжай, – подбодрил он. Он знал, его глаза должны плясать от радости. Он знал, что прямо сейчас у него должно быть абсолютно нелепое выражение лица. Возможно ли это? Приручение началось и оно сработало?

– Просто прикоснись ко мне. – Она нахмурила брови. – Не задавай так много вопросов об этом!

Он тихо, раскатисто, с обещанием бесконечной страсти, рассмеялся.

– О, я прикоснусь к тебе, девушка!

* * *

– Слишком далеко. Мы зашли слишком далеко.

– Я не знаю, что вы имеете в виду.

– Я размышлял над этим. Мы должны закончить это. Королева Эобил подозревает нас. Даже все то время, что ты провел рядом с ней, не ослабило ее подозрительности. Я, со своей стороны, не желаю испытать на себе последствия ее гнева. Женщина просто должна вернуться в свое время.

Король Финнбеара махнул рукой.

* * *

И Хок рухнул на кровать. Потрясенный он посмотрел вокруг пустой комнаты.

Эдриен с грохотом упала на пол своей современной кухни.

* * *

– Ты видел то же, что и я? – задохнулся Король Финнбеара.

Адам был ошеломлен.

– Она была обнаженной. Он с трудом дышал. Она была… вот дерьмо!

Король решительно кивнул, и они оба сделали жест рукой.

– *Она остается* .

Это было одним из золотых правил. Некоторые вещи никогда не могут прерываться.

* * *

– Ты на самом деле из будущего, не так ли? – хрипло прошептал Хок, когда через несколько мгновений Эдриен появилась снова, в нескольких футах от него на кровати. Когда Эдриен напивалась в его кабинете, Лидия рассказала ему об ее исчезновениях в саду. Хок попытался убедить себя, что Лидия ошибается, но его охранники подтвердили, что наблюдали, как его жена исчезала и появлялась несколько раз в быстрой последовательности.

Значит, она все еще может вернуться в свое собственное время, даже без шахматной фигурки. *Черная королева не была тем, чем она казалась* . Предсказательница была права.

Эдриен кивнула, все еще ошеломленная своим внезапным перемещением сквозь время.

– И я не могу контролировать это! Я не знаю, когда это случится снова! – Ее пальцы судорожно вцепились в шерстяное покрывало, словно эта крепкая хватка могла препятствовать тому, что ее могло снова унести обратно.

– Ради всех святых, – он медленно выдыхал он. – Будущее. Другое время. Время, которое еще не настало.

Они пристально смотрели друг на друга, онемевшие, в течение долгого времени. В глубине его черных глаз появились тени, а золотистые отблески полностью погасли.

Неожиданно Эдриен слишком ясно поняла, что хочет никогда не возвращаться в двадцатое столетие. Она не хотела быть без него всю оставшуюся жизнь! Отчаяние сжало ледяными пальцами ее сердце.

Но уже было слишком поздно. Как она любила его! Внезапность, с которой ей напомнили, что она не в состоянии контролировать то, насколько долго она могла остаться; осознание того, что она могла быть переброшена обратно и никогда не вернуться; тот факт, что она не имела ни малейшего понятия как, или если, она смогла бы отправиться сюда снова сама по себе, ужасали ее.

Быть отправленной, нет, *приговоренной* , назад в холодный и пустой мир двадцатого столетия, зная, что мужчина, которого она будет любить вечно, умер почти за пятьсот лет до того, как она родилась, о Господи, *все, что угодно* , только не это.

Охваченная страхом от осознания этого, она пристально смотрела на него, приоткрыв губы, открытая и уязвимая.

Хок почувствовал перемену в ней; он только что был безмолвно допущен в ту часть Эдриен, к которой он так долго тянулся. Она смотрела на него с тем же освобожденным от оков выражением, которое он видел на ее лице в ту ночь на скалах Далкита, когда она загадывала желание на звезду.

Это все, что нужно было видеть Хоку. Через мгновение он был уже на ней. Понимание того, что она могла быть оторвана от него в любой момент, делало время бесконечно драгоценным. Настоящее было всем, что они имели, и не было никаких гарантий на завтра.

Он заявил права на ее тело, обрушив на нее ураган высвободившейся страсти. Он целовал и пробовал на вкус, доведенный до отчаяния страхом, что в любой момент ее губы могут быть оторваны от его губ. Эдриен целовала его в ответ с безудержной страстью. Жар разгорался ярким пламенем между ними, как и должно было быть, как и было бы с самого начала, если бы она позволила себе осмелиться поверить в то, что такая страсть, такая любовь была возможна.

Откинувшись на постель, она таяла под ним. Она обвила руками его шею и жадно притянула его голову ближе.

– Люби меня…о, люби меня, – прошептала она.

– Всегда, – пообещал он глядя в ее широко раскрытые глаза. Он обхватил ладонями ее

груди и покрыл их поцелуями, наслаждаясь тем, как бурно она отвечала ему. На этот раз все было по-другому. Она действительно видела *его* , Сидхока, а не какого-то другого мужчину, который у нее был до него, и надежда распустилась в его сердце. Неужели она начинает так же страстно желать его, как он желает ее? Могло ли быть так, что у его жены развился такой же голод по отношению к нему, который мог сравниться с его собственной потребностью в ней?

– О, пожалуйста… – ее голова откинулась на подушки. – Пожалуйста… – выдохнула она.

– Ты хочешь меня Эдриен?

– Да. Каждой клеточкой моего тела… – и *души* собиралась добавить она, но он завладел ее ртом в глубоком, горячем поцелуе.

Она хотела его, с открытыми глазами и смотря на него. Он мог сказать, что в этот раз все было по-настоящему.

Когда ее рука накрыла его налившийся фаллос, из его горла вырвался стон.

– Я видела тебя, ты знаешь, – прошептала она, с глазами, расширенными и потемневшими от страсти. – В Зеленой комнате. Ты лежал, растянувшись на спине.

Он смотрел на нее, безмолвный и зачарованный, мускулы на его шее бешено напрягались от усилий, и он пытался сказать хоть что-нибудь разумное, что угодно, но ничего, кроме хриплого мурлыкания, не прозвучало, когда ее рука крепче сжала его. Значит, она тоже смотрела на него? Как он следил за ней каждый раз, когда ему выпадал шанс?

– Ты лежал там, спящий, похожий на какого-то скандинавского бога, и это был первый раз, когда я увидела это. – Она нежно сжала руку, чтобы подчеркнуть свои слова. Он зарычал. Ободренная его ответом, Эдриен толкнула его на спину и покрыла поцелуями его скульптурную грудь. Она пробежала своим жадным язычком вниз по его животу, пробуя каждую четкую мышцу по очереди. Она исследовала его мощные бедра и пульсирующую мужественность, сделав паузу, чтобы прикоснуться дразнящим поцелуем к бархатистому розовому кончику его члена, которому позавидовал бы и жеребец.

– Ты нашла его подходящим… значительным? – прохрипел он. – То, что видела тогда, и что ты видишь сейчас?

– М-м-м… – Она сделала вид, что обдумывает его вопрос, потом облизала долгим, бархатистым прикосновением его член от основания до кончика. – Сойдет в крайнем случае.

Он с улыбкой откинул свою темную голову и зарычал.

– В крайнем случае?…Сойдет? Я покажу тебе… – Он резко замолчал, грубо схватив ее в свои объятия. Его рот требовательно завладел ее губами, и он перекатил ее на спину.

Было слишком поздно отступать или волноваться о семени или детях. Далекий от каких-либо разумных мыслей и плывущий по волнам мускусного безумия по имени Эдриен, соблазнительной сирены, которая завладела им, он поместился между ее ног и навис над ней.

Прямо перед тем, как уступить ее манящему жару, он сказал:

– Я всегда любил тебя, милая. – Он произнес это тихо и величественно.

Слезы засверкали в ее глазах и покатились по щекам. Он прикоснулся пальцем к блестящей капле и на мгновение удивился тому, как хорошо было ощущать то, что она наконец приняла его. Потом, закончив с ожиданием, он погрузился в нее. Ее глаза затуманились еще больше от внезапной боли. На ней, почти в ней, Хок стиснул челюсти и застыл. Он безмолвно смотрел на нее несколько мгновений с благоговением и потрясением в глазах.

– Пожалуйста, – убеждала она. – Не останавливайся сейчас. Пожалуйста, я хочу этого.

– Эдриен, – выдохнул он с потемневшим лицом. – Девственница, – глухо пробормотал он. Черные глаза удерживали ее взгляд несколько мгновений, затаив дыхание, пока его тело неподвижно лежало на ней.

Потом она ощутила вспыхнувшую в нем неконтролируемую вспышку неистовства, и он пробился сквозь преграду, врываясь в нее с первобытной мощью.

– Моя, – грубо поклялся он, с горящими черными глазами. – Только моя. Первая…

лучшая…и последняя. – Его красивая голова откинулась назад, и она погрузила руки в его волосы. И снова почувствовала эту непроизвольную дрожь, что сотрясала его тело с головы до ног.

Была мгновенная боль, но волны жара быстро сменили ее и звезды звали ее по имени, приглашая ее взлететь. Этот раз был еще более насыщенным, пришедший глубоко изнутри ее тела, где его горячий член полностью заполнял ее. Голос инстинкта подсказывал ей, как двигаться, как достичь своего наслаждения и одновременно обеспечить удовольствие ему.

– Не…двигайся, – сквозь стиснутые зубы шептал он ей на ухо, стараясь из всех сил не излиться в тот момент, когда ее гладкая теснота обхватила его. Он был на пределе возбудимости, ввергнутый почти в безумие страстью вместе с осознанием того, что кузнец никогда не был там, где сейчас находился он. Не даже легендарный Эвер-хард, кем бы он ни был. Он был ее первым мужчиной, ее первым и единственным любовником.

– Ничего не могу поделать…это ощущение слишком…О!.. Прекрасно! – Ее руки ласкали его спину, потом ее ногти оставили легкие отметки на загорелой коже его плеч, пока он медленно раскачивал ее под собой.

– Перестань двигаться, девушка!

– Я думала, что мне полагается двигаться…тоже, – пробормотала она совсем бессвязно. – Пожалуйста…

– Тише. Сначала я научу тебя медленной любви. А следующий раз займемся любовью дико и грубо.

– Давай займемся дикой и грубой любовью *сейчас,* – совершенно ясно потребовала она, и это сорвало оковы, которые его самоконтроль так туго натянул. Он поднял ее ноги и вонзился в нее, вытеснив беспокойство о ее девственной чувствительности из той малой части, которая еще осталось от его разума. Он входил в нее так, как ему хотелось с того первого момента, когда он ее увидел – грубым и завладевающим образом. Жестко и требовательно, с одержимостью. Жадно и почти жестоко, ставя на ней свое клеймо.

Эдриен выгибалась под ним, кончики ее пальцев коснулись звезд, когда она разлетелась на тысячи мерцающих осколков. Она почувствовала как он замер, потом яростно завибрировал внутри нее. Они взорвались вместе в совершенном ритме, совершенной гармонии.

Хок еще долгое время лежал на ней, прерывисто дыша, пока она удовлетворенно ласкала своего мужа. Его шелковистые волосы высвободились из-под ремешка, который стягивал их. Она гладила мягкую кожу его твердой мускулистой спины. *Красивый мужчина* , думала она, и эта мысль уже не несла в себе ни тени страха. Она перебирала его волосы в тишине, изумляясь своей жизни и тому, какой богатой была эта жизнь, когда он был в ней.

Наконец, он поднялся с нее в тишине, подошел и встал у окна, вглядываясь в ночь Устера.

– Ох, девушка, что же я сделал? – выдохнул он в оконное стекло.

За его спиной было молчание. Глаза Эдриен с любовью перемещались по каждому дюйму тела ее мужчины.

– Я считал тебя непостоянной и вздорной. Я полагал что ты, мой сладкий сокол, худшая среди вероломных гадюк. Мои мрачные представления расправляли свои остроконечные крылья. И насколько же я мог быть несправедлив.

Снова тишина. Он не знал, что за его спиной, нежная улыбка показалась на губах его жены.

– Девушка из далекого будущего, тебя бросили на колени мужчине, выдали замуж за меня, человека, которого ты ни разу не видела, и ты прошла через свой собственный ад еще до того, как увидела меня. А я только добавил еще один ад к тому, который уже был у тебя. Полный моих… ох, жена, что я сделал? О Боже, что я сделал с тобой?

– Ты любишь меня.

Это не было вопросом, но он с готовностью ответил.

– Да, люблю. Больше жизни, мое сердце. Я не просто выбирал приятные слова, чтобы

называть тебя, я говорил от всей души, когда звал тебя так. Я не могу жить без своего сердца. И не могу дышать без тебя.

– Ты мужчина, у которого больше, чем одно сердце?

– Нет. Только одно. Но сейчас оно ожесточенное и темное от той боли, которую я причинил тебе.

Он смотрел через окно в бездонную ночь. Девственная кровь на его члене. Девственные слезы на его руках. Девственная жена, которая никогда не лежала с Адамом, и за все ее годы, ни с одним мужчиной. Трепетный дар, который она должна была отдать по своей воле, а он вырвал его у нее с помощью собственной темной страсти.

– Сидхок. – Слетевшее с ее губ слово было любовной лаской.

Это должно быть плод его воображения. Хок думал, что будет страдать всю свою жизнь от этой пытки – напрасно ожидать слово, которое, как он знал, он никогда не услышит сорвавшимся с ее губ.

– Я так оскорбил тебя, мое сердце. Я заглажу вину, я клянусь тебе, я найду способ…

– Сидхок. – Он почувствовал ее ладони на своих боках, ее руки сзади скользнули вокруг него. Она не могла больше скрывать правду. Она должна сказать ему, должна воспользоваться каким бы то ни было временем, которым непостоянные боги позволят им насладиться. Она с любовью прижалась щекой к его спине, ощутив дрожь, охватившую его сильное тело.

– Мне снится обманчивый сон? – хрипло прошептал он.

– Я люблю тебя, Сидхок.

Он обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо, его полузакрытые глаза потемнели.

– Посмотри на меня и скажи это! – прогремел он.

Эдриен обхватила ладонями его красивое темное лицо.

– Я люблю тебя, Сидхок, мой муж из плоти и крови. Это единственная причина, по которой я могла так сильно ненавидеть тебя.

Возглас радости сорвался с его губ, но глаза все еще смотрели недоверчиво.

– Я полюбила тебя с той ночи у моря. И все сильней ненавидела тебя за каждую эту минуту.

– Но королевская шлюха…

– Ничего не говори. Я эгоистичная женщина. Муж Эдриен – это тот, кем ты являешься сейчас. И больше никто. Но я благодарна доброму королю за совершенствование твоего мастерства, – дерзко поддразнила она. Некоторые раны излечиваются быстрее, если их вскрыть. И они больше не угрожали ей, потому что она поняла, что это благородная, доблестная его часть заставляла его делать все, что он должен был делать, чтобы защитить тех, кого он любил. Хотя ни он, ни Лидия многого не рассказали ей, она была в состоянии догадаться о некоторых вещах сама.

Он засмеялся ее дерзости, но быстро стал серьезным.

– Я должен жениться на тебе снова. Я хочу обменяться клятвами. Между *нами* , а не через доверенное лицо. – Разве не волшебством ее перебросило сквозь время? Когда она исчезла прямо из его объятий, он, наконец, признал то, что его жена пришла к нему с дальних берегов будущего времени, а чем это могло быть, как не волшебством? Волшебством, которое он не мог контролировать.

Но что, если они смогут сотворить свое собственное маленькое волшебство? Ходили легенды, что брачные клятвы, произнесенные внутри круга огней Самайна, в знаменательный вечер перед праздником дня Благословенных Усопших, связывали двух человек за пределами человеческого понимания. Что, если они произнесут свои брачные клятвы, заверят их перед загадочными цыганами, в эту священную ночь? Сможет ли он привязать свою жену наперекор любым границам времен? Он попробовал бы все, что угодно.

– Да, – выдохнула она с радостью, – так и сделаем.

– Мне только жаль, что я упустил это с самого начала. Знай я, что это ты ждала меня в

замке Комина, я приехал бы сам, сердце мое. С самого первого дня обручения.

Но в его глазах все еще была тревога, и она подняла руку, чтобы отогнать тени прочь. Он поймал ее и нежно поцеловал ладонь, затем сжал ее пальцы в кулак.

– Ты доверяешь мне, девушка? – тихо спросил он.

Доверие. Такая хрупкая, тонкая, изысканно ценная вещь.

Хок смотрел на нее, эмоции вспыхивали на ее выразительном лице, сейчас удивительно открытому для него. Он знал, что она думала о тех мрачных временах, о которых никогда не рассказывала. Однажды она доверит ему все свои самые сокровенные мысли и страхи, и она поймет, что то что произошло с ней в прошлом, не имеет значения, потому что это никогда не сможет изменить его чувства к ней.

Эдриен с нежностью смотрела на мужчину, который снова научил ее доверию. Мужчина, из-за которого она так безнадежно и беспомощно потеряла свое сердце. Этот мужчина, который щедро расточал честь, мужества, сострадание и благородство. Ни ее, ни его прошлое не имели значения для такой любви, какая была у них.

– Доверяю ли я тебе, Сидхок? Всем моим сердцем и даже больше.

Его улыбка была ослепительной.

– Эдриен…

– Мой господин – ее голос был тихим и теплым, и беззаботным, как у девочки.

Когда он взял ее на руки, она задрожала от желания.

– Мой господин!

* * *

Эдриен не видела, что над ее головой его глаза потемнели. Как он собирается защищать ее? Как может обеспечить ее безопасность? Как быстро он сможет добраться до Адама и понять, что там происходит? Потому что не важно, какими бы извилистыми путями не путешествовал его разум, пытаясь разобраться в странных событиях, затрагивающих его жену, все они, казалось, возвращались по кругу, останавливались и разбивались непосредственно о проклятого кузнеца. И это *была* не обычная ревность, хотя Хок с готовностью признался бы в неизменной неприязни к этому мужчине.

Это не черная королева принесла Эдриен к нему, и так безжалостно отрывала ее от него. Это было очевидно.

Тогда что же это было?

Кто-то или что-то еще обладало этой властью. Властью уничтожить Лэрда Далкита одним ударом – удалив прочь его желанную жену. Что за игра, что за ужасное, извращенное развлечение разыгрывалась в Далките? Что за сила заинтересовалась им и почему?

«Я пришел сюда ненавидеть тебя, Хок. Но я пришел не для того, чтобы ненавидеть женщину, которую ты назвал своей женой». Слова Адама эхом прозвучали в его сознании, и он начал видеть пока что смутные очертания тщательно задуманной мести. Но это значило, что Адам Блэк обладал могуществом, в существование которого Хок никогда не верил. Обрывки и части цыганских историй, которые он слышал, будучи мальчишкой, снова всплыли в его гудящем сознании, породив вопросы и сомнения. Истории о Друидах и Пиктах, и, да, нечестивых и вредных Эльфах. Лидия всегда говорила, что любая легенда частично основывалась на фактах, мифические элементы были просто необъяснимыми, но не обязательно ложными.

О, его любовь испытала на прочность границы его веры в натуральный мир и разнесла эти границы вдребезги.

Но если ему пришлось поверить такому волшебству, как путешествия во времени, то какое волшебство он мог посчитать слишком невероятным? Никакое. Он не мог отвергнуть никакой возможности, даже самой сверхъестественной, не обдумав ее сперва.

Адам Блэк оказался способен исцелить от ранее неизлечимого яда каллаброна. Адам Блэк, казалось, всегда знал чертовски слишком много. Адам Блэк прямо признал, что

появился в Далките для мести.

Цыгане ушли прочь от кузницы Адама. Цыгане, которые *верили* легендам и мифам.

И Хок, обязанный Адаму жизнью своей жены, заставил себя не обращать внимания на все странности, приписывая их своей глубокой неприязни к кузнецу, убеждая себя, что видит драконов в пушистых очертаниях безобидных облаков.

Он никогда не позволил бы ей уйти, но что-то или кто-то еще могли забрать ее у него в минутной прихоти.

Он найдет это, уничтожит и освободит ее – он поклялся в этом своей жизнью.

Потому что для него не было жизни без нее.

Глава 27

Хотя Хок настоял на том, чтобы уехать рано на следующее утро, он также позаботился о том, чтобы они приятно провели время по дороге в Далкит. Он послал половину охраны ехать впереди и приказал остальным держаться на приличном расстоянии позади него и его леди, чтобы обеспечить им уединение. Он вернётся в Устер и проследит и рассудит оставшиеся дела поместья в будущем, после того, как эта его битва будет завершена.

Эдриен была глубоко взволнована его безотлагательным намерением вернуться в Далкит, чтобы скрепить их союз клятвами. И в такой же степени она была возбуждена трёхдневной поездкой, с долгими развлечениями в прохладных водоёмах с пузырящейся ключевой водой. Ещё более долгими интерлюдиями страсти на упругом мхе под навесом из ярких трепещущих листьев. Моменты, во время которых он дразнил, уговаривал и обучал её до тех пор, пока краснеющая девственница не обрела уверенность в своей только что открытой женственности, взволнованная ощущением женской власти над ее мужчиной. Вскоре она стала опытной в тонких способах прикосновений и разговоров, в том, как увлажнять губы и призывно манить глазами. Она узнала о тайной нежности и мгновенных откликах, которые превращали её милого, прекрасного мужчину в пульсирующего и затвердевшего дикаря.

Она была немного ошеломлена, увидев, как осень раскрасила холмы с вдохновением художника; листья светящихся оттенков оранжевого, винно-красного и масляно-янтарного цветов глухо шелестели под копытами лошадей, когда они ехали верхом под ветвями, покрытыми золотым урожаем. Белки пищали и скользили по деревьям с бросающими вызов гравитации прыжками. Шотландия во всем ее величественном великолепии, с распыленной в воздухе любовью, превратила простые дары природы в сказочный гобелен. Эдриен никогда не осознавала, что мир был таким удивительным местом.

Она будет вспоминать об этом неспешном возвращении в Далкит, как о своём медовом месяце; времени необыкновенной страсти и нежной романтики. Время для блаженного исцеления и любви. Совершенно очевидно, что это были самые счастливые дни её жизни.

* * *

Позже, на второй день, когда они лежали на серо-голубом пледе Дугласов, беспричинная боль кольнула Эдриен, и она не смогла сдержать свой язык. Сжав лицо Хока в своих руках, она поцеловала его крепко, горячо и соблазнительно, потом отодвинулась от него и сказала:

– Если ты когда-нибудь снова запретишь мне видеть тебя, муж мой, я разберу стены Далкита, камень за камнем, чтобы добраться до тебя.

Хок покачал головой, его мысли были в совершенном беспорядке от её провоцирующего поцелуя, и пришли в ещё большее замешательство от её слов. Он захватил ее губы долгим и столь же яростным поцелуем, и когда она тихо лежала, задыхаясь, под ним, произнес:

– Если ты когда-нибудь не захочешь навестить меня, когда я поправляюсь после

ранения, я построю ещё одну каменную башню в Далките и запру тебя там, как взятую в плен невольницу моей любви, чтобы ты больше ни в чём не отказывала мне.

Теперь была её очередь смотреть на него в полном замешательстве, ее губы припухли и порозовели от его жаркого поцелуя.

– Если ты имеешь в виду тот случай, когда ты был ранен стрелой, то я *пыталась* увидеть тебя. Гримм не позволил мне.

Взгляд Хок сражался с её собственным.

– Гримм сказал, что ты не приходила ни разу. Он сказал, ты крепко спишь в Павлиньей комнате, без малейшего беспокойства в твоей голове, за исключением того, как скоро я умру и оставлю тебя свободной.

Эдриен задохнулась.

– Никогда! Я была прямо за дверью. Спорила и боролась с ним. Кроме того, он поклялся, что ты запретил мне входить в комнату!

– Я никогда не запрещал тебе войти. Нет, я открыл свою душу и молил тебя войти. Сейчас ты говоришь мне, что приходила, чтобы увидеть меня в ту ночь, а Гримм сказал тебе, что я отдал приказ, чтобы тебя не впускали?

Эдриен кивнула, с широко распахнутыми глазами.

Тёмная ярость мелькнула на лице Хока, когда он вспомнил ту агонию, которую вытерпел, поверив в то, что она даже не побеспокоилась узнать, жив ли он и дышит ли он. Внезапно он понял неловкое поведение своего друга в ту ночь. Тот взгляд Гримма, который показался ему не совсем спокойным. То, как он нервно раздувал и без того ярко пылающий огонь и бесцельно подталкивал потрескивающие поленья.

– Гримм, что за обман ты осуществляешь? – прошептал он. Мог ли Гримм желать зла Эдриен? Или только пытался защитить его, своего друга и боевого товарища, ещё от большей боли?

Но несмотря ни на что, его поступки были недопустимыми. Не важно как долго длилась их дружба, ложь он никогда не смог бы перенести. А ложь Гримма вбила клин между ним и его женой, клин, который заставил Хок мчаться в Устер. Что, если бы он не вернулся за Эдриен? Как далеко в стороны могла бы развести их друг от друга ложь Гримма? Что мог сделать Адам с его женой, если бы он не вернулся за ней?

Хок стиснул челюсти. Эдриен положила ладонь на его щеку и мягко сказала:

– Хок, я не думаю, что он хотел причинить какой-то вред. Кажется, он пытался защитить тебя. Он сказал, что я не принесла тебе ничего, кроме боли, и что это полностью его вина.

– *Его* вина?

– За то, что загадал желание на звезду.

Хок фыркнул.

– Желания, загаданные на падающие звёзды, не сбываются, девушка. Любой бестолковый ребёнок знает это.

Эдриен с озорством выгнула бровь:

– Но он сказал, что загадал на появление совершенной женщины. – Она прихорошилась. – И я определённо отвечаю всем требованиям, – подразнила она.

– Да, это так, – прорычал Хок. С грешной улыбкой, он накрыл ладонью одну из её совершенных грудей и толкнул её обратно на плед, когда их страсть снова начала разгораться. Его последней связной мыслью, до того как он потерялся в красоте и чуде, которыми была его жена, было то, что Гримм должен ему дать ему несколько ответов, и извиниться перед его женой. И если он должен был признать это, то исходя из того, что он знал, желания, загаданные на падающую звезду действительно могли сбываться. Гораздо более странные вещи случались за последнее время.

* * *

В последний день Хок гнал коня, словно одержимый. «*Мы украли три дня* », – мрачно размышлял он, прижимая жену к своей груди в собственническом объятии, прижимаясь щекой к её шелковистым волосам.

В лесу он чувствовал себя в безопасности, потому что любой враг, который угрожал его жене, не знал, где она находится в этот момент. И он тянул это время, растягивал его, чтобы оно продлилось подольше, храня свои тревоги подальше от своей жены, желая ничем не омрачить её удовольствие.

Кроме того, он почти что засыпал каждый раз, после того как его требовательная юная жена находила к нему подход. Дьявольски странная вещь. Никогда раньше он не падал на землю таким насытившимся и удовлетворённым. О, но эта девушка обладала каким-то сильным волшебством.

Но сейчас его мысли угрюмо обратились к тому, что их ждало впереди. До празднования дня Благословенных Усопших, предупреждал Рушка. Самайн наступал завтра, а день после Самайна был праздником Благословенных Усопших – или Всех Святых, как его некоторые называли.

В Самайн для любого человека было опасно оставаться одному. Ходили слухи, что эльфы бродили по земле в такую ночь, используя всю свою волшебную силу. Ходили слухи, что зло множилось в Самайн, и вот почему кланы складывали двойные костры из берёзы, рябины, дуба и сосны, и окапывали их глубокими рвами. Там они собирались все до одного, каждый мужчина, женщина и ребёнок, и праздновали вместе, защищённые кругом огня.

Внутри этого кольца, он свяжет свою жизнь со своей женой и попытается сотворить для них собственное волшебство.

Но он мог интуитивно чувствовать, что что-то может пойти совершенно неправильно.

Часть 3 – САМАЙН [1]
(Жатва)

Что без тебя просторный этот свет?
В нем только ты. Другого счастья нет.
В.Шекспир – Сонет 109[2]

Глава 28

Адам насвистывал, покидая эльфийский остров Морар. Время, обычно ничего не значащее для него, пронеслось мимо, один бесценный день за другим. Когда он играл в игры со смертными, время постоянно причиняло ему беспокойство. Слишком надолго забросил он свои дела в Далките, так как потребовалось некоторое время, чтобы убедить его Королеву в том, что он не замышляет никакого вреда.

А теперь далеко видящий Адам направил свой разум в сторону Далкита, чтобы изучить произошедшие изменения в его игре. Он застыл и снова засвистел. Как они посмели?

Когда его Королева произнесла эти проклятые слова, решившие судьбу Хока, Адам повсюду искал совершенное орудие мести. Он бродил сквозь века, прислушивался, присматривался, и, наконец, с предельной точностью выбрал идеально подходящую женщину. Адам не был тем, кто часто портил жизнь смертным, но когда он это делал, то об этом слагали легенды. И Адаму это нравилось.

Некоторые называли его Пэком. Бард [3] назвал бы его Ариэлем.

Другие по-прежнему знали его, как Робина Доброго Малого [4]. Шотландцы называли

1 Самайн (кельтский Новый год, празднуется 31 октября).
2 Перевод С.Маршака.
3 В.Шекспир.
4 Робин Гудфеллоу – веселый и проказливый дух; персонаж английских народных сказаний.

его sin siriche du – чёрным эльфом. Иногда Адам принимал вид светящегося безголового всадника, или гримасничающего привидения, несущего косу, только чтобы подольше оставаться в памяти смертных. Но какое бы волшебство он не применял, он *всегда* выигрывал то, что собирался выиграть. И он был так уверен в успехе на этот раз! Женщина не только выросла в магическом Новом Орлеане, но она так неистово зарекалась от мужчин, что он её услышал сквозь века. Адам наблюдал за ней несколько недель, прежде чем сделал свой осторожный выбор; он изучал её, узнал всё, что можно было узнать, об очаровательной Эдриен де Симон. Он знал о ней то, что не знал даже её возлюбленный муж. Он был убеждён, что она была той женщиной, которая обязательно возненавидит легендарного Хока.

Сейчас Адам двигался к Далкиту-на-море, и его далеко видящий взор обнаружил блаженствующую Эдриен, в голове которой мечтательно нежились свадебные планы.

Но Хок, ах…Хок был сейчас не так расслаблен. Он чувствовал, что что-то было не так. Он будет готов.

Адам принёс сюда Эдриен, чтобы она отвергла Хока, и конечно же для того, чтобы предъявить права на красавицу самому. Редко рождаются такие волнующие смертные создания, как эта женщина. Даже Король высказался по поводу её совершенства. Что за сладкая месть, женить Хока на женщине, которая никогда его не полюбит, и которую Адам сделал бы своей. Наставил бы рога мужчине, который оскорбил Короля Эльфов. Но, кажется, он был так же не прав по отношению к Эдриен, как и по отношению к Хоку. Недооценил их обоих, вот что он сделал.

Она любила Хока так же сильно, как Хок любил её.

Адам резко вытянулся и хитро ухмыльнулся, когда его посетило вдохновение. Какой мелкой местью было бы просто наставить рога Хоку.

Новая и по-настоящему разрушительная возможность прямо сейчас пришла ему на ум.

* * *

Лидия и Тэвис сидели на мощеной террасе Далкита, когда поздно ночью приехали Хок и Эдриен.

Сидя в глубокой тени, тихо разговаривая и потягивая сладкий портвейн, они смотрели, как молодые люди въехали во двор, спешились и, взявшись за руки, двинулись к террасе. Глаза Лидии засверкали от счастья, когда она это увидела.

Эдриен что-то сказала, заставив Хока рассмеяться. Когда он потянулся, лениво остановил ее и поцеловал, она сорвала ремешок, чтобы распустить его волосы, и выбросила его в ночь. То, что началось как нежный поцелуй, углубилось до голодной страсти. Шли долгие минуты, а их поцелуй всё еще длился. Затянувшийся, дикий, горячий поцелуй между Лэрдом Далкита-на-море и его леди. Они целовались под почти полной луной, на лужайке прямо перед террасой.

И продолжали целоваться.

Улыбка Лидии исчезла, и она неловко переместилась на стуле. Она заставила себя сделать глубокий, тяжёлый вдох и пожелала, чтобы ее сердце прекратило биться с такой нелепой быстротой. Она думала, что её тело, возможно, наконец-то забыло такую страсть. Но на это было мало шансов.

– Вот это настоящий поцелуй, скажу вам. – Раздался над ней голос Тэвиса с сильным акцентом.

– Н-настоящий… поцелуй. – Лидия сглотнула. Как давно это было, когда мужчина вот так целовал её?

Незаметно Тэвис придвинулся ближе, и Лидия резко посмотрела на него.

Потом её взгляд стал внимательным.

Тэвис МакТарвит был очень привлекательным мужчиной. Как могло произойти такое, что ей не удавалось заметить это до настоящего момента? И что за скрытная улыбка на его лице? – удивилась она.

– Чему ты улыбаешься? – резко спросила она.

– Это чудесная ночь в Далките, скажу вам, – мягко сказал он. – Они вернулись домой. И мне кажется, что скоро у нас здесь появятся маленькие ребятишки, и я скажу это снова.

– Хм, – фыркнула Лидия. – Ты уже выяснил, как готовится кофе, старина? Я была бы рада, если бы утром ее ждала хорошая чашка кофе.

– Миледи. – Его ласковый взгляд упрекал её. – Я человек с талантливыми руками, помните? Конечно, я сумею сварить кофе.

Талантливые руки . Слова задержались в её голове дольше, чем ей это могло бы понравиться, и она украдкой взглянула на эти руки. Это действительно были хорошие руки. Большие и сильные, с длинными, ловкими пальцами. Умелые. Они дубили мягкую кожу и нежно подрезали розы. Они осторожно расчёсывали её волосы и заваривали чай. Какие ещё удовольствия способны были подарить эти руки женщине? – подумала она. «*О, Лидия, сколько чудесных лет ты потратила впустую, не так ли, девушка* ?» Настоящий голос её сердца, молчавший все эти годы, наконец-то заговорил.

Лидия незаметно пододвинулась ближе к Тэвису, так что их руки лежали совсем рядом друг с другом. Это было нежное прикосновение, но предполагалось, что оно ему многое скажет. Так и произошло.

Позже ночью, когда Тэвис МакТарвит положил свою стареющую, но всё ещё сильную и способную руку на её собственную, Лидия из Далкита сделала вид, что не заметила этого.

Но все равно крепко сжала пальцы вокруг его руки.

* * *

Было раннее утро, время, когда прохладная луна очень недолго плывёт по небу в тандеме с солнцем, тогда Эдриен почувствовала, как Хок выскользнул из вырезанной вручную кровати в Павлиньей комнате. Она задрожала от мимолётной прохлады, пока одеяло снова уютно не обернулось вокруг её тела. Его пряный запах сохранился на одеяле, и она уткнулась в него носом.

Когда они приехали прошлой ночью, Хок подхватил её на свои руки и, перепрыгивая через три ступеньки за раз, пронёс свою залившуюся румянцем от смущения жену мимо удивленных слуг. Он приказал доставить в спальню Лэрда бадью с горячей водой, и они искупались в ванне с ароматным, чувственным маслом, которое осталось на их телах. Он занимался с ней любовью жёстко и властно на ложе из брошенных перед камином покрывал, и их пропитанные ароматной смесью тела скользили плавно, с изысканным трением.

Руки мужчины предъявляли права на Эдриен и ставили на ней клеймо. Они покоряли, приводили в восторг, и совершенно поглотили ее. Она охотно отбросила все сознательные мысли, став животным, чтобы спариваться со своим диким чёрным жеребцом. Когда он нёс её на кровать, она проводила руками по его телу, его лицу, полная приятных воспоминаний, запоминая каждую линию и изгиб и сохраняя эти воспоминания с помощью своих рук.

Но так или иначе в промежутке между великолепными занятиями любовью и сном между любовниками возникло безмолвие. Оно лежало в их постели как брошенная незнакомцем перчатка. И она чувствовала, как эта перчатка сжалась в кулак тишины, и заблудилась в страхах, которые не могла контролировать.

В отчаянии она сплела пальцы Хока со своими. Возможно, если она будет достаточно крепко его держать и её снова перебросит в будущее, то она сможет забрать его с собой…

Она провела много томительных часов, притворяясь, что спит. Боясь заснуть.

И сейчас, когда он выскользнул из постели, она почувствовала вновь вернувшийся страх.

Но она *немогла* держать его руку каждую минуту каждого дня!

Она молча перекатилась на бок, выглянув из одеял, и замерла в восхищении.

Он стоял у сводчатого окна, откинув назад голову, словно прислушивался к звукам наступающего утра и узнавал тайны из криков проснувшихся чаек. Его руки лежали на

каменном выступе окна, и последние лучи лунного света ласкали его тело, покрывая его расплавленным серебром. Его глаза были тёмными, полными теней озёрами, когда он смотрел на рассвет. Его суровый профиль мог быть высечен из того же камня, из которого был построен Далкит-на-море.

Она закрыла глаза, когда он потянулся за килтом.

Тишина сжала её сердце, обхватив его своими пальцами, когда он покинул Павлинью комнату.

* * *

Хок стоял в дверном пролёте на втором этаже, с потемневшими от гнева глазами. От гнева на свою беспомощность.

Было ошибкой привезти ее обратно в Далкит. Большой ошибкой. Он знал это. Даже воздух в Далките казался напряжённым, словно кто-то расплескал ламповое масло по всему замку, и сейчас лежал, выжидая, готовый бросить зажжённую свечу и, отступив назад, наблюдать как их жизни будут поглощены надвигающимся адским пламенем. Он не сомневался – Далкит не был для неё безопасным местом.

Но она исчезала и в Устере тоже.

Тогда они просто должны уехать ещё дальше. В Китай, например. Или в Африку. По крайней мере, убраться к дьяволу из Шотландии.

К черту все это! *Его* место было в Далките. *Их* место.

Далкит-на-море был всей его жизнью. Он столько вынес для того, чтобы для него настало это время. Возвращаться домой. Видеть их сыновей, играющих на обрыве скалы. Видеть их дочерей, бегающих в саду, шлёпающих маленькими ножками по мху и вымощенным дорожкам. Тёплым днём купать детей в прозрачном голубом озере. Благоухающей летней ночью соблазнять свою жену в фонтане под пологом мерцающих звёзд.

Он заслужил то, чтобы провести остаток своих лет, прогуливаясь с Эдриен среди этих холмов и долин, наблюдать за морем и постоянной сменой времён года на этой земле, построить дом, наполненный любовью, воспоминаниями и приключениями. Он заслужил каждую часть всего этого – и, чёрт побери – он был эгоистом! Он хотел всю мечту целиком. «*Тебе следовало держаться подальше, Хок, и ты это знаешь. Что заставило тебя подумать, что ты сможешь сражаться с тем, что не можешь даже назвать* ?» Он крепко зажмурил глаза и колебался в темноте. Отказаться от Далкита ради неё? Он наклонил голову вперед, поникнув под тяжестью сокрушительных решений. Он вздохнул, чтобы потушить горящие кострами мечты, и этот вздох дрожью отозвался во всем его теле. Да. Он женится на ней в Самайн. Потом он увезет её так далеко отсюда, как это потребуется. В напряжённой тишине он уже начал прощаться. Прощание займёт некоторое время, так как существовало много вещей, с которыми ему надо было попрощаться в Далките-на-море.

Рискнуть остаться там, где какие-то силы могли управлять его женой? Это явно невозможно.

«Мы не можем остаться», – сказал он безмолвно ждущей комнате – той комнате, с которой ему наиболее важно было попрощаться. Его детская. – «Бежать – это единственная разумная вещь, которую можно сделать в этом случае. Это единственно верный способ обезопасить её».

Он потёр глаза и прислонился плечом к дверному косяку, пытаясь усмирить эмоции, бушующие в нём. Он был пленён, невероятным образом привязан к девушке, невинно спящей в его постели. Эта ночь, разделённая с ней, была всем, что он когда-либо мечтал однажды познать. Возникла невероятная близость, когда он занимался любовью с женщиной, чью каждую мысль он мог читать, как открытую книгу. Это были не просто занятия любовью – сегодня ночью, когда их тела сливались воедино в страсти, он чувствовал такую завершённую близость, что это выбивало его из колеи. Это, а не что-то другое,

сместило и опрокинуло все его приоритеты, установив новую, идеальную позицию. *Она стояла на первом месте* .

Хок стиснул челюсти и он тихо выругался. Его глаза с любовью блуждали по колыбелькам, вырезанным игрушкам, мягким одеяльцам и высоким окнам, открытым бархатному рассвету. Он мог подарить ей ребёнка – чёрт, она могла уже носить его. А кто-то или что-то может вырвать её и ребёнка прямо из его рук и его жизни. Это уничтожит его.

Далкит будет процветать и без него; из Адриана получится прекрасный Лэрд. Лидия вызовет его домой из Франции. Илисс составит компанию матери, а Адриан женится и принесёт детей в эту детскую.

Он не испытает сожалений. Он сможет завести детей с Эдриен в фермерском домике и станет таким же счастливым.

Хок постоял ещё немного, пока проблеск улыбки не появился на губах.

Он закрыл дверь за своей давней мечтой с тихой улыбкой и с тем почтением, полностью понять которое может только влюблённый человек. Вообще-то комната никогда не была его мечтой.

Его мечтой была *она* .

* * *

– Хок! – Нижняя губа Лидии дрожала в невысказанном протесте. Она отвернулась, чтобы посмотреть на запутанное сплетение роз.

– Это должно быть сделано, мама. Это единственный путь, когда я могу быть уверен, что она в безопасности.

Лидия заняла руки заботливым отрыванием засохших листьев и подрезкой своих роз, как делала это уже тридцать лет.

– Но уехать! Этой ночью!

– Мы не можем рисковать и остаться, мама. И у меня нет другого выбора, который я могу сделать.

– Но еще даже Адриана здесь нет, – запротестовала она. – Ты не можешь отказаться от титула, когда нет никого, чтобы заявить права на него!

– *Мама* . – Хок не стал указывать ей на то, каким нелепым был её протест. По её смущенному выражению лица было видно, что она знает о том, что цепляется за любую причину, какую может придумать.

– Ты говоришь о том, что забрать у меня моих внуков! – Лидия с трудом бросила на него взгляд сквозь слёзы.

Хок посмотрел на неё со смесью глубокой любви и терпения.

– Твоих внуков, которых у тебя ещё даже нет. И у нас не будет шанса произвести их на свет, если я потеряю её из-за того, чем бы оно ни было, что контролирует её.

– Ты можешь увести её далеко от этих краёв и *всё равно* потерять её, Хок. Пока мы не обнаружим то, что контролирует её, она никогда не будет в настоящей безопасности, – упрямо стояла на своем Лидия. – Она и я, мы планировали изучить все детали каждого случая, когда она путешествовала во времени, чтобы найти сходство. Вы сделали это?

Хок покачал головой, прикрыв глаза.

– Ещё нет. По правде говоря, я был не склонен поднимать этот вопрос. Она же напротив. Но я пока молчу. Когда мы поженимся и уедем, у нас будет время поговорить об этом.

– Хок, может быть, цыгане…

Хок раздражённо покачал головой. Он уже пытался применить такую тактику этим утром. Это был его последний шанс. Он нашёл Рушку на юго-западных холмах вместе с его людьми, которые копали рвы и собирали хворост от семи разных деревьев для костров. Но Рушка категорически отказался обсуждать его жену в любом качестве. Также Хок не смог завести с ним разговор и о кузнеце. Он был чертовски раздражён тем, что не мог даже силой

вытянуть ответы из тех, кто зависел от его гостеприимства. Но цыгане – да, цыгане в действительности не зависели ни от чьего гостеприимства. Когда начинались какие-либо сложности, они уходили на более подходящее место. В этом была абсолютная свобода.

Если уж на то пошло, то и проклятого кузнеца Хок тоже не мог найти.

– Мама, где Адам?

– Кузнец? – безучастно спросила Лидия.

– Да. В его кузнице не разведен огонь. Его повозка отсутствует.

– Честно сказать, я его не видела с тех пор…дай подумать… возможно, с тех пор, как вы двое уехали в Устер. Зачем, Хок? Ты думаешь, что он имеет какое-то отношение к Эдриен?

Хок медленно кивнул.

Лидия атаковала его с другого угла.

– Подумай хорошо! Если ты заберёшь Эдриен отсюда, а Адам имеет к этому какое-то отношение, то он может просто последовать за вами. Лучше остаться здесь и бороться.

Она задохнулась, когда Хок повернул к ней свой потемневший взгляд.

– Мама, я не рискну потерять её. Мне жаль, что это не нравится тебе, но без неё…ах, без неё… – Он замолчал и задумался.

– Без неё что? – едва слышно спросила Лидия.

Хок только покачал головой и ушёл.

* * *

Эдриен медленно шла по двору замка в поисках Хока. Она не видела его с той поры, как он покинул их постель ранним утром. Хотя она знала, что скоро будет стоять рядом с ним, произнося свои брачные клятвы, она не могла избавиться от ощущения, что как будто что-то плохое должно было случиться.

Она приблизилась к покрытым мхом камням башни. Эта башня напомнила ей тот день, когда Хок дал ей первый урок того, как надо приручать сокола.

Как *отчаянно* была приручена леди-сокол.

Она открыла дверь и заглянула внутрь, слабая улыбка промелькнула на её губах. Какой напуганной и околдованной Хоком была она в тот день. Какой искушаемой и полной надежды, но все же еще не способной доверять.

Что это – ей послышалось хлопанье крыльев? Она с подозрением вгляделась в темноту, потом зашла внутрь.

Часть её совсем не удивилась тому, что дверь за ней быстро закрылась.

Когда она погрузилась во мрак, то к ней неожиданно пришло понимание. Это была та опасность, которой она так боялась – что бы и кто бы ни был за её спиной.

С прошлой ночи Эдриен ощущала себя словно балансирующей на острие бритвы, в ожидании чего-то плохого, что должно было произойти. Сейчас она совершенно ясно поняла, что не давало ей спать всю ночь – это снова были её инстинкты, предупреждающие её о неминуемой обреченности, кричащие о том, что это был лишь вопрос времени, перед тем, как её мир разлетится на куски.

И кто бы ни был за её спиной, он был предвестником её уничтожения.

– Красотка.

Голос Адама. Тело Эдриен застыло. Она стиснула челюсти, ее руки сжались в кулаки, когда он схватил её в темноте и тесно прижался бёдрами к округлостям её ягодиц. Она отшатнулась вперёд, но он обхватил её руками и притянул обратно к своему телу.

Когда его губы коснулись её шеи, она попыталась закричать, но не смогла издать ни звука.

– Ты знала, что я приду, – выдохнул он ей в ухо. – Не так ли, моя прекрасная?

Эдриен хотела возразить, выкрикнуть опровержение, но какая-то часть в ней *знала* – на интуитивном, глубоко подсознательном уровне. В этот миг, все её случайные встречи с

Адамом Блэком внезапно стали кристально-чистыми в её сознании.

– Ты заставлял меня забыть, – зашипела она, когда воспоминания затопили её. – Те странные вещи, которые ты делал – когда твое лицо сделалось похожим на лицо Хока у фонтана – ты каким-то образом заставлял меня забыть, – обвиняла она.

Адам засмеялся.

– Я заставлял тебя забывать и тогда, когда брал с собой в Морар, даже ещё раньше, чем в этом случае. Сейчас ты помнишь, как лежала в песке со мной, сладкая красотка? Я возвращаю его тебе, это украденное время. Помнишь, как я прикасался к тебе? Помнишь, как забрал в свой мир, чтобы вылечить тебя? Я прикасался к тебе и тогда тоже.

Эдриен вздрогнула, когда воспоминания в её сознании очистились от тумана.

– Я забираю у тебя то, что тебе не нужно вспоминать, красотка. Я мог бы забрать у тебя воспоминания, с которыми ты счастлива была бы расстаться. Мне сделать это, красотка? Освободить тебя от Эберхарда навсегда? – Адам прижался губами к её шее в долгом поцелуе. – Нет, я придумал, я сотру каждое воспоминание, которое у тебя есть о Хоке – заставлю тебя ненавидеть его, сделаю его незнакомцем для тебя. Понравится ли тебе это?

– Кто ты? – Эдриен задохнулась, а ее глаза наполнились слезами.

Адам медленно поворачивал её, держа в объятиях, пока она не посмотрела ему в лицо. Его лицо было равнодушным и в сероватом полусвете определённо не выглядело человеческим.

– Мужчина, который собирается уничтожить твоего мужа и всё в Далките, если ты не сделаешь в точности то, что я скажу, прекрасная Эдриен. Полагаю, ты будешь слушать меня очень, очень внимательно, если ты его любишь.

* * *

Хок не мог найти Адама. Он не мог найти Гримма. А теперь он не мог найти свою собственную жену. Что это за проклятый свадебный день?

Хок прошёлся по нижнему двору замка, выкрикивая её имя, его руки сжались в кулаки. На холме уже начали собираться люди. Члены клана прибывали толпами со всей округи в радиусе нескольких миль. К сумеркам здесь будет около семи сотен пледов, собравшихся на берегу рядом с Далкитом; Дугласы были большим кланом с многочисленными арендаторами, возделывающими землю. Рано утром Хок разослал свою стражу по холмам и долинам, чтобы оповестить о том, что в этот вечер состоится свадьба Лэрда, обеспечив таким образом присутствие всех до единого, и старых и молодых.

Но не будет никакой свадьбы, если он не сможет найти свою жену.

– Эдриен! – звал он. Куда к чёрту она ушла? Ее нет ни в замке, ни в садах… ни в Далките?

Нет!

– Эдриен! – проревел он, и перешел с шага на бег. Выкрикивая ее имя, он промчался мимо соколиной башни.

– Хок, я здесь! – Услышал он её крик, отозвавшийся эхом за его спиной.

– Эдриен? – Он резко остановился и развернулся.

– Я прямо здесь. Прости, – добавила она, закрывая дверь и выходя из башни.

– Никогда не покидай меня, не сказав, куда идёшь. Разве ты не слышала, как я звал тебя? – прорычал он, его голос стал грубым от страха.

– Я сказала, что сожалею, Хок. Я должно быть витала в облаках. – Она замерла там, где стояла.

Сердце Хока перевернулось в груди. Он нашёл её, но почему это не избавило его от страха? Что-то изводило его – нечто неосязаемое, и всё же реальное и потенциально вероломное, как зазубренные скалы Далкита. В воздухе вокруг башни можно было почти ощущать запах зла.

– Девушка, что случилось? – спросил он. Каждый дюйм его тела напрягся, когда она

вышла из полумрака, который затенял восточную сторону приземистой башни. Половина её лица скрывалась глубоко в тени заходящего солнца, вторая половина была заметно бледной в исчезающем свете. На мгновение Хок увидел невозможную двойственность; словно одна половина её лица улыбалась, в то время как другая была стянута в гримасе сильной боли. Эта жуткая иллюзия ударила копьем дурного предчувствия ему в сердце.

Он протянул руки, но когда она не двинулась из этих странных половинок домино света и тени, он резко шагнул к ней и схватил её в свои объятия.

– Что тревожит тебя, моя сладкая жена? – потребовал он ответа, глядя на неё сверху. Но он вытянул ее вперед недостаточно далеко. Ненавистная тень всё ещё забирала целую треть её лица, пряча её глаза от него. С грубым ругательством он отступал до тех пор, пока она полностью не вышла из темноты. Эта тень, эта проклятая тень от башни заставила его почувствовать, что как будто часть её стала нереальной и она могла растаять прямо в его руках, и он не смог бы предотвратить это.

– Эдриен!

– Со мной все хорошо, Хок! – тихо сказала она, обняв его талию руками.

Когда угасающий свет омыл её лицо, он вдруг почувствовал себя глупцом, спрашивая себя, как он мог подумать даже на мгновение, что была какая-то тень, которая затмевала её прекрасное лицо. Там не было никакой тени. Ничего кроме её огромных серебристых глаз, наполненных до краёв любовью к нему, когда она смотрела на него.

После того, как момент страха прошел, её губы тронула милая улыбка. Она убрала выбившуюся прядь тёмных волос с его лица и нежно поцеловала его подбородок.

– Мой прекрасный, прекрасный Хок, – прошептала она.

– Поговори со мной, милая. Скажи, что тебя так беспокоит, – грубо сказал он.

Она послала ему столь ослепительную улыбку, что это спутало все его мысли. Он почувствовал, что его тревоги рассеялись, как лепестки на ветру, под нежными, невысказанными обещаниями этой улыбки.

Он легко коснулся её губ своими и почувствовал дрожь незамедлительного ответа, прокатившуюся по его телу с головы до ног. Какая тень? Глупые страхи, глупые иллюзии, подумал он, скривившись. Он позволил своему воображению разыгрываться по малейшему поводу. Нелепая тень упала ей на лицо, и великий Хок уже страдает от видений гибели и скорби. Ба! Ни одна девушка не смогла бы так улыбаться, если бы она о чём-то волновалась.

Он завладел её губами в грубом, наказывающем поцелуе. Наказание за страх, что он испытал. Наказание за то, что так нуждался в ней.

И она растаяла для него, превратившись в жидкий огонь, растекаясь и прижимаясь к нему с яростной настойчивостью.

– Хок… – шептала она ему в губы. – Мой муж, моя любовь, возьми меня…снова, пожалуйста.

Желание хлынуло по его венам, смывая все следы его паники. Ему не нужно было большего поощрения. У них оставалось пара часов до того, как священник соединит их узами брака под покровом Самайна. Он потянул её к башне.

Эдриен тотчас застыла.

– Нет, не в башне.

И он повёл её к конюшне. К мягкому пурпурном ложу из клевера, где они провели свои оставшиеся предсвадебные часы, подобно нищему, который тратит последние драгоценные монеты на роскошном празднике.

Глава 29

Свадебное платье Эдриен превзошло все её детские мечты. Оно было сшито из шёлка цвета сапфира и изысканных кружев, с вышивкой сверкающими серебристыми нитями на горловине, рукавах и подоле в виде вьющихся роз. Лидия гордо извлекла его из запертого обшитого кедром дубового сундука; ещё одного искусного творения Хока. Она просушила

его, пропарила в закрытой кухне над чанами кипящей воды, потом слегка подушила его лавандой. Платье облегало грудь и бёдра и спадало на пол волнами роскошной ткани.

Оно было сшито цыганами, сказала ей Лидия, суетясь с десятком служанок вокруг Эдриен, для её свадьбы с отцом Хока. Свадьба Лидии тоже отмечалась в Далкит-на-море во время празднования Белтайна перед такими же двойными кострами, как те, что выложили на Самайн.

Но сейчас Лидия ушла вперёд, к холмам. Служанки тоже ушли, Эдриен прогнала их четверть часа назад. Потребовалась каждая унция мужества Эдриен, чтобы выдержать предыдущие несколько часов.

Лидия была такой ликующей, практически танцевала по комнате, а Эдриен чувствовала себя такой задеревеневшей внутри – заставляя себя притворяться. Она собиралась сделать нечто такое, что гарантированно заставит Лидию и Хока презирать её, но у неё не было выбора.

Как она вынесет выражение на их лицах, когда она сделает это? Как вытерпит ненависть и предательство, которые увидит в их глазах?

Эдриен стояла одна в прекрасной спальне Лидии, среди медленно охлаждающихся круглых утюгов и отвергнутых вариантов нижнего белья, наполовину опустошённых чашек чая, оставшихся недопитыми во взволнованном ожидании.

Время приближалось.

И её сердце замерзало, с каждым мучительным вздохом. Она задрожала, когда свежий ветерок влетел в открытое окно спальни Лидии. Она пересекла комнату, намереваясь закрыть его, но замерла, положив руку на прохладный каменный выступ. Она, как зачарованная, смотрела в ночь.

Я буду помнить это всегда.

Она упивалась Далкитом, сохраняя каждую драгоценную деталь в своей памяти. Полная луна заворожила её, залив холмы серебристым сиянием. Казалось, она была ближе к земле и намного больше, чем обычно. Возможно, она смогла бы шагнуть в небо, чтобы стать прямо рядом с ней – возможно, слегка подтолкнуть её локтем и смотреть, как она катится по горизонту.

Эдриен восхищалась красотой всего этого. *Это место было волшебным* .

Из окна ей открывался великолепный вид на праздник. Холмы ожили вместе с сотнями людей, сидящих на ярких пледах у костров, разговаривающих, веселящихся, танцующих. Вино, эль и шотландское виски лились рекой, когда люди праздновали приход сбора урожая. Богатого урожая, её муж проследил за этим.

Дети играли в свои игры, бегая и визжа, кружась вокруг любящих родителей. А музыка…о, музыка доплывала до открытого окно, смешиваясь с тихим рёвом океана. Мощное гипнотизирующее звучание барабанов, волынок и дикие песнопения.

Между двух кругов костра, она наконец смогла увидеть его, Лэрд Далкита-на-море танцевал, откинув голову назад, добавляя свой глубокий тягучий, как ириски, голос к общей песне. Её муж. По крайней мере, она получила возможность любить его какое-то время – может не навсегда, но…

Бой барабанов усилился, и она видела, как он кружит у костра. Такой примитивный и дикий, но всё же такой любящий и нежный.

Я обожаю это место, думала она. Если я когда-либо буду мечтать о том, куда бы поехать, вернувшись в двадцатый век, то я буду мечтать об этом месте.

Она прижалась лбом к прохладной каменной стене на долгое время и удержалась от слёз.

– Я люблю его больше, чем саму жизнь, – прошептала она вслух.

И *это* было решающим моментом.

* * *

– Нет. – Хок поднял руки в насмешливом протесте. – Оставьте мне силы для того, чтобы жениться и уложить жену в постель этим вечером, – поддразнил он смеющихся женщин, пытавшихся увлечь его в ещё один танец.

Несмотря на разочарованные взгляды и дерзкие замечания по поводу его мужественности, Хок поднялся выше по холму. Он видел, как Лидия брела в этом направлении с Тэвисом, пока он танцевал. Он остановился на мгновение и обернулся, чтобы взглянуть на замок, сосредоточенно отыскивая глазами окна. Вот оно. Комната Лидии, силуэт его жены, виднеющийся в ярко освещённом окне. Он видел, как она повернулась спиной. Она была уже в пути.

Его затылок обдало холодом, пока он изучал ее спину. Он долго смотрел на нее, и когда она не сдвинулась с места, он задался вопросом, что же она делает.

«*Мне следовало настоять, чтобы она оставила охрану при себе* ».

«*Может, они будут застёгивать мне платье* ?» – поддразнила она его, и порыв ревности, закружившийся в нём при мысли, что кто-то из его стражи прикоснется к шелковистой коже его жены, решил этот вопрос.

С холма он мог видеть каждый шаг ее продвижения, да и замок не был совершенно покинутым. Холм был совсем близко, в нескольких минутах ходьбы или даже меньше того. С ней будет всё в порядке. Но все же он беспокоился….

– Ты видел Гримма? – Лидия легко коснулась его руки, чтобы привлечь внимание.

Хок оторвал свой взгляд от окна.

– Нет. А ты?

– Нет. И это беспокоит меня. Он твой лучший друг, Хок. Я думала, он будет здесь. Что могло его задержать?

Хок пожал плечами и бросил взгляд на замок. Ах, наконец-то. Свечи погасли и его жена была уже на пути к нему. Комната Лидии была совершенно тёмной. Вдруг отсутствие Гримма показался ему несущественным. Даже недовольство ложью Гримма соскользнуло с его плеч при мысли о его возлюбленной Эдриен.

Этой ночью я привяжу её к себе навечно , тихо пообещал он.

– Хок? – Лидия помахала рукой перед его лицом, и он с трудом оторвал взгляд от замка.

– Хм-м?

– О мой дорогой, – вздохнула Лидия. – Как же сильно ты напоминаешь мне твоего отца, когда смотришь вот так.

– Как так? – протянул Хок, глядя на крыльцо, и ожидая появления своей жены.

– Как какой-то жестокий викинг, собирающийся завоевать и взять в плен.

– В этом случае пленником являюсь я, мама, – фыркнул Хок. – Я думаю, что девушка точно околдовала меня.

В ответ прозвенел радостный смех Лидии.

– Хорошо. Тогда так и должно быть. – Она быстро поцеловала его. – Она появится с минуты на минуту. – Лидия разгладила его рубашку, которую не было нужды разглаживать, пригладила его безупречные волосы, которые не надо было приглаживать, и вообще кудахтала над ним, как всполошённая наседка.

– Мама, – прорычал он.

– Я просто хочу, чтобы ты выглядел как можно лучше… – Лидия замолчала. Она нервно посмеялась над собой. – Только посмотрите на меня, пугливая мамаша, волнующаяся на свадьбе своего сына.

– Она уже видела меня с худшей стороны и любит меня, несмотря на это. И почему ты суетишься вокруг меня? Я думал, мы не разговариваем. Какие планы ты вынашиваешь на этот раз? – потребовал он. Он знал её слишком хорошо, чтобы поверить, что она спокойно капитулирует перед их планом уехать этим вечером.

– Хок, – запротестовала Лидия, – ты ранишь меня!

Хок фыркнул.

– Я снова спрашиваю тебя, какой бесчестный заговор ты придумала, чтобы попытаться удержать нас здесь? Подмешала что-нибудь в вино? Наняла жестоких наёмников, чтобы те держали нас в плену в моём собственном замке? Нет, я догадался – ты отправила послание МакЛеодам и сообщила им, что сейчас самое удачное время для того, чтобы осадить Далкит, так? – Он не удивился бы, если бы она сделала что-нибудь из перечисленного. Лидия вызывала опасения, когда что-нибудь задумывала. Она могла сделать все, что угодно, если бы это могло привести к тому, что она удержит Эдриен рядом с собой. *Какая мать, такой и сын* , с сожалением признал он.

Лидия старательно смотрела вдаль.

– Я просто отказываюсь думать о том, что вы уезжаете, до того как придёт время, когда вы попытаетесь это сделать. До этого я намереваюсь наслаждаться каждой минутой свадьбы моего сына. Кроме того, видимо, Эдриен не имеет ни малейшего представления о том, что ты задумал. Я не совсем уверена, что она откажется поддержать меня, – дерзко добавила она.

– Вот она идёт, – Тэвис прервал их пререкания и привлек их внимание к каменным ступеням, которые спускались в нижний двор.

– О! Разве она не прекрасна? – выдохнула Лидия.

Общий вдох раздался в ночи и смешался с благоухающим бризом, овевающим холмы.

– Она могла бы быть принцессой!

– Нет, королевой!

– Она прекраснее королевы Эльфов! – Маленькая девочка с белокурыми локонами восторженно захлопала в ладошки.

– Леди Далкита-на-море. – Арендатор снял шапку и прижал её к сердцу в знак верности.

Улыбка Лидии исчезла, когда она увидела, что Эдриен направилась к конюшне.

Никто не произнёс ни слова, пока она не появилась снова несколько мгновений спустя, ведя лошадь к ближайшей стене.

– Но что? Что это…лошадь? Ах, мне кажется она собирается приехать вверх на лошади, – пробормотала сбитая с толку Лидия.

– Лошадь? Почему бы ей просто не пройтись? Тут идти-то всего ничего, скажу вам, – удивился Тэвис.

Под яркой луной они видели, как она встала на низкую каменную стену и села на лошадь – в свадебном платье и прочих украшениях.

Хок задумчиво прищурил глаза. Его тело напряглось и он подавил проклятие, когда увидел как Рушка, который молча стоял рядом с ними, начертил в воздухе какой-то жест.

– Что ты *делаешь!* – прорычал Хок, схватив цыгана за руку.

Рушка остановился и его карие глаза остановились на Хоке с глубокой любовью и еще большей печалью.

– Мы надеялись, что он не придёт, мой друг. Мы приняли все меры предосторожности…рябиновые кресты. Руны. Я сделал всё, что мог, чтобы предотвратить это.

– Кто не придёт? О чём ты говоришь? Предотвратить что? – проговорил Хок сквозь зубы. Каждый дюйм его тела вдруг ожил. Весь день что-то терзало его, требуя, чтобы он принял меры, и сейчас это взорвалось в его крови крайней степенью возбуждения. Ему ничего не хотелось больше, чем принять меры – но против чего? Что происходило? Грохот приближающихся лошадей сотряс землю позади него.

– Он идёт. – Рушка попытался вырвать руку из железного захвата Хока, но было бы гораздо проще сдвинуть валун со своей груди.

Стук подков лошадей, взбирающихся на холм, послышался ближе.

– Скажи мне, – произнес Хок сквозь зубы, сердито глядя на Рушку. – *Сейчас* .

– Хок? – взволнованно спросила Лидия.

– Хок, – предостерёг Тэвис.

– Хок. – Хриплый голос его жены прорезал тишину ночи позади него.

Хок замер, его взгляд застыл на пожилом цыгане, который был ему вместо отца в течение многих лет. Огонь, вспыхнувший в глазах этого человека предупредил его о том, чтобы он не оборачивался. Просто сделал вид, что ничего не произошло. «*Не смотри на свою жену* », – говорили глаза Рушки. Он видел её отражение глубоко в карих глазах цыгана. Не оборачиваться? Невозможно.

Хок оторвал разъярённый взгляд от Рушки. Медленно развернулся на одном каблуке.

Его жена. И рядом с ней, на чёрном боевом коне, принадлежащем Хоку, сидел Адам. Хок стоял молча, руки, прижатые к бокам, сжались в кулаки. Холм погрузился в зловещую тишину, не было слышно ни писка ребёнка, ни хотя бы шёпота или взволнованного вздоха какого-нибудь арендатора.

– Хранитель знаний. – Адам кивнул Рушке, подтверждая их давнее знакомство, и взгляд Хока заметался между странным кузнецом и своим цыганским другом. Рушка стал белым, как только что выпавший снег. Его карие глаза стали огромными и глубокими, его худощавое тело неподвижно замерло. Он не ответил на его приветствие, а устремил взгляд на землю, яростно вырисовывая рукой эти странные знаки.

Адам засмеялся.

– Можно подумать, что ты ещё не понял, что пока это не помогает, старик. Брось это. Даже твоя…жертва…не помогла. Хотя она немного смягчила меня.

Лидия задохнулась.

– Какая жертва?

Никто не ответил ей.

– Какая жертва? – кратко повторила она. – Он имеет в виду Эсмеральду? – Когда снова никто не ответил, она схватила Рушку за руку. – Это так? – Её глаза вернулись к Адаму. – Кто ты? – требовательно спросила она, её глаза сузились, как у медведицы, приготовившейся защищать своих детёнышей.

Рушка потянул её к себе за спину.

– Тихо, миледи, – произнес он сквозь зубы. – Не вмешивайтесь в то, чего не понимаете.

– *Не говори мне, что я…* – гневно начала Лидия, но замолчала под смертоносным взглядом Хока.

Хок повернулся обратно к Эдриен и спокойно протянул руки, чтобы помочь ей спешится, словно все было в порядке.

Адам снова рассмеялся, и от его смеха у Хока по коже побежали мурашки.

– Она едет со мной, Лорд Канюк.

– Она останется со мной. Она моя жена. И я Хок – Ястреб. Лорд *Хок* для тебя.

– Нет. Стервятник, жалкий мусорщик, который подбирает ненужные остатки, лорд Канюк. Она выбирает – такой был уговор, ты помнишь? Я спас твою жену за определённую цену. Теперь эту цену нужно заплатить. Ты проиграл.

– Нет. – Хок медленно покачал головой. – Она уже выбрала, и выбрала меня.

– Похоже, она *передумала* выбирать тебя, – насмешливо ответил Адам.

– Слезь с моей лошади, кузнец. Сейчас же.

– Хок! – предупредил Рушка, тихо и взволнованно.

– Хок. – Именно голос Эдриен остановил его. Заставил застыть в полушаге от кузнеца. До этого момента, Хок сосредоточил свое внимание и свой гнев только на кузнеце. И он знал почему. По той же причине, из-за которой не спешил оборачиваться, когда услышал приближение лошадей. Из-за которой вместо этого его взгляд был прикован к Рушке. Он боялся смотреть на свою жену, и того, что он мог увидеть в её прекрасных глазах. Могла ли она на самом деле передумать выбирать его? Мог ли он так сильно ошибаться? Он помедлил, его рука легла на рукоятку меча, и заставил себя поднять глаза на неё. Неуверенность, которая охватила его с самого первого дня, когда он увидел свою жену возле кузницы, охватила его с удвоенной силой.

Её лицо было спокойным и лишённым каких либо эмоций.

– Он говорит правду. Я выбрала его.

Он в изумлении уставился на нее. Ни малейшего проблеска эмоций в её серебристых глазах.

– Как он заставил тебя лгать, девушка? – Хок отказывался верить её словам, цепляясь за свою веру в неё. – Чем он угрожал тебе, сердце моё?

– Ничем, – холодно сказала Эдриен. – И прекрати называть меня так! Я никогда не была твоим сердцем. Я говорила тебе это с самого начала. Я не хочу тебя. Это я все время хотела Адама.

Хок всматривался в её лицо. Холодная, сдержанная, она сидела на лошади, как королева. Величественная и недостижимая.

– А чем же, черт возьми, был тогда Устер? – прорычал он.

Она пожала плечами, приподняв вверх ладони.

– Увеселительной прогулкой? – легкомысленно ответила она.

Хок напрягся, стиснув челюсти.

– А чем была конюшня этим днем…

– Ошибкой, – спокойно перебил его Адам. – Которую она больше не повторит.

Взгляд Хока не сдвинулся ни на дюйм с лица Эдриен.

– Это была ошибка? – тихо спросил он.

Эдриен склонила голову. Сделала паузу длиной в удар сердца.

– Да.

Хок не увидел ни единого проблеска эмоций на её лице.

– В какую игру ты играешь, девушка? – выдохнул он, каждый дюйм его напряженной позы излучал опасность, заряжая воздух вокруг них.

Ночь стала вдруг душной и безмолвной. На холме ни один человек не шевелился, прикованный к ужасной сцене, разворачивающейся перед глазами.

– Никаких игр, Хок. Всё закончено между нами. Мне жаль. – Она ещё раз небрежно пожала плечами.

– Эдриен, хватит шутить… – зарычал он.

– Это не шутка, – оборвала она его с внезапной яростью. – Смеяться здесь можно только над тобой! Ты же не думал на самом деле, что я могла остаться здесь? Да брось ты! – Она махнула рукой на великолепие свадебного праздника. – Я из двадцатого века, ты, глупец. Я привыкла к роскоши. Тем штучкам, которыми балуют. Кофе. Горячий душ, лимузины, весь тот шум и блеск. Это было отличноё развлечение – вполне миленькое приключенье с одним из самых *обворожительных* мужчин…. – Она улыбнулась Адаму, и Хоку понадобилась каждая унция его воли, чтобы не броситься на кузнеца и не вытряхнуть жизнь из этого высокомерного тела.

Вместо этого, он стоял как мраморное изваяние, с руками, прижатыми к бокам.

– Ты была девственницей…

– И что? Ты научил меня удовольствию. Но кузнец дал мне больше. Это так просто. – Эдриен вертела в руках поводья своей лошади.

– Нет! – взревел Хок. – Это какая-то игра! Чем ты угрожал моей жене, кузнец?

Но Эдриен ответила вместо него всё тем же спокойным, полностью беспристрастным голосом. Этот хриплый голос, который заставлял его думать, что он сошла с ума, потому что слова, которые были сказаны, могли быть только ложью. И всё же она не выглядела так, словно её принуждали. К ее горлу не был приставлен меч. Не было блеска слёз в её глазах. А её голос, ах…он был спокойным и ровным.

– Он угрожал мне только большим удовольствием, чем ты когда-либо дал мне. Он владеет настоящим волшебством. Не трать своё время, охотясь за нами. Ты нас не найдёшь. Он пообещал меня взять в места, о существовании которых я никогда даже не мечтала. – Эдриен двинула свою лошадь поближе к жеребцу кузнеца.

Адам послал Хоку ослепительную улыбку.

– Похоже, ты всё-таки проиграл, прелестный птенчик.

– Нет! – взревел Хок, рванувшись к кузнецу и одним молниеносным движением

выхватив меч. Жеребец встал на дыбы от рёва Хока и дико попятился назад.

Рушка ухватился за руку Хока и ударил по ней своим кулаком с такой силой, что выпавший меч застрял в земле у его ног.

Адам поднял руку.

– Нет! – Эдриен быстро удержала руку кузнеца. – Ты не тронешь его! Никакого кровопролития. Ты обещ… – это грязно, – добавила она. – Мне не нравится кровь. Мне становится плохо.

Адам приподнял голову и опустил свою руку.

– Твоё желание – приказ для меня, красотка.

– Это правда то, чего ты хочешь, милая? – глаза Хока стали чёрными и бездушными.

– Да, – сказала она тихо. И осторожно.

– Он не принуждает тебя? – «*Скажи мне, произнеси только одно слово, и я убью его голыми руками* ».

Она покачала головой и спокойно встретила его взгляд.

– Скажи это, – проскрежетал Хок сквозь зубы. – Он не заставляет тебя?

– Он не применяет…силы против…меня.

– Ты…любишь…его? – Он возненавидел себя в момент, когда его голос сломался до хрипоты на этих словах. Его горло так сжалось, что он мог едва дышать.

– Я люблю его, как любила Эберхарда, – вздохнула она. Она вяло улыбнулась Адаму, который вдруг резко прищурил глаза на после этих ее слов.

– Достаточно, красотка, – Адам завладел её рукой. – Весь мир ожидает нас и твоё удовольствие закон для меня.

Сердце Хока переворачивалось в груди и разрывалось на куски от боли. Проклятый Эвер-Хард. Её первая любовь, и не важно занимался он с ней любовью или нет. Он отвернулся, иначе единолично устроил бы кровавую бойню на холмах.

Когда он, наконец, повернулся, чтобы посмотреть на нее, было уже слишком поздно – она уехала.

Сотни людей на холме Далкит-на-море стояли, окаменев, наблюдая за тем, как всадники вместе с лошадьми просто растворились в ночном воздухе. В это мгновение они были здесь. В следующее мгновение их уже не было.

Но ветер принес тихий голос.

«*Ты был прав насчёт своих соколов, Сидхок* », – донеслись странные последние слова женщины, которую он любил и которая практически уничтожила некогда гордого Лэрда Далкита-на-море.

Лидия безвольно схватила его за руку.

Рушка резко выругался на языке, которого никто никогда раньше не слышал.

И только Хок невидящими глазами смотрел в ночь.

Глава 30

– Где мы? – Эдриен без всякого выражения спросила у Адама.

Он вёл её лошадь под узды по тёмной тропинке сквозь странный лес. Сплетённые ветви сплетались в сучковатый навес над её головой. Изредка луч бледного света пронзал плотный мрак, и скрипучие ветки блестели подобно выбеленным костям.

Ни сверчков. Ни обычных лесных звуков, только лишь пронзительный визг летающих существ. Папоротник-орляк шелестел, мельком обнаруживая видения низкорослых гномов с дикими лицами. Она вздрогнула и крепко обхватила себя руками.

– Ты в моём королевстве.

– Кто ты *на самом деле* , Адам Блэк? – Её голос сломался на простом предложении, ранимый и наполненный страданием.

В качестве ответа она получила насмешливую улыбку. Ничего больше.

– Скажи мне, – тупо потребовала она. Но смуглый мужчина рядом с ней ехал молча.

– Скажи хотя бы почему.

– Почему что? – спросил он, приподняв от любопытства одну бровь.

– Почему ты сделал это со мной? Что я сделала? Зачем ты послал меня назад в то время, а потом снова забрал оттуда?

«*И разбил моё сердце, оставив мою душу умирать внутри* ?»

Адам остановил их лошадей, веселье осветило его тёмное лицо. Он протянул руку, чтобы погладить её бледную щеку, и она вздрогнула под его рукой.

– О, красотка, это то, что ты думаешь? Как ты поглощена собой и совершенно очаровательна, – прозвучал его раскатистый смех. Но следующие его слова пронзили её душу словно ножом. – Это не имело ничего общего с тобой, моя привлекательная красотка. Подошла бы любая красивая женщина. Но я думал, что ты ненавидишь красивых мужчин. Я слышал тебя там, в библиотеке, зарекающуюся иметь дело с мужчинами, с любыми мужчинами. Но всё же, кажется, что я ошибся. Или ты лгала, что более вероятно.

– О чём ты говоришь? – еле выдохнула она. Любая женщина бы подошла? Её сердце лежало обнажённым и разбитым извращённой игрой этого мужчины, а он осмеливался так откровенно говорить о том, что нисколько не было важно, кем она была? Пешка? Снова? Она на какое-то время стиснула зубы. *Я не буду кричать. Я не буду* . Когда она стала уверенной в том, что сможет говорить без ярости, она холодно сказала. – Ты получил, что хотел. Почему бы тебе просто не сказать мне, кто ты такой? – Ей надо было побольше узнать об этом мужчине, чтобы отомстить за себя. Отомстить за своего мужа.

– Верно. Я действительно получил то, что хотел. Хок выглядел полностью уничтоженным, не так ли? Раздавленным. – Он слегка погладил её по руке. – Ты очень хорошо сыграла свою роль этой ночью, красотка. Но скажи мне, – он пристально посмотрел ей в глаза, и она застыла, когда ей показалось, что его взгляд сможет проникнуть прямо ей в душу. – Что ты имела в виду, говоря о его соколах?

Дыхание Эдриен вырывалось из лёгких толчками.

– Он сказал мне однажды, что все его соколы улетали от него, – невозмутимо лгала она. – Ты сказал мне, что я должна быть крайне убедительной, иначе ты убьешь его, так что я выбрала это напоминание, чтобы окончательно убедить его. Это всё.

– Было бы лучше, чтобы это было всё. – Его лицо было холодным и неумолимым. Точно таким оно было в башне, до того, как Хок пришел туда в поисках жены. Перед тем, что должно было быть свадьбой ее мечты. Холодно, он объяснил ей в точных и мучительных деталях, как он уничтожит Хока и каждого в Далките, если она не подчиниться его воле. Потом он показал ей то, что он может сделать. Те вещи, которые её разум так и не смог до конца постигнуть. Но она поняла, что он был в полной мере способен осуществить те массовые разрушения, которыми угрожал. Он предложил ей два выбора – или солгать Хоку и разбить ему сердце, не говоря уже о её собственном, или стоять и наблюдать, как Адам, воспользовавшись своей сверхъестественной силой, убьёт его. Потом Лидию. И каждого мужчину, женщину и ребёнка в Далките.

Нет, выбора не было вообще. Адское решение дало ей глубокое понимание того, что однажды довелось испытать мужчине, прозванному королевской шлюхой.

Когда она покинула башню, дрожащая и бледная, она ухватилась за последние мгновения блаженства. Она занималась любовью с Хоком со всей страстью, на которую была только способна её душа. Прощаясь с ним и умирая внутри. Она знала, как будет ужасно лгать ему, но она не предвидела, как глубоко это ранит её.

Адам был несгибаем в этом вопросе. Он дал ей понять, что она должна полностью убедить Хока, что желает Адама. После невероятной близости, что они с Хоком разделили, она понимала, что ей придётся сказать отвратительные и ужасные вещи, чтобы убедить его.

Она яростно вздрогнула, когда большой палец Адама легко коснулся её нижней губы. Она ударила его по руке, несмотря на свой страх.

– Не трогай меня.

– Если бы я хотя бы на мгновение подумал, что ты попыталась ему сказать что-то еще,

я бы вернулся назад и убил бы его в тот же миг, красотка.

– Ты получил, что хотел, ты ублюдок! – закричала Эдриен. – Теперь все в Далките в безопасности от тебя.

– Это не важно. – Адам лениво пожал плечами. – Он в любом случае мёртв.

Адам дёрнул за поводья ее лошади и возобновил их медленное путешествие под шелестящими ветками.

– Что? – прошипела Эдриен.

Адам шаловливо улыбнулся.

– Я думал, ты могла бы получить удовольствие от живописной дороги назад. Этот путь – это линия времени, и мы только что прошли 1857 год. Это тот туманный поворот назад, там среди…деревьев…за неимением более подходящего слова. Он умер более трёхсот лет назад.

Безмолвный крик начал зарождаться внутри неё.

– Кто ты?

– Когда-то нас называли богами, – спокойно сказал он. – Было бы лучше, если бы ты поклонялась мне.

– Скорее я увижу тебя в аду, – выдохнула она.

– Невозможно, красотка. Мы не умираем.

Глава 31

Сиэтл
Ноябрь 1997

Эдриен отогнула назад руку и бросила книгу, запустив ее, как летающую тарелку. Предполагалась, что она пролетит через всю комнату и врежется со звучным грохотом в стену. Вместо этого она мягко упала, приземлившись на пол в ногах её кровати.

Она глянула на книгу с отвращением и заметила, что та при падении открылась на какой-то странице. Она бросила косой взгляд, чтобы прочесть эту страницу со своего насеста на спинке кровати.

«Сны о закупоренных стульчаках могут символизировать многие вещи: видящий этот сон эмоционально подавлен. Рекомендуется эмоциональное и/или физическое очищение. Периодически повторяющийся сон такого характера означает, что спящий пережил травмирующий опыт, от которого он/она должен найти некий способ избавления, иначе ему может быть нанесён серьёзный психологический урон*».*

Вот тебе и знак свыше.

Эдриен подавила душащий её смех, который перешёл в рыдание. Кто написал эту чушь?

Она свесила свою босую ногу с кровати и пнула её пальцем ноги, чтобы закрыть. «*1001 Маленькое Сновидение* ». Как странно. Она даже не знала, что в ее библиотеке есть такая книга. Даже ещё более нелепо, чем то, что ей снились туалеты десять дней подряд. И ничего больше. Только задвинутые, заполненные до краёв стульчаки.

Прекрасно.

Но её не нужно было ударять по голове справочником по снам. Она знала, что было с ней не так. Пятнадцать дней назад она материализовалась в своём огромном викторианском доме на Коттейл-Лейн, 93 в Сиэтле, США.

И она не сказала ни слова ни одной живой душе с того момента. Каждый клочок энергии она направляла на поддержание своего самообладания – её кожа была туго натянута. Глаза были сухими и широко распахнутыми. Внутри у нее все еще была напряженная

маленькая смерть. Она прекрасно понимала, что если она позволит выкатиться хотя бы одной крохотной слезинке из сухого уголка её глаза, то она не сможет нести ответственность за наводнение, которое могло стать причиной массовых эвакуаций по всему штату.

Она почесала туго натянутую кожу своей головы напряжённой маленькой рукой, пока напряженно гладила шелковистую спинку Луни. Она потрогала розовый носик Луни кратким напряженным движением. *Нет забитых до краёв туалетов в кошачьем мире* , думала Эдриен, когда Луни запуталась лапками в её волосах и принялась тихо мурлыкать.

Именно голодное мяуканье Луни подняло её с кровати. Эдриен высвободила своё ноющее тело из-под покрывал и медленно побрела на кухню.

Боже, она чувствовала себя так, как будто ей было пять сотен лет, и от сердечного страдания она испытывала боль с головы до ног, от которой, как она знала, она никогда не вылечится.

Эдриен безжизненно открыла банку с тунцом. Белый альбакор. Только самое лучшее для Луни. Она резко опустилась на пол и раздражённо коснулась руки, которая сунула книгу ей под нос.

– Уходи, Мария, я хочу побыть одна. – Она уставилась на бледные завитки лимонного цвета на жёлто-зелёном кафеле пола кухни, и подумала, почему она никогда раньше не замечала их. Она легонько потёрла один из завитков. Сланцевый кафель мог быть таким интересным. На самом деле даже захватывающим.

– Эт-та книга вы уронили, – сказала Мария со своим сильным акцентом.

Эдриен не двинулась с места. Книга задела её щеку. О небеса, но женщина была настойчивой. Острый угол книги уколол нежную нижнюю часть её шеи. Наверное, ещё одна глупая книга о снах. Ну так она просто не будет смотреть на неё.

– Хватит толкать меня. – Эдриен вслепую взяла книгу, плотно закрыв глаза. – Теперь уходи отсюда, – пробормотала она. Вот так. Это не было слишком сложно. Она поаплодировала сама себе за точное выполнение простых действий. Никаких слёз. Ни одной мысли о…вещах, о которых она не думала. Эдриен глубоко вздохнула и выдавила мрачную, натянутую улыбку.

С ней всё будет в порядке. Сначала маленькие дела – затем придут дела и побольше.

– Думаю, я сделаю вам чая, – сказала Мария.

В желудке Эдриен всё поднялось и заворочалось.

– Нет.

– Думаю, тогда я сделаю обед для *сеньориты* .

– Я не голодна. Уходи.

– Хорошо. Я перенесу вещи в гараж, – проворчала Мария.

Перенесёт вещи? Покинет дом?

– Нет! – Эдриен гигантским усилием заставила себя контролировать голос. – Я хочу сказать, в этом нет необходимости, Мария. Бог знает, этот старый дом достаточно велик, чтобы вместить нас двоих.

– Эт-та не хорошо. Я не хороша для вас. Я перееду сейчас обратно в гараж, – Мария внимательно на неё смотрела.

Эдриен вздохнула. Мария просто должна остаться в доме.

Она не выдержит тяжесть и боль тишины, пустоту комнат. Гудение холодильника сведёт её с ума.

– Мария, я не хочу, чтобы ты переезжала. Я действительно хочу, чтобы ты осталась со…. – Эдриен открыла глаза, её голос умолк, когда она с ужасом уставилась на книгу в своих руках. *Учение о средневековом разведении и подготовке соколов* .

Держи же себя в руках!

«Ты взлетишь для меня, мой сокол? Я вознесу тебя высоко, выше, чем ты когда-либо была. Я научу тебя достигать высот, о которых ты могла лишь мечтать».

Он несомненно хорошо выполнил своё обещание. И сейчас она падала с тех невероятных высот без парашюта или без зонтика Мэри Поппинс, или ещё чего-нибудь, что

могло бы остановить её падение. Эдриен де Симон Дуглас прижала руки к животу и начала кричать.

Маленькая кубинская женщина опустилась на колени и осторожно притянула Эдриен в свои объятия. Она укачивала её, гладила ей волосы, и делала всё, чтобы утешить её.

День за днём Эдриен лежала на спине, снова и снова просматривая каждое бесценное воспоминание на пустом экране потолка. Она задёрнула шторы и выключила весь свет. Она не могла выносить яркий мир, в котором нет его.

Мария порхала туда и обратно, принося ей еду и напитки, которые оставались нетронутыми, а Луни неизменно оставалась рядом с ней.

Эдриен то приходила в сознание, то уплывала в бессознательное состояние, также как и её разум делал это в те моменты, когда горе было слишком глубоким, чтобы справиться с ним. В конечном счёте, она пришла в себя, проделав перед этим долгий окружной путь.

* * *

По сверкающим кремнистым пескам Морара Адам Блэк с высокомерным изяществом приблизился к своей Королеве.

– Где ты странствовал, мой менестрель? – спросила бархатистым голосом Королева Эобил. – Какие новые истории и развлечения ты собрал для меня?

– О, самую прекрасную из всех историй! Эпическое, великолепное приключение, – похвалился Адам, привлекая к себе внимание элегантных придворных.

Эльфы любили хорошие истории, чем обильнее были ухищрения, чем насыщеннее накал страстей, тем быстрее возбуждался двор. Они давно устали от счастливых концов; будучи сами неуязвимыми для страданий, они сходили с ума от восторга от борьбы и жертв смертных. Сама Королева была особенно неравнодушна к трагикомедиям ошибок, а этот рассказ очень хорошо подходил к её любимому жанру.

– Расскажи нам, шут, спой и сыграй для нас! – закричал двор Туата-Де Данаан.

Ярко сверкнула улыбка Адама. Он встретил взгляд своей Королевы и долго удерживал его.

– Жил однажды один смертный мужчина. Мужчина такой прекрасный, что даже сама Королева Эльфов заметила его…

Глаза Королевы ярко сверкали, пока она слушала, сначала с изумлением, чуть позже с очевидным волнением, и, наконец, с чувством, которое смутно напоминало раскаяние.

Глава 32

Лидия вздыхала, перебирая семена. Новый Год прополз мимо них так медленно, словно он путешествовал на горбатой спине улитки. И она даже не хотела вспоминать ту мрачную сцену, которая представляла собой Рождество. Зима спустилась на Далкит со всей своей мощью – противные переплетенные сосульки свисали со ставней, а проклятая дверь, ведущая к передним ступенькам, этим утром примёрзла и не открывалась, эффективно заперев её в своём собственном доме.

Лидия могла вспомнить время, когда она любила зиму. Когда наслаждалась любым временем года и всеми присущими им удовольствиями, которые они приносили с собой. Рождество когда-то было её любимым праздником. Но сейчас… ей не хватало Адриана и Илисс. «*Возвращайтесь домой, дети. Вы мне нужны* », – молча взмолилась она.

Звук раскалывающегося дерева резко раздался в воздухе, заставив её непроизвольно и резко поднять голову, отчего её драгоценные семена разлетелись.

Чертовски невнимательно с их стороны колоть дрова прямо под окном.

Лидия раздражённо поправила волосы и принялась собирать разбросанные семена. Она мечтала о цветах, которые она посадит – если когда-нибудь снова придёт весна.

Другой оглушительный треск сотряс Большой Холл. Она подавила совсем

неподобающее леди ругательство и отложила свои семена в сторону.

– Прекратите это там! Кто-то пытается хоть немного думать! – закричала она.

Но оглушительный грохот продолжался.

– Мы не так уж и нуждаемся в дровах, парни! – прорычала Лидия в направлении замёрзшей двери.

Её слова были встречены ужасными скрипящими звуками.

– Ну конечно же. Вот именно! – Она вскочила со стула, вскипев от злости. В последний раз шум, кажется, донёсся… сверху?

Она вскинула голову.

Или кто-то решил, что было слишком холодно колоть дрова на улице или вместо этого весьма усердно превращал мебель в растопку.

Треск сопровождался звоном разбитого стекла.

– *Дерьмо!* – пробормотала Лидия, как дерзко заявила бы её прекрасная невестка. Она повернулась на пятках, подхватила юбки и помчалась по ступенькам как двадцатилетняя девушка. Прижав руку к сердцу, она летела по коридору, скользя мимо вытаращивших глаза служанок и напряженных солдат. Сколько же людей стояло и прислушивалось к этому безумному разрушению, пока она сидела внизу?

Только не детская , молила она, *всё, что угодно, только не это* .

Её сын никогда не уничтожил бы эту комнату своей мечты. Разумеется, он был немного не в духе, но всё же… Нет. Он определённо не сделал бы ничего столь ужасного. Не её сын.

Но ради всего святого, он все-таки смог. И он сделал это.

Дыхание обжигало ей лёгкие, в то время как она смотрела, ошеломленная увиденным. Её сын стоял в детской, окружённый искорёженной грудой ужасных изломанных кусков дерева. Он буквально разорвал на части мебель, с любовью изготовленную своими руками. На нём был только килт, и его торс блестел от пота. Вены на предплечьях вздулись, а руки были изранены и окровавлены. Его волосы цвета воронового крыла свободно свисали, за исключением двух боевых косичек на каждом виске. «*Святые угодники, осталось только разрисовать его лицо в синий цвет, и она не узнала бы в этом человеке своего сына* !» – подумала Лидия.

Хок стоял молча, его глаза были дикими. На его лице были пятна крови в местах, где он вытирал пот. Лидия смотрела, замерев от ужаса, как он наклонил чашу с маслом, поливая её содержимым обломки мебели, игрушек и книг, изумительного кукольного домика, безнадёжно раздавленных его гигантской яростью.

Когда он бросил на пол свечу, из её широко открытого рта вырвался тихий крик.

Языки пламени взвились, жадно пожирая осколки разбитых вдребезги мечтаний Хока и Лидии. Содрогаясь от боли и ярости, Лидия прижала руку ко рту и проглотила рыдание. Она отвернулась, прежде чем зверь, что когда-то был её сыном, смог увидеть её слёзы.

* * *

– Нам нужно что-то делать, – безжизненно пробормотала Лидия, беспомощно глядя на очаг в кухне.

Тэвис подошел к ней сзади совсем близко, его руки остановились в воздухе прямо над ее талией. Он наклонил голову вперёд и глубоко вдохнул её запах.

– Я поговорю с ним, Лидия…

– Он не будет слушать, – выдавила она, повернувшись кругом. – Я пыталась. Господи, мы все пытались. Он как какой-то бешеный пёс, рычит и брызгает слюной, и ох, Тэвис! Моя детская! Мои внуки!

– Я ещё даже не пытался, – сказал спокойно Тэвис, опустив свои руки, чтобы обнять за талию.

Лидия подняла голову, изумлённая скрытой властности его слов. Ему снова удалось удивить её, этому благородному мужчине, который терпеливо так долго оставался рядом с

ней.

– Ты поговоришь с ним? – с надеждой эхом отозвалась она, её глаза сверкали от непролитых слёз.

– Да, – убедил он её.

Сила и уверенность звучали в его ответе. Почему ей понадобилось так много времени, чтобы разглядеть этого мужчину?

Видимо какая-то часть её удивления отразилась в её взгляде, потому что он подарил ей свою терпеливую улыбку и нежно сказал:

– Я знал, что однажды ты откроешь свои глаза, Лидия. Я также знал, что это будет стоить каждой минуты ожидания, – тихо добавил он.

Лидия с трудом сглотнула, когда размножающийся жар, надежда и пьянящая, волнующая любовь волной распространяются по ее телу. Любовь. «Как давно она уже любит этого мужчину?» – безмолвно спрашивала она себя.

Тэвис коснулся её губ своими губами, лёгкое прикосновение, которое обещало гораздо больше.

– Не волнуйся. Я беспокоюсь о нём, как о своем собственном сыне, Лидия. И так как он как почти что мой, то настало время мне с ним основательно поговорить, как отцу с сыном.

– Но что, если он откажется слушать? – волновалась она.

Тэвис улыбнулся.

– Он выслушает. Даю тебе слово Тэвиса МакТарвита в отношении этого, скажу я вам.

* * *

Хок пристально смотрел в огонь, наблюдая за призраками, яростно танцующими в пространстве между языками пламени. Они были рождены памятью и пришли из ада, как, несомненно, и он сам. Но чистилище – если не небеса – было в пределах досягаемости, аккуратно запечатанное в бутылку, и таким образом он сжигал призраков, предавая их забвению.

Он подхватил другую бутылку с виски и повертел её в руке, изучая его насыщенный янтарный цвет с пьяной признательностью. Он поднёс бутылку к своим губам, сжимая в кулаке ее горлышко, и выдернул пробку зубами. На мгновение он вспомнил, как так же открывал флакон с цыганским зельем. Вспомнил, как накрывал тело жены своим собственным и пробовал, трогал, целовал… Тогда он был достаточно глуп, чтобы верить в любовь.

Ба! Адам! Это всегда был он. С первого дня, как он увидел её. Она стояла, прижавшись к стволу дерева, уставившись на проклятого кузнеца голодными глазами. Он хлебнул ещё глоток виски и подумал о том, чтобы вернуться обратно ко двору. Обратно к Королю Якову.

Кривая, горькая улыбка появилась на его губах. Даже когда он представлял себя снова рыскающим по будуарам Эдинбурга, другая часть его разума вспоминала волнующий густой пар, поднимающийся от ароматной ванны, блеск масла на её коже, когда она откидывала голову назад, обнажая свою прекрасную шею для его зубов. Обнажая все для него, или так он тогда думал.

Эдриен… Вероломная предательница, лживая неверная сука.

– Похороните меня глубоко в земле, и покончим с этим, – пробормотал он огню. Он даже не отреагировал, когда дверь в его кабинет распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. – Закрой дверь, человек. А то от сквозняка мерзнут мои кости, вот так, – нечленораздельно сказал Хок невнятным голосом, даже не потрудившись посмотреть, кто вторгся в захмелевшее убожество его личного ада. Он снова поднял бутылку к своему рту и сделал длинный глоток.

Тэвис пересёк комнату в три целеустремлённых шага и выбил бутылку из руки Хока с такой силой, что она разбилась с брызгами стекла и виски о гладкие камни камина. Он несколько мгновений смотрел на Тэвиса одурманенным взглядом, потом, не смутившись,

потянулся за второй бутылкой.

Тэвис шагнул между Хоком и напитком в бутылке.

– Уйди с моей дороги, старик, – зарычал Хок, напрягаясь, чтобы подняться. Он едва успел встать на ноги, как кулак Тэвиса солидно приложился к его челюсти, отправив его обратно в кресло.

Хок вытер рот тыльной стороной руки и посмотрел на Тэвиса.

– Зачем ты пришёл и для чего ты делаешь это, Тэвис МакТарвит? – прорычал он, не сделав никакого движения, чтобы защитить себя.

– Мне плевать на тот чёртов ад, который ты устроил себе, *Лэрд,* – презрительно усмехнулся Тэвис. – Только убирайся к дьяволу из этого замка, и не занимайся этим перед лицом своей матери.

– Да за кого ты к чёрту себя принимаешь?

– Я знаю, кто я здесь! Я тот мужчина, который наблюдал, как ты вырос из крошечного парнишки в великолепного Лэрда. Я тот мужчина, который раздувался от гордости, видя, как ты принимаешь трудные решения. – Голос Тэвиса упал до хрипоты. – Да, я просто тот мужчина, который полюбил тебя с того дня, когда ты огласил своим первым голодным криком этот мир. А сейчас я тот мужчина, который собирается выбить из тебя каждый дюйм твоей никчемной жизни, если ты не возьмёшь себя в руки.

Хок удивлённо уставился на Тэвиса, потом раздражённо оттолкнул его.

– Уходи. – Он устало закрыл глаза.

– О, я ещё не закончил, мой мальчик, – сказал Тэвис сквозь сжатые зубы. – Ты не годишься даже на то, чтобы быть Лэрдом навозной кучи. Очевидно, у тебя нет намерения привести себя в порядок, и пока ты не можешь этого сделать, убирайся ко всем чертям из замка Лидии. Немедленно! Я отправлю послание Адриану и верну его домой. Из него получится превосходный Лэрд …

Глаза Хока распахнулись.

– Через мой труп, – рыкнул он.

– Отлично. Так тому и быть, – в ответ выплюнул слова Тэвис. – Нам всё равно нет от тебя никакой пользы, пока ты в таком состоянии. С тем же успехом ты мог бы упасть на свой клеймор [1] за всё то, что вытворяешь со своими людьми!

– Здесь Лэрд я! – невнятно проговорил Хок, его глаза яростно полыхали. – А ты…ты, старик, черт побери, ты лишен своего места. – Хоть он и намеревался – когда у него всё ещё была его жена – оставить своё место Адриану, сейчас снаружи было чертовски холодно, и он точно пока ещё никуда не собирался. Может быть, весной, если он не утопит себя к тому времени в виски.

Тэвис стремительным движением поднял Хока на ноги, поразив своего пьяного Лэрда.

– Довольно силён для старика, – пробормотал Хок. Тэвис потянул спотыкающегося Хока к двери его комнаты.

– Отцепись от меня! – взревел Хок.

– Я ожидал от тебя большего, парень. Ну и дураком же я был, что принял тебя за человека, который будет бороться за то, что ему нужно. Но нет, ты просто развалился перед лицом небольшой неприятности…

– О-ох, и то, что моя жена оставила меня ради другого мужчины – это всего лишь маленькая неприятность? Ты это так называешь? – совсем невнятно произнёс Хок, его картавость стала слышнее от бешенства.

– Независимо от того, как ты воспринимаешь то, что случилось, у тебя всё ещё есть здесь семья, и клан, который нуждается в своём Лэрде. Если ты не можешь управлять кланом, уступи это место тому, кто может!

– Да кто, черт побери, вверил тебе заботу обо мне? – заорал Хок.

Произношение Тэвиса тоже стало более картавым, когда его гнев стал выходить из-под контроля.

---

1 Старинный палаш горцев (шотл.).

– Твоя мать, ты законченный идиот! И если бы даже она не попросила меня, я сам пришёл бы к тебе! Ты можешь убивать себя, парень, но я не позволю тебе издеваться над Лидией, пока ты это делаешь!

– Всё, что я делаю, старик, это немного выпиваю, – заявил Хок.

– Ты «немного выпиваешь» уже почти месяц. Я, например, устал смотреть, как ты напиваешься до смерти. Если ты не можешь расстаться с бутылкой, тогда убирайся отсюда ко всем чертям. Иди, мочись в сугроб хоть всю ночь напролёт, там, где люди, которые тебя любят, не будут вынуждены на всё это смотреть.

Тэвис открыл ударом ноги дверь и вытолкнул спотыкающегося Хока лицом прямо в снег.

– И не возвращайся, пока не будешь достаточно хорош для своей матери! Когда будешь готов снова стать Лэрдом, и откажешься от бутылки, вот тогда можешь вернуться! Но не раньше! – прокричал Тэвис, пока Хок изо всех сил пытался вытащить голову из сугроба.

Когда Хоку, наконец, удалось принять вертикальное положение, он недоверчиво фыркнул, когда увидел, как мужчина, которого он считал тихим и кротким кожевником, послал его собственную стражу стоять, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, перед дверью, явно запретив ему входить в собственный замок.

– Вот и оставайся там! – проревел Тэвис так громко, что Хок услышал его даже через тяжёлые деревянные двери замка.

* * *

Эдриен не осознавала до какой степени она ненавидела зиму.

Бледный циферблат часов над каминной полкой отбил один удар, другой, потом замолчал. Два часа ночи; время, когда бодрствование могло заставить почувствовать человека, что он единственным живым существом, оставшимся в этом мире. И Эдриен действительно чувствовала себя так, пока Мария тихо не вошла в библиотеку. Эдриен подняла взгляд и открыла рот, чтобы сказать спокойной ночи, но вместо этого полился поток слов, прорвав ту плотину, которую она так старательно возводила.

Мария свернулась в кресле, разгладив афганский плед на своих коленях.

Эдриен разворошила огонь и открыла бутылку сладкого портвейна и рассказала Марии историю, которую никому никогда не рассказывала. Историю девочки-сироты, которая подумала, что влюбилась в принца, только чтобы обнаружить, что Эберхард Дэрроу Гарретт был принцем организованной преступности и посылал её на отдых, чтобы провозить наркотики через границу в её багаже, её машине, зашитые в её одежду. И она не знала этого, так его обслуживающий персонал всегда сам упаковывал и распаковывал её одежду. Ей просто нравилось носить невероятное обручальное кольцо с бриллиантом в десять каратов, ездить в его лимузинах, показывая нос францисканским монахиням в старом сиротском приюте на Первой Улице. Как не она знала и того, что ФБР затягивала свою сеть на нём всё туже. Она видела, как богатый, явно привлекательный мужчина осыпал её любовью, или так она думала в то время. Она не имела представления, что она была последней попыткой вывезти партию товара из страны. Она и не подозревала никогда, что была для него меньше, чем ничем – красивой, невинной женщиной, которую никто никогда не стал бы подозревать. Его безупречная простушка.

До того дня, когда она подслушала ужасный разговор, который, как предполагалось, никогда не должна была услышать.

Она рассказала Марии тихим шёпотом, как свидетельствовала против него и вернула себе собственную свободу. И как потом Эберхард, которого после всего этого ФБР всё-таки сумело упустить, всерьез пришёл за ней.

Мария пила маленькими глотками свой портвейн и слушала.

Она рассказала Марии как он, наконец, заманил её в ловушку на старый заброшенный склад, измученную бегом и уставшую прятаться, испуганная, она сделала то единственное,

что она могла сделать, когда он нацелил на неё свой пистолет.

Она убила его, прежде чем он смог убить её.

* * *

На это Мария взмахнула нетерпеливой рукой.

– Эт-та не настоящая история. Зачем ты рассказываешь мне это? – осуждающе спросила она.

Эдриен моргнула от удивления. Она только что рассказала женщине то, что боялась кому-нибудь вообще рассказать. То, что она убила человека. Она сделала это в целях самозащиты, конечно же, но она убила человека. Она рассказала Марии вещи, которые никому никогда до этого не доверила, а женщина отмахнулась от них. Почти обвинив её в том, что она даром потратила её время.

– Что ты имеешь в виду Мария? Это было на самом деле, – защищаясь, сказала она. – Это произошло. Я была там.

Мария покопалась в своём маленьком запасе английского, чтобы найти нужные слова.

– Да, да, сеньорита. Может, эт-та и было на самом деле, но эт-та не важно. Эт-та прошло и забыто. И не поэтому вы рыдаете, будто настал конец света. Расскажите мне настоящую историю. Кого волнует, откуда пришли вы, или я? Важен сегодняшний день. Вчерашний день – эт-та кожа змеи, которую она сбрасывает много раз.

Эдриен сидела долго молча, пока озноб пробегал вниз по позвоночнику, и добрался до её живота. Часы в столовой пробили четверть часа и Эдриен посмотрела на Марию, по новому оценив её.

Сделав глубокий вдох, Эдриен рассказала ей о Далките-на-море. О Лидии. И о Сидхоке. Карие глаза Марии светились искрами, и Эдриен наслаждалась редким зрелищем того, что, она могла поклясться, мало кому доводилось видеть. Маленькая смуглая женщина смеялась, хлопала в свои маленькие ладошки, слушая о её любви и времени, проведённым с Хоком. Она вникала в детали, охала над детской, сердито смотрела на неё за то, что она часто упоминала имя Адама, ахала над их временем, проведённым вместе в Устере, вздыхала о той свадьбе, которой должна была произойти.

– Ах…наконец….эт-та *настоящая* история, – кивнула Мария.

* * *

В 1514 году Хок отчаянно пытался заснуть. Он слышал, что человек может замёрзнуть до смерти, если заснет в снегу. Но или в этом сугробе было чертовски слишком холодно или он ещё не достаточно напился. Он сможет это исправить. Вздрогнув, он поплотнее запахнул свой плед, защищаясь от колючего, завывающего ветра. Неуверенно поднявшись на ноги, он, покачиваясь, принялся подниматься по внешней лестнице к крыше, зная, что стража часто держит несколько бутылок наверху, чтобы согреваться, пока они стоят на посту.

Но ему не повезло. Ни стражи, ни бутылок. Как он мог забыть? Вся стража была *внутри* , где было тепло. Только он один был *снаружи* . Он бессмысленно пнул ногой снег на крыше, потом застыл, когда тень сдвинулась с места, чернея на фоне блестящего снега. Он бросил косой взгляд и всмотрелся сквозь мокрые кружащиеся снежинки.

– Какого черта ты здесь делаешь, Гримм?

Гримм неохотно оторвался от своего неизменного осмотра наступающего сумрака. Он уже собирался объяснять, но, увидев лицо Хока, вместо этого промолчал.

– Я спросил, что ты делаешь здесь, Гримм? Мне говорили, ты практически живёшь теперь на моей крыше.

Внезапно разъярившись, Гримм резко возразил.

– Ну а мне говорили, что ты практически живёшь теперь в бутылке виски!

Хок застыл и потёр небритый подбородок.

– Не кричи на меня, сукин ты сын! Ты был тем, кто лгал мне о моей… – Он не смог сказать это слово. Не мог даже думать об этом. Его жена, насчёт которой Гримм был прав. Его жена, которая оставила его ради Адама.

– Ты такой невероятно тупой, что даже не можешь увидеть правду, когда она прямо перед твоим носом? – резко сказал Гримм.

Хок пьяно покачнулся, Боже, где он слышал эти слова раньше? Почему заставили его сердце перевернуться в груди?

– Что ты делаешь здесь, Гримм? – упрямо повторил он, вцепившись в парапет, чтобы устойчивей стоять на ногах.

– Жду проклятую падающую звезду, чтобы я смог загадать, чтобы она вернулась назад, ты пьяный придурок.

– Я не хочу, чтобы она вернулась, – прорычал Хок.

Гримм громко фыркнул.

– Я мог бы однажды всё испортить, но я не единственный, кто позволил вмешаться своим эмоциям. Если бы ты отбросил прочь свою гордость и гнев, то понял бы, что девушка никогда бы охотно не оставила тебя ради этого проклятого кузнеца!

Хок вздрогнул и потер лицо.

– О чём ты говоришь, парень?

Гримм пожал плечами и отвернулся, его потемневшие глаза сосредоточенно рассматривали небо.

– Когда я подумал, что она разбила тебе сердце, я попытался развести вас двоих в стороны. Проклятье, это было чертовски глупо с моей стороны, сейчас я знаю это, но я сделал то, что считал наилучшим в то время. Какого чёрта я мог предположить, что вы оба влюбились друг в друга? У меня не было такого опыта. Мне это казалось кровавой битвой! Но сейчас, снова вспоминая об этом, я полностью уверен, что она любила тебя с самого начала. Если бы мы все могли смотреть вперед с такой же ясностью. Если бы ты вытащил свою голову из бутылки и приподнял свою упрямую задницу на достаточно долгое время, то у тебя тоже могло бы развиться острое зрение.

– Она-сказала-что-любила-кузнеца, – тщательно выплевывая каждое слово, проговорил Хок.

– Она сказала, если ты припоминаешь, что любила его как Эвер-Харда. Скажи мне, Хок, как она любила своего Эвер-Харда?

– Я не знаю, – взревел Хок.

– Попытайся представить. Ты сам мне говорил, что он разбил ей сердце. Вот что она говорила тебе о нём, пока ты держал её…

– Заткнись, Гримм! – прорычал Хок, гордо удаляясь прочь.

* * *

Хок бродил по покрытым снегом садам, прижав руки к ушам, чтобы заглушить хлынувший поток голосов. Он отнял руки от них только на время, достаточное лишь для того, чтобы сделать ещё один большой глоток из бутылки, которую стянул у конюха. Но забвение так и не приходило и голоса не умолкли – они становились всё громче и чётче.

«*Я люблю тебя, Сидхок. Я верю тебе всем моим сердцем и даже больше* ».

«*Ни один из моих соколов не слетел с моей руки, не вернувшись обратно* », – предупреждал он её в начале того волшебного лета.

«*Ты был прав насчёт своих соколов, Сидхок* », – сказала она, когда уходила с Адамом. Он в течение многих ночей обдумывал, почему она сказала эти слова; они были совершенно не понятны ему. Но сейчас какой-то намёк на понимание просочился сквозь его оцепенение.

Прав насчёт своих соколов…

Неужели его собственная ревность и незащищённость от кузнеца настолько затуманили ему глаза?

Ни один из моих соколов не слетел с моей руки…

Ноги Хока подогнулись, когда ужасная мысль пришла к нему в голову.

В день их свадьбы, её не было рядом с ним более двух часов. Он никак не мог найти её. Затем она поспешно вышла из башни. Он хотел вернуть её обратно в сладкую прохладу, чтобы там заняться с ней любовью, но она осторожно и настойчиво увела его прочь. И вместо башни, они отправились в конюшню.

Что она делала в башне в день их свадьбы?

Он промчался сквозь замёрзший сад и запрыгнул на низкую каменную стену, пролетев через нижний двор. Он распахнул дверь башни и остановился, глубоко вдыхая воздух в свои лёгкие. Там было слишком темно, после того, как спустилась ночь. Он вышел наружу и распахнул ставни. Света немного, но возможно его будет достаточно.

Хок стоял в центре круглой башни, воспоминания кружились вокруг него. Наконец его глаза приспособились к мраку. *Что ты пыталась мне сказать, девушка* ?

Его сознание металось, пока его глаза блуждали по полу, потолку, стенам…

Там.

Он подошёл к стене у двери – там была надпись. Написана маленькими буквами на тёмной стене белым известняком.

«Ни один из твоих соколов не улетит от тебя по собственной воле, любовь моя. Всегда твоя! Э.Д.С.Д.»

Небольшая течь появилась в плотине, которая удерживала его страдания, освободив струйку боли, которая все текла и текла. Она пыталась сказать ему. «*Он не применяет силы против меня* », – сказала она. Но очевидно, что кузнец применил силу против кого-то или чего-то, что волновало Эдриен больше, чем её собственное счастье.

Как он не мог понять этого раньше? Что его желанная жена пожертвует всем, чтобы обезопасить Далкит, точно так, как сделал бы он сам. Что её любовь была столь глубокой, столь бескорыстной, что она прошла бы через ад и вернулась бы снова, чтобы защитить то, что любила.

Хок застонал во весь голос, когда воспоминания обрушились на его разум. Эдриен, купающаяся с ним в прохладном роднике по дороге назад из Устера, и искреннее благоговение в её глазах, когда она обводила взглядом нетронутые просторы истинной Шотландии. Глаза Эдриен, что светились каждый раз, когда она смотрела на каменные стены Далкита. Нежность и благородное сердце Эдриен, тщательно укрытые равнодушным фасадом.

Этот ублюдок кузнец должно быть нашёл её в башне, или шёл за ней следом. Очевидно, Адам пригрозил, что воспользуется своей странной силой, чтобы уничтожить Далкит, и Эдриен сделала всё, что он ни потребовал, чтобы предотвратить это. Или это был он, Хок, кого Адам угрожал уничтожить? Эта мысль разбудила в нём ещё более жестокую ярость. Так, значит, его жена отдала себя, чтобы защитить его и оставила ему любовное послание, чтобы он знал о том, о чём она не рискнула ему сказать. Что всегда будет любить его. Её странные слова были тщательно подобраны, чтобы заставить его задуматься, зачем она сказала их. Заставить пойти его в соколиную башню и оглядеться. Она не могла выразиться откровенней в страхе, что Адам поймает её на этом.

Должно быть, она написала эти слова незадолго до момента, когда он, наконец, нашёл её в день их свадьбы. Зная, что ей придётся покинуть его, чтобы сохранить ему жизнь, она хотела для него только одного – чтобы он твердо держался за свою веру в неё.

Но он не сделал этого. Он взбесился, как раненый зверь, быстро поверив в худшее.

Он проглотил горькую желчь стыда. Она никогда не переставала любить его. Она никогда не оставила бы его по собственной воле. Сейчас это слабое утешение.

Как он мог усомниться в ней даже на минуту?

Бутылка выпала из рук с глухим стуком. Сидхок Джеймс Лион Дуглас, самый красивый мужчина, знаменитый любовник на трёх континентах, мужчина, которому могли позавидовать сами эльфы, опустился на землю и сидел совершенно неподвижно. Так

неподвижно, что слёзы почти замёрзли на его щеках, прежде чем соскользнуть на землю.

* * *

Несколько часов спустя, Хок совершил медленный, трезвый подъём обратно на крышу и тяжело сел рядом с Гриммом. И словно их предыдущий разговор вообще не прерывался, сказал:

– Эвер-Хард… Она сказала, он держал её за дурочку, и она плакала.

Гримм посмотрел на своего лучшего друга и почти вскрикнул от облегчения. Дикие чёрные глаза снова стали по большей части нормальными. Он не выставлял больше напоказ свое разбитое, незажившее сердце. На его лице был лишь отблеск былой решительности и силы Хока, но и это мерцание было хорошим началом.

– Хок, мой друг, нет ни одного мужчины, женщины или ребёнка в Далките, который верил бы, что она покинула тебя по собственной воле. Я могу остаться здесь и заморозить мой инструмент для взламывания девиц, пытаясь найти падающую звезду, или ты можешь сделаешь что-нибудь сам. Я – и мои замёрзшие нижние части тела – будем бесконечно тебе благодарны. Как будет и весь Далкит. Сделай что-нибудь, парень.

Хок закрыл свои глаза и сделал глубокий, дрожащий вдох.

– Что именно? Ты же видел, как они исчезли в воздухе. Я даже не знаю, где искать.

Гримм указал молча на задымлённую вершину горы Брахир, и Хок медленно кивнул.

– Да. Цыгане.

Гримм и Хок долгое время молча вглядывались в кружащийся серый туман.

– Хок?

– Хм?

– Мы вернём её, – пообещал Гримм.

Глава 33

Больше месяца изматывающих поисков ушло на то, чтобы найти цыган. Они ушли на время зимы в более тёплые края. Именно Гримм вышел, наконец, на их след и вернул Рушку обратно в Далкит. Хок не знал, что для Гримма возвращение Эдриен стало персональным искуплением, и обнаружение цыган было лишь незначительным шагом на долгом пути.

– Кто Адам Блэк на самом деле? – спросил Хок.

Каждый из собравшихся в Большом Зале задавался этим же самым вопросом по различным причинам в течение всего пребывания среди них странного кузнеца, поэтому все они наклонились ближе, чтобы услышать ответ.

– Вы, горцы, называете его народ *daoinesith* . Адам – эльфийский шут. Шут при дворе Королевы Эльфов. – Рушка вздохнул и пригладил взволнованными руками серебристые волосы.

– Эльфы, – осторожно отозвался Гримм.

– О, не делай вид, что испугался моих слов, Гримм Родерик, – сказал резко Рушка. – Ты сам слышал банши в ту ночь, когда твои люди были убиты. Ты видел *beannighe* [1], прачку, которая стирала окровавленное платье твоей матери, перед тем, как она умерла. Ты даже заставляешь меня задумываться о том, что еще ты видел, но о чём умалчиваешь. – Рушка внезапно замолчал и покачал головой. – Но это не относится к делу. Реальность такова, что Эльфы обитают на этих островах. Они появились здесь задолго до того, как мы пришли, и наверное, будут продолжать ещё долго быть, после того, как мы уйдём.

– Я всегда верила в это, – тихо сказала Лидия.

Хок тревожно переместился к огню. Он вырос на легендах об Эльфах, и эльфийский

1 Она встречается и в шотландской, и в ирландской традиции как один из вариантов баньши. Ее видят на берегах дальних речек, где она стирает окровавленные одежды тех, кому суждено погибнуть. Она небольшого роста и одета обычно в зеленое; у нее красные перепончатые ноги.

шут – *sinsirichedu*– был самым опасным среди них.

– Скажи мне, как победить его, Рушка. Расскажи мне всё, что надо знать.

Хранить наследие прошлого было изумительным искусством памяти, и не все из цыган могли удержать такие исчерпывающие сведения в своих головах. Но Рушка был одним из лучших хранителем знаний, и его почитали за то, что он мог рассказывать старинные предания слово в слово – со слов его отца, а те были рассказаны со слов его деда до него – и так пятьдесят поколений назад.

– Мне было это рассказано следующее, – Рушка сделал глубокий вдох и начал:

– Есть два пути, чтобы обеспечить безопасность от Эльфов. Один – это потребовать клятву с Королевы по Договору Туата-Де Данаан. Это почти невозможно добыть из-за того, что она редко утруждает себя делами смертных. Другой – это узнать настоящее имя эльфа, с которым имеешь дело. Ты должен тогда произнести имя правильно, на родном языке существа, глядя прямо в глаза эльфу, и отдать ему свой приказ. Этот приказ должен быть подробным и исчерпывающим, потому что ему будут подчиняться строго и в точности по изложенному. Нет ограничений по длине приказа, но он должен быть непрерывным, соединённым и непрекращающимся потоком слов. Ты можешь сделать паузу, но не можешь закончить высказывание до тех пор, пока приказ не завершён. Если приказ прерван разговором с кем-нибудь ещё, мера подчинения без промедления там и заканчивается. – Рушка прервался на мгновение, изучая огонь. – Так что видишь, наши истории говорят, что если ты смотришь прямо в его глаза, когда называешь его настоящим именем, он переходит в твоё распоряжение. – Рушка тревожно вышагивал перед огнём в Большом Зале.

– Как его настоящее имя?

Рушка слабо улыбнулся и вывел несколько символов в золе очага.

– Мы не произносим его вслух. Но он тот чёрный тип, который приносит забвение. У него есть много других имён, но только это имеет отношение к тебе.

Хок все еще не верил. Если бы он только произнёс имя Адама на гаэльском, он бы получил его настоящее имя.

– Так просто, Рушка? Ты хочешь сказать мне, что он был так самодоволен и уверен в себе, что назвался Адамом Блэком? – *Амаден Ду* [1]. Хок произнёс это имя мысленно в своем сознании. Дословно переведённое, оно означало Адам Блэк.

– Да. Но есть одна загвоздка, Хок. Сначала ты должен его найти. Он может оказаться у тебя в подчинении, только если он присутствует в этот момент и ты произносишь его имя, глядя прямо ему в глаза. А говорят, его глаза могут моментально свести с ума.

– Уже испытал это, – рассеянно пробормотал Хок. – Почему ты не рассказал мне всё это, пока он был ещё здесь? Пока не забрал Эдриен обратно?

Рушка покачал головой.

– Ты бы мне поверил, если бы я сказал тебе, что Адам из мифической расы? Что мы верили тому, что он принёс девушку сюда для какой-то странной мести? Лидия говорила мне, что ты даже не верил, что она из будущего до тех пор, как не увидел её исчезновение своими глазами.

Хок нахмурился и нетерпеливо потёр свой подбородок.

– Это так, – наконец, нехотя он признал он. – Но ты мог предупредить…

– Я сделал это, Хок, помнишь? Настолько, насколько мог в день похорон Зельди.

Хок сдержанно кивнул. Правда. Но его голова была так заполнена мыслями о его жене, что он поставил свои желания выше предостережений.

– Кроме того, даже если бы я думал, что ты поверишь, я всё же вероятно не рассказал бы тебе. Подчинять эльфов стоит лишь в крайнем случае. Это опасное дело. Настоящим именем ты можешь подчинить шута только один раз – и строго дословно по твоему приказу. Шут подчиняется только в точности тому, что ты ему говоришь. Скажи ты ему, «Я приказываю тебе принести Эдриен назад», и он принесёт её. Но она может быть мёртвой, потому что ты детально не указал в каком состоянии ее принести.

---

1 amadan dubh.

Хок отбросил голову назад и позволил вырваться скорбному воплю досады и раздражения.

Рушка продолжил.

– Или если ты сказал бы «Отправь меня к ней», он сделал бы, но *ты* мог бы оказаться мёртвым. Или превращённым в ящерицу, если ему придёт такая мысль в голову. Это очень опасное дело – пытаться подчинить эльфийского шута.

Хок потирал своё чисто выбритое лицо и смотрел пристально на языки пламени, сосредоточенно слушая, что дальше говорил Рушка. Он сортировал потоки сведений, тщательно их разбирая. Это можно было сделать. Да, можно. Когда Рушка наконец замолчал, они провели ещё какое-то время в полной тишине, только огонь потрескивал в камине.

– Если ты решишь попытаться, у нас всё ещё есть одна маленькая проблема, мой друг, – оповестил Рушка.

– Что там ещё? – рассеянно спросил Хок.

– Он ушёл. Как ты найдёшь его? Я знавал людей, которые искали легендарных эльфов всю жизнь, и никогда не видели хотя бы безпризорного келпи, Хок.

Хок задумался об этом на мгновенье, потом улыбнулся.

– Говоришь, он эгоцентричный?

– Да.

– Тщеславный, очевидно.

– Да, – подтвердил Рушка.

– Склонный к приступам гнева и обманам, как я полагаю, ты выразился бы.

– Да.

– И как показалось, он пришёл сюда, подгоняемый таким человеческим чувством, как ревность. Ко мне.

– Это правда.

– Хорошо. Тогда я собираюсь на самом деле встряхнуть его мерзкий мирок.

– Что ты задумал, Хок? – спросил Рушка, с едва уловимым намёком на улыбку на обветренном лице.

Хок усмехнулся и поднялся на ноги. Ему нужно было кое-что сделать.

* * *

Эдриен мчалась вверх по ступенькам Коттейл-Лейн, 93 с большей энергией, чем была у нее в течение нескольких месяцев.

– Мария! Мария! – закричала она, когда нырнула сквозь дверь, ища миниатюрную кубинскую женщину, которая стала для неё кем-то большим, чем её домработницей за последний месяц; сейчас она была скорее ей как мать и дорогой друг.

Эдриен решительно приказала Марии переехать в дом к ней, и постепенно они обе погрузились в восхитительные ритуалы их дружбы; чаепитие по ночам, утренние беседы, разделённые смех и слёзы.

– Мария! – позвала она снова. Тогда, заметив Луни, она подхватила её и закружилась с испуганным котёнком по прихожей.

– Эдриен? – она появилась в дверном проёме, а её глаза светились надеждой. Мария внимательно пробежалась глазами по Эдриен; её сияющее лицо, её искрящиеся глаза. – Ты видела его – доктора?

Эдриен быстро кивнула головой и крепко обняла Луни. Кошка издала раздражённое мяуканье и выгнулась. Обе женщины молча обменялись улыбками над головой кошки.

– И врач сказал… – подбодрила Мария.

– Ты была права, Мария! Это потому я чувствовала себя такой больной. У меня будет ребёнок Хока, Мария, – воскликнула Эдриен, не в состоянии больше удерживать новость в себе. – У меня внутри растет ребёнок Хока!

Мария захлопала в ладоши и радостно засмеялась. Эдриен со временем исцелится.

Ребёнок от любимого мужчины может вселить надежду в любое женское сердце.

* * *

Хок нанял пятьдесят арфистов и шутов и научил их новым песням. Песням о ничтожном эльфийском шуте, который был изгнан из Далкита-на-море легендарным Хоком. И так как он сам был легендой в своё время, его сказания свидетельствовали о значительной истинности и неослабевающем могуществе. Актёры были восхищены эпическим величием такого неистового сказания.

Когда они отрепетировали до совершенства песенки и припевы о победе над шутом, Хок отправил их в графства Шотландии и Англии. Гримм сам сопровождал труппу актёров, путешествующих по Эдинбургу, чтобы помогать распространять сказание, пока Хок проводил поздние часы у свеч, записывая, перечёркивая и совершенствуя свой приказ для шута, к тому моменту, когда он придет. Время от времени, в ранние утренние часы, он тянулся к своему набору острых шил и клинков и начинал вырезать из дерева одного за другим игрушечных солдатиков и куколок.

* * *

На острове Морар Королева сдержала деликатный смешок своей маленькой рукой, когда напевы нового представления донеслись из-за моря. Адам зарычал.

Шут в течение долгих месяцев злорадствовал по поводу поражения Хока. Самодовольно он говорил Королю и любому, кто его слушал:

– Он может и красавчик, но ему не сравнится со мной. Всего лишь глупое миленькое лицо.

Король проказливо приподнял бровь, не в состоянии удержаться от того, чтобы не подразнить шута.

– Это он глупый? Он был побеждённым? Ох, ох, шут, кажется, поистине не зря мы дали тебе такое имя. Легенду о эльфийском шуте только что переписали. Целую вечность смертные будут помнить о твоём поражении, а не его.

Шут испустил оглушительный вопль ярости и исчез. В этот раз Финнбеара пошёл прямо к своей Королеве.

– Шут пошел к Хоку, – сказал он ей. Адам был в отвратительном настроении, а до этого однажды он чуть не уничтожил их расу. *Договор не должен быть нарушен* .

Королева перекатилась на бок и посмотрела на своего супруга долгим внимательным взглядом. Потом она подставила свои губы для его поцелуев и Финнбеара понял, что снова был в милости у своей любимой.

– Ты правильно сделал, что рассказал мне, мой дорогой.

* * *

Иногда, очень поздно ночью, Эдриен грезила о том, что снова гуляет по изумрудным склонам Далкита. Прохладная свежесть солоноватого воздуха с благоуханием роз гладила ей волосы и ласкала её кожу.

В её мечтах Хок ждал её на краю моря; её одетый в килт великолепный шотландский Лэрд. Он улыбался ей, и морщинки украшали его глаза, а потом они темнели от разгорающейся страсти.

Она брала его руку и нежно клала её на свой округлившийся живот, и его лицо вспыхивало счастьем и гордостью. И он брал её осторожно и нежно, там, на краю обрыва, в ритме разбивающихся о скалы волн океана. Он занимался с ней любовью яростно и властно, и она держала его так крепко, как только могла.

Но перед рассветом, он растворялся, ускользая сквозь её пальцы.

И она просыпалась, со щеками, влажными от слёз, а руки сжимали только одеяло или подушку.

Глава 34

1 апреля 1514

Он был близко. Хок мог чувствовать его, когда он сидел в своем кабинете и шлифовал игрушечного солдатика до гладкости полированного зерна, пока он смотрел, как рассвет продвигается через море. Понимающее покалывание начиналось у основания его позвоночника и пробежало вверх по спине, обостряя все его чувства.

Хок улыбнулся дьявольской улыбкой и осторожно отложил в сторону игрушку. Что-то злобноё идёт сюда. *Да. И на этот раз я готов, ты, ублюдок* !

Хок прошел через свой кабинет к столу, и свернул толстый свиток пергамента, спрятав его в кожаный спорран, висящий и него на талии. Он был готов воспользоваться им, но только после того, как получит удовлетворение, сразившись с кузнецом на условиях смертных.

Он встретил утро, чувствуя себя более живым, чем он ощущал себя за все последние месяцы. «*Держись твёрдо и верь в меня, любимая* », – прошептал он через столетия.

Потому что любовь и вера сами по себе были серьёзной магией.

* * *

– Выходи, трус, – позвал он, его дыхание вырывалось клубами пара в холодный утренний воздух. Снегопад прекратился пару недель назад, остались только редкие островки снега, и скоро весна ещё раз украсит Далкит-на-море. *Как и моя жена* , яростно поклялся он. Вот уже много дней он был напряжен, зная о том, что вот-вот что-то должно случиться. Ощущая это в своем сердце, так же, как временами цыгане ощущали свои предчувствия. Затем этим утром он проснулся в ранний час, зная что время пришло. Битва развернётся в этот день, и это будет сражение, в котором он одержит победу.

– Давай же! Легко сражаться скрываясь. Это только говорит мне о том, что ты слишком труслив, чтобы объявиться самому и встретиться со мной лицом к лицу, – надсмехался он над туманным воздухом.

На мгновение он почувствовал себя глупо, но резко отодвинул это чувство в сторону. Адам Блэк, подгоняемый песнями менестрелей и собственной шутовской слабостью, был близко – сознание этого проникло в него до мозга костей.

– Враг! Выходи же ко мне! Трусливый, слабый, сопливый щенок. Держу пари, ты прятался за маминими юбками, когда был мальчишкой, не так ли? Трясёшься и дразнишься из-за спины девушки, так ты теперь делаешь? – смеялся он в безмолвное утро. – Ты использовал её как свою пешку. *Любой* может играть в такую слабую игру. Я вызываю тебя на настоящее противоборство, бесхребетный червяк.

Поднялся бриз, уже более шаловливый, но тем не менее никто не появился. В воздухе кружились плотными темные облака, быстро бегущие по небу. Хок громко захохотал, чувствуя возбуждение и силу, бегущие по его венам.

– Смертные люди сейчас знают правду о тебе, Адам – что ты не смог завоевать мою жену, что она пренебрегла тобой ради меня. – Естественно, он умолчал правду о том, что Адам на какое-то время убедил его в том, что Эдриен охотно ушла от него. Но Хок снова обрёл свои чувства, наряду со своим доверием и верой в свою жену. – Я знаю, что она отвергла тебя, кузнец! Я знаю, что ты заставил её покинуть меня против её воли. Она предпочла меня тебе, и вся страна теперь об этом знает.

– Прекрати, смертный, – донёсся голос Адама с бризом.

Хок засмеялся.

– Ты находишь это забавным? Ты думаешь, что, спровоцировав мою ярость, доживёшь до того, чтобы посмеяться над этим? Ты действительно настолько безумен? Потому что ты мне не соперник.

Хок всё ещё улыбался, когда тихо сказал:

– Я оказался тебе достойным соперником, когда пришло время Эдриен выбирать.

– Смотри в лицо своему палачу, милый птенчик, – Адам грозно выступил из плотного горного тумана.

Оба мужчины свирепо смотрели друг на друга.

Адам шагнул ближе.

То же самое сделал и Хок.

– Честный бой, капризный эльф. Пока тебе не станет слишком страшно.

– Это для этого ты меня позвал? На кулачный бой?

– Прими смертную форму, Адам. Сражайся со мной до смерти.

– Мы не умираем, – презрительно усмехнулся Адам.

– Тогда пока один из нас не победит. Сражайся честно.

Они осторожно кружили, держась друг от друга на расстоянии, их мускулистые тела бугрились высвобожденной враждебностью. Жестокость, тихо бурлящая с момента встречи этих мужчин, достигла своего апогея. Для Хока было облегчением разрешить спор боем и разобраться со всем этим. И ох, наконец, заполучить в свои руки этого ублюдка-кузнеца!

– Я всегда сражаюсь честно.

– Ты лжёшь, шут. Ты жульничаешь на каждом повороте.

– Я никогда не жульничаю!

– Ну так и не делай этого сейчас, – предупредил Хок, когда они сошлись. – Голыми руками. Один на один, ты сходен со мной по размерам. Сравнишься ли ты со мной в силе, скорости и умении? Думаю нет.

Адам лениво пожал плечами.

– Ты пожалеешь о том дне, когда появился на свет, милый птенчик. Я уже победил тебя и забрал твою жену, но сегодня я решу твою судьбу. Сегодня я разрушу Далкит до такой степени, что ветер только будет гнать к обрывами скал гранитные обломки в голодную пасть моря. Твои кости будут среди них, Хок.

Хок откинул назад тёмноволосую голову и расхохотался.

* * *

Укрывшись в густом тумане, двор Туата-Де Данаан наблюдал за битвой.

– Хок побеждает!

Серебристый вздох.

– Такой мужественный.

– Посмотри, как он двигается! Быстр, как пантера, беспощаден, как питон.

– Не думай о нём, он сейчас в полной безопасности от всех нас. Я так приказала, – сказала Королева с холодным порывом ветра.

Долгое молчание.

– Шут будет играть честно? – осведомилась Эйн, независимый, робкий эльф.

Королева вздохнула.

– А он играл честно когда-нибудь?

* * *

Эдриен схватила руку Марии и шумно задышала, когда почувствовала мягкий удар в своей матке. Почему-то это ощущалось, так словно Хок был рядом и нуждался в её силе и любви. Словно что-то волшебное парило в воздухе, почти достаточно осязаемое для того,

чтобы она могла ухватиться за это своими тонкими пальцами. Она крепко зажмурила глаза и приказала сердцу лететь сквозь пропасть времён.

* * *

Адам зарычал.

– Хватит с меня этого идиотизма смертных. Пришло время покончить с этим раз и навсегда. – Он был весь в крови, с разбитой губой и сломанным носом. Адам воспользовался своей бессмертной силой, чтобы повергнуть Хока на землю у своих ног. Меч появился в руке Адама, и он прижал клинок к горлу смертного. – К чёрту Договор, – пробормотал Адам, раскачивая острым как бритва остриём, продвигаясь к яремной вене Хока. Он приподнял бровь и засмеялся над упавшим смертным. – Ты знаешь, на минуту я забеспокоился, что ты сумел узнать кое-что такое о моей расе, то, что мы не хотели бы, чтобы смертные знали. Но похоже, я был прав насчёт тебя с самого начала, и моё беспокойство оказалось беспочвенным. Ты действительно тупоголовый. Ты и правда считал, что сможешь взять надо мной верх в кулачном бою? – Адам покачал головой и поцокал языком. – Вряд ли. Нужно нечто большее, чем это, чтобы одержать победу над таким, как я. О, и кстати, приготовься умереть, смертный.

Но его угроза не вызвала даже намёка на дрожь у легенды у его ног. Вместо этого Хок высокомерно взялся рукой за лезвие и заглянул глубоко в глаза Адаму. Мощью взгляда смертный вцепился в Адама, удерживая со всей силой, которой он обладал.

Адам напрягся, и вспышка неуверенности сверкнула на его лице.

Хок улыбнулся.

– *Амаден Ду* , и так я принуждаю тебя…

Адам застыл и его челюсть отпала, опровергая совершенно человеческое выражение изумления. Меч испарился из его руки, когда слова древнего ритуала принуждения крепко стянули его.

– Ты не можешь сделать это! – выкрикнул Адам.

Но Хок мог и он сделал.

Адам рычал низким гортанным рёвом. И это был совершенно нечеловеческий звук.

Двадцатью минутами позже Адам недоверчиво и изумленно приоткрыл рот. Хок на самом деле развернул пергаментный свиток из своего споррана и читал очень длинный, очень специфический перечень требований.

– …и ты никогда не подойдёшь близко к Далкиту-на-море снова…

Адам вздрогнул.

– Ты почти закончил, милый птенчик?

Хок продолжал, не прерываясь и разворачивая дальше свой свиток.

– Ты что там чёртову книгу написал? Ты не можешь так делать, – сказал Адам сквозь стиснутые зубы. – Ты должен отдать один приказ. Ты не можешь читать это всё целиком.

Хок засмеялся почти в голос. Надувательство сейчас начнётся. Переменчивый эльф попытается воспользоваться любой лазейкой, какую только сможет найти. Но Хок не оставил ему никаких лазеек. Он продолжал читать.

– Я сказал, прекрати, ты, инфантильная, мяукающая смертная кучка. Это не сработает.

– …и ты никогда…, - продолжал Хок.

Адам рычал и бесился, его застывшее лицо побелело еще больше.

– Я прокляну твоих детей, детей твоих детей. Я прокляну Эдриен и всех её детей…, - злобно дразнил его Адам.

Хок замер и замолчал. Его взгляд метнулся к Адаму.

Адам подавил смешок ликования, уверенный в том, что Хок совершит оплошность и оборвёт свой приказ.

Губы Хока растянулись в яростным рычании:

– … и ты никогда не будешь пытаться наложить проклятие на мою семью, моих

потомков, меня самого, или на семью, потомков, или на личность любого, кого я прикажу тебе оставить или любой Дуглас прикажет тебе оставить…включая Эдриен; Дуглас чётко определён как любой родственник по прямой крови или связанный узами брака, усыновления, потомки определяются как отпрыски, приёмные дети или иным способом приобретённые, ты не причинишь вреда ни единому животному, принадлежащему…

Адам вышагивал по пустоши с чахлой растительностью, и страх был очевиден в каждом его шаге.

– … подчинение определено, как…и когда ты вернёшь Эдриен ко мне, всё будет в порядке в Далките-на-море…Хок и все его люди будут защищены от любого вреда, живы и в полном здравии без каких-либо уловок…и Эдриен принесет сквозь время в безопасности свою кошку вместе с собой… и…

Лицо Адама, когда-то красивое, превратилось в мертвенно-бледную маску ненависти:

– Я не проиграю! Я найду способ победить тебя, Хок.

– …и ты откажешься от любой мстительных мыслей или действий против Дугласов…

Адам махнул рукой и появилась Эдриен, совершенно ошеломлённая, сжимающая царапающуюся кошку в своих руках.

Хок незаметно вздрогнул, зная, что это была ещё одна уловка Адама, чтобы заставить его оборвать свой приказ. Пять месяцев, пять ужасных, безжалостных месяцев не видеть её любимого лица, и вот она стоит перед ним. Ошеломляющая, прекрасная до замирания сердца. Взгляд Хока жадно останавливался на её лице, её серебристой гриве, её прекрасном теле, её округлившемся животе…

Её округлившемся животе? Его глаза взлетели к глазам Эдриен, широко распахнутым от изумления и благоговения, а его тело содрогнулось от неистового собственнического чувства.

Его ребёнок! Его дочь или сын. Кровь от его крови – его и Эдриен.

Эдриен была беременна.

Хок онемел.

Адам злобно ухмыльнулся – и Хок увидел это.

Он *не потеряет* Эдриен. Он должен ещё многое прочитать. Железной силой воли Хок отвёл взгляд от своей любимой жены.

Это было самым трудным из всего того, что он сделал за всю свою жизнь.

Глаза Эдриен пожирали его.

Она боялась помешать, боялась двинуться. Каким-то чудесным образом её выдернули прямо из библиотеки, а Луни, которая была в другом конце комнаты у камина, уютно свернулась в её руках. Она всё ещё видела испуганное лицо Марии, растворившееся прямо перед её глазами.

И был Хок, любимый муж и сама её жизнь.

– Как ты могла устоять передо мной, красотка? – Адам вдруг снова стал кузнецом, сверкающий и одетый в килт. – Я столь же красив, как и Хок и могу понравиться тебе так, как ты и не мечтала. Я могу вывернуть тебя наизнанку и заставить рыдать от экстаза. Как могла ты отвергнуть меня?

– Я люблю моего мужа. – Она провела много месяцев, цепляясь за надежду с ребёнком Хока, растущим внутри неё, и изучая все кельтские традиционные знания, которые она смогла заполучить в свои руки, в надежде найти дорогу обратно. Но Хок, как оказалось, сам нашёл этот путь для неё.

– Любовь. Что это за вещь такая, что вы, смертные, так высоко её цените? – насмехался Адам.

Достаточно, шут , долетел серебристый звон вздоха Эльфийской Королевы.

Даже Хок, проигнорировав его слова, замер на полуслове, услышав этот голос.

И с тебя тоже достаточно, прекрасный мужчина, легендарный Хок .

Мелодичнее, чем звон колокольчиков, её голос был чувственной лаской небес. Но Хок продолжал, не прерываясь:

– …и используемое в этом приказе слово *личность* будет подразумевать и включать, где должно, индивидуума или другое существо; множественное число будет заменять единственное, а единственное в пользу множественного, где должно; и слова любого рода будут включать другой род…

Эдриен смотрела на своего мужа, и её глаза сверкали любовью и гордостью.

Шут подчинится мне. Я его Королева .

Хок помедлил с намёком на вздох, недостаточный для того, что нарушить целостность, но достаточный для того, чтобы осознать.

И, кроме того, ты вышел за пределы приказа. Ты словно служишь мессу и воистину многословен. Тем не менее, отлично сделано, смертный. Она в безопасности, вы оба в безопасности. Я буду следить за этим с сегодняшнего дня и до конца.

Хок продолжал:

– …все элементы, объединённые словами «если», «и», или «но», или другими связующими словесными выражениями в случае кажущегося противоречия не будут действовать как исключения или ограничения никоим образом, но будут функционировать как связующие, частично совпадающие и предоставляющие самое широко возможное определение способов выражения, использованных при сём…

Королева Эльфов вздохнула.

Аааах, понимаю. Ты не прекратишь нести этот бред, пока я не предложу гарантий. Умный мужчина. Ты добиваешься моего обещания. Я дарую его. Ты получаешь неизменную клятву Эльфийской Королевы по договору Туата-Де Данаан. И не будет она нарушена, чтобы наша раса не исчезла .

Хок отпустил свиток, и тот свернулся, звучно щёлкнув. Только тогда Эдриен увидела, как дрожат его руки, когда он встретил её взгляд с торжеством в глазах.

– Она подарила нам защиту и верность. – Его улыбка могла зажечь костры Самайна. Его глаза скользили по ней с ног до головы, любовно задерживаясь на каждом дюйме её тела.

– Мы в безопасности? – прошептала Эдриен, со слезами, струящимися из её глаз.

Я буду следить за этим сама, – пропел серебристый голос. – *Сейчас и всегда. Шут?*

Адам зарычал.

Так как я не в состоянии удержать тебя от неприятностей, у тебя будет новый компаньон. Эйн проведёт следующих пятьсот лет с тобой. Она постарается держать тебя в узде .

Не Эйн! Просьба Адама почти ничем не отличалась от нытья. *Эта маленькая излишне любопытная фея увлечена мной! Я мог бы провести это время, доставляя удовольствие тебе, моя Королева! Позволь мне!*

Ты будешь доставлять удовольствие ей, шут, или проведёшь следующую тысячу лет у подножия гор в одиночестве. Ты думаешь, что тебе скучно сейчас?

Глянув на Хока уничтожающим взглядом, Адам исчез.

Так, на чём мы остановились? – спросила Королева. Эдриен украдкой посмотрела в направлении её голоса. Она едва могла разглядеть сияющие очертания женщины, парящей в тумане позади Хока.

Ах, да. Вы двое собирались пожениться на холмах у моря. Шут ужасно грубо умеет выбрать момент. Я начну с того места, на котором вы остановились. Я, Эобил, Королева Туата-Де Данаан, называю вас мужем и женой. Ни смертный, ни вечный да не разведёт вас порознь, дабы не навлечь на себя мой непреходящий гнев. Вас соединила в браке сама Эльфийская Королева. Никто не может предъявить права на такую легенду.

Эдриен и Хок всё ещё смотрели друг на друга через пространство сада, боясь сдвинуться даже на дюйм.

Ну? Поцелуй женщину, ты большой красивый мужчина! Давай .

Хок резко втянул воздух.

Он изменился, осознала Эдриен. Время сделало его даже ещё более красивым, чем

раньше. Она не знала, что то же самое он думал о ней. Его глаза скользили по ней, от серебристо-белокурых волос до её босых пальцев ног, выглядывающих из-под странных штанов.

А потом она была в его руках, свернувшись в этом сильном объятии, о котором мечтала каждую ночь все последние пять месяцев, пока лежала в постели, положив руку на свой округлившийся живот, умоляя небеса об ещё одном дне, проведённым со своим мужем.

Он легко касался её губ своими.

– Моё сердце.

– Твоё сердце – это…ох! – И она лишилась дыхания под его восхитительными губами.

Ааах, – изумилась Королева, ибо даже Туата-Де Данаан благоговели перед настоящей любовью. *Вы достойны того, что я дам вам сейчас,* – прошептала она перед тем, как исчезнуть. – *Считайте это моим свадебным подарком…*

Эпилог

Эдриен дышала полной грудью. Ничто никогда не сможет сравниться с ароматом роз и весеннего дождя, с непрерывным рёвом волн, бьющихся о западные скалы и брызгами соли в неиспорченном воздухе. Она чуть наклонилась вперёд, чтобы увидеть надвигающиеся на море сумерки. Потом она вернётся к Лидии и продолжит подготавливать всё необходимое к появлению малыша. Она подавила смешок своей рукой. Лидия в конечном счёте открыто приказала Хоку уйти, выражая недовольство тем, она не может должным образом порадоваться возвращению своей невестки домой и приготовиться как следует к появлению внука, если он не перестанет её постоянно целовать. Не то, чтобы Эдриен возражала.

Хок выглядел сердитым, как наказанный мальчишка.

– У вас двоих вся жизнь впереди, – решительно отметила Лидия. – В то время как у нас женщин всего несколько коротких месяцев, чтобы подготовиться к появлению малыша.

– Несколько коротких месяцев? – ошеломлённо посмотрел Хок. Потом заволновался. И куда-то побежал, что-то бормоча себе под нос.

Сейчас Эдриен стояла на каменных ступеньках, откинув голову назад и упиваясь безмолвной красотой бархатного неба. Её глаза заметили мелькнувшее на крыше движение.

Гримм перегнулся к ней через перила, и его красивое лицо озарилось улыбкой. Она с Хоком разговаривали в послеполуденные часы, и он в подробностях рассказал ей всё, что происходило здесь без неё, включая то, как Гримм помогал вернуть её обратно. Буквально за пару часов до этого Гримм приложил руку к сердцу и стоя на коленях молил её о прощении за свою ложь. И она с готовностью даровала ему его.

– Надеюсь, ты не ищешь падающую звезду, Гримм, – позвала она его снизу.

– Больше никогда не сделаю этого, – горячо поклялся он.

Эдриен задохнулась, когда прямо в этот момент крохотное белое пятнышко заискрилось и рассыпалось, прочертив спускающийся вниз виток через всё небо.

– О, Боже, Гримм, смотри! Падающая звезда! – Она зажмурила глаза и яростно загадала желание.

– Что ты только что загадала? – зарычал он на неё, застыв от напряжения.

Когда она снова открыла глаза, то дерзко ответила:

– Я не могу сказать. Это против правил.

– Что ты только что загадала? – прорычал он.

– О, мы такие суеверные? – поддразнила она с улыбкой.

Он сердито смотрел на неё, пока она двигалась обратно к замку. Бросив взгляд через плечо, она послала ему озорную улыбку.

– Соберись с духом, Гримм. Я скажу тебе только – я загадала моё желание *на тебя* .

– Разве ты не знаешь, как опасно разбрасываться пустыми желаниями, девушка! – прогремел он.

– О, это совсем не было пустым, – весело прокричала она, перед тем как захлопнуть дверь. На крыше Далкита Гримм рухнул на колени и пристально посмотрел на небо, отчаянно ища ещё одну звезду, чтобы загадать желание… на всякий случай.

* * *

Платье Эдриен мягко шелестело, когда она летела по коридору. Лидия сказала, где она могла найти Хока и, за чашкой ароматного мятного чая, рассказала ей о тех немногих вещах, о которых не упомянул её муж. Тот факт, что он уничтожил её обожаемую детскую, ту, которою она, лёжа без сна, воссоздавала в своём воображении, будучи выброшенной на берег двадцатого столетия. Вот *куда* он умчался с взволнованным видом после упоминания «жалких оставшихся пару месяцев». Она зашла в детскую так тихо, что Хок не услышал, как она приблизилась.

Она легко и нежно провела пальцами по изящно вырезанной куколке и остановилась.

Он стоял на коленях рядом с колыбелью, втирая масло в дерево мягкой тканью. Он был одет лишь в синеву и серебро своего килта, его тёмные волосы спадали шелковистой волной. Детская освещалась десятком масляных абажуров, бросающих тени на его мощный торс, мерцающий бронзой. Его глаза сузились в сосредоточенности, мускулы бугрились и перекатывались, пока он втирал масло.

Эдриен прислонилась к косяку и молча смотрела на него, оглядывая скудное количество находящейся в комнате мебели. Многие из игрушек были восстановлены, но все колыбельки и кроватки были потеряны. Какая же жестокая ярость бушевала в нём тогда!

– Полагаю, что должна чувствовать себя польщённой, – тихо сказала она.

Его голова виновато дернулась.

Эдриен шагнула в комнату, осознавая, что её груди, налившиеся с беременностью, покачивались под платьем, и то, что Хок кажется был околдован зрелостью её ставших более пышными изгибов. Они уже занимались любовью в послеполуденные часы, отчаянно, поспешно, неистово и яростно, едва добравшись из сада в уединение их спальни. Лидия терпеливо ждала целый час, прежде чем постучать в дверь и потребовать увидеть свою невестку.

Когда Эдриен была снова поймана в ловушку двадцатого века, в ужасе оттого, что она больше никогда снова не познает близости со своим мужем, воспоминания об их невероятной страсти каскадом обрушивались на её разум, наполненные горьковато-сладкой яростью возрастающего осознания всех тех чувственных вещей, которые она так страстно желала делать с Хоком, но в которых отказывала и себе и ему. Эти долгие, мучительные месяцы желания наряду с требовательными гормонами беременности сейчас усилили её дерзость. Она изголодалась по медленной, восхитительной любви, которую, как она боялась, могла больше никогда не испытать снова.

– Хок?

Он посмотрел на неё снизу вверх, всё ещё стоя на коленях, но готовый вскочить, если она сдвинется хотя бы на дюйм.

Эдриен двинулась – медленно и эротично. Она наклонилась, чтобы поднять игрушечного солдатика, нагибаясь так, что её груди готовы были вывалиться из-за лифа. Она прикусила зубами нижнюю губу и послала Хоку пылающий огнём взгляд из-под опущенных ресниц. В мгновение ока он был на ногах.

– Остановись! – Эдриен подняла руку, чтобы удержать его.

Хок застыл в полушаге.

– Чего ты желаешь от меня, Эдриен? – прошептал он хрипло.

– Ты мне нужен, – задыхаясь, сказала она. Он рванул к ней, но она снова подняла руку. – Нет, позволь мне посмотреть на тебя, – сказала она, медленно обходя вокруг него. Она улыбнулась, когда его глаза расширились. – Когда я вернулась в своё время, одной из вещей, которую я действительно хотела выяснить, был вопрос о шотландских мужчинах и их

килтах…

– И что это был за вопрос?

– Однажды я видела, как ты садился на своего коня…

– Знаю об этом, – самодовольно сказал он. – Ты стояла у окна возле детской.

– Ох! Так ты *сделал* это намеренно!

Хок засмеялся, его глаза искрились озорством, и это подлило огня в её смелые намерения. Если он может дразнить её – отлично, в эту игру могут играть и двое. Она видела, как мастерски он играл, управляя своими желаниями.

Шагнув ближе, Эдриен опустила свою руку на его мускулистое бедро и вызывающе посмотрела ему в глаза. Его ноздри раздулись, а глаза потемнели под прикрытыми веками. Другой рукой она потянула лиф платья, позволив своим грудям выскочить из выреза. Она чувствовала себя восхитительно грешной, зная, что её соски, порозовевшие и затвердевшие, умоляли о поцелуях. Когда он качнулся вперёд, чтобы именно это и сделать, она игриво оттолкнула его, скользнула своей рукой вверх по его бедру и обхватила его член, наслаждаясь его хриплым стоном.

– Никакой одежды под этим пледом, как я и подозревала, – дерзко отметила она.

– Эдриен. Ты *убиваешь* меня.

– Я только начала, любовь моя. – Она обхватила пальцами его внушительное возбуждение и заскользила рукой вверх и вниз по его члену с бархатистым трением.

Хок обхватил её бёдра и опустил голову, чтобы поцеловать её; но она увернулась, засмеявшись, когда он вместо этого зарылся лицом в её грудь.

– Остановись, – приказала она.

– Что? – не веря, спросил он.

– Отойди назад, – подбодрила она его. – Не прикасайся ко мне, пока я не попрошу. Позволь дотронуться до тебя.

Хок застонал громким голосом, но позволил своим рукам оторваться от её тела. Его глаза были дикими от страсти, и Эдриен подозревала, что он не позволит долго длиться её нежной пытке.

Она неспешно расстегнула его килт и уронила его на пол. Её муж стоял обнажённым перед ней, его тело цвета бронзы мерцало в свете свечей, а его затвердевший член, настойчиво подрагивал. Эдриен прочертила зачарованную и обожающую дорожку по его плечам через его широкую, мускулистую грудь. Она легко коснулась его губ своими, поцеловала его подбородок, его соски, подразнила рифлёный живот своим языком, потом соскользнула на колени, и её рот принялся медленно поглощать дюйм за дюймом его плоть, а её ладони распластались по его бёдрам.

– *Эдриен* !

Она целовала его сладость, проводя своим языком вверх и вниз по всей его твёрдой длине. Хок погрузил руки в её волосы с низким горловым стоном.

– Хватит! – Он поднял её на ноги и прижал спиной к выступу под окнами. Затем он схватил ее на руки, усадил ее на выступ и задрал её платье вверх, раздвигая ей ноги, чтобы разместиться между ними.

– *Сейчас* , Эдриен. Я хочу тебя *немедленно* . – Он глубоко поцеловал её, когда осторожно, но настойчиво проталкивался в её манящую влажность. Эдриен задохнулась от удовольствия, когда он, наконец, заполнил её всю целиком. Хок сосредоточенно вглядывался в её лицо, заботливо следя за каждым её вздрагиванием, каждым стоном, слетающим с её губ, и только когда она судорожно достигает изысканной кульминации, только когда она почувствовала сладкую подступающую дрожь – тогда вообще он перестал двигаться.

– *Хок* !

– Будешь снова меня так дразнить, любовь моя? – прошептал он.

– Безусловно, – дерзко откликнулась Эдриен.

– *Будешь* ?

– Конечно. Потому что знаю, мой муж *никогда* не оставит меня, когда я нуждаюсь в

нём. Как и я никогда не буду дразнить его, не удовлетворив полностью его желаний. Так удовлетвори же меня, мой сладкий шотландский Лэрд. Возьми меня с собой в Валгаллу, муж.

Он тихо засмеялся, и задвигался в неё осторожно и нежно, пока они не достигли совершенного ритма. Глубина их слияния, такая совершенная душой и телом, заставила Эдриен кричать в голос от изумления этой глубине.

Позже, Хок закрыл детскую и отнёс свою сонную, удовлетворённую жену в Павлинью комнату, где держал её в своих объятиях всю ночь напролёт, изумляясь полноте своей жизни, когда она была в ней.

* * *

Лидия улыбнулась, когда услышала, как дверь детской громко хлопнула над её головой. Всё хорошо было в Далките-на-море. На мгновение она замечталась, представляя малышей, которые скоро украсят собой детскую.

Жизнь ещё никогда не была такой сладкой.

Но она могла бы быть ещё слаще, Лидия.

Глаза Лидии глубокомысленно смотрели на спину Тэвиса МакТэрвита, когда он задумчиво стоял перед камином. Волна чувства вины накатила на неё, когда она вспомнила, как он пришёл к ней в ту ночь, после разговора с Хоком, и она оказала ему холодный прием, и снова отступила в привычное для неё укрытие из формальностей.

Только натянутость в его терпеливой улыбки выдавала его укоризну.

Любовь моя , назвал он её, и она почувствовала себя такой виноватой за то, что у неё была любовь в то время, как её сын был одинок, что отказалась признать её. *Сколько ещё времени ты собираешься тратить впустую, девушка* ?!

Очень тихо Лидия вынула шпильки из кос, распуская свои волнистые каштановые волосы. Её глаза ни на секунду не отрывались от спины Тэвиса. С улыбкой предвкушения она покачала головой вверх-вниз, пальцами расчесала свои волосы во взъерошенные локоны, потом откинула их назад через голову, позволив им рассыпаться в свободном беспорядке вниз по спине.

Так много лет!

Она нервно потянула своё платье, изучая его спину ещё одно мгновение, потом пожала плечами и расстегнула несколько жемчужных пуговиц на воротнике. Она сделала глубокий, дрожащий вдох, в то время как бабочки бархатистыми крылышками трепетали внутри её живота.

– Тэвис? – тихо позвала она. После того, как она решилась, она полностью настроилась на то, чтобы больше не терять ни единого драгоценного мгновения.

Спина Тэвиса выпрямилась, и он бросил на неё взгляд поверх плеча.

Она почти засмеялась вслух, когда его глаза широко распахнулись, и он резко развернулся всем телом, чтобы посмотреть на неё; его взгляд блуждал по её свободной гриве, по её расстегнутому воротничку, по её приоткрытым губам.

– Лидия?

Она слышала сотню вопросов в одном его слове и была возбуждена осознанием того, что у неё есть, наконец, правильный ответ для него.

– Я всё время задавалась вопросом об одном, понимаешь, старина, – сказала она, похлопав по скамье, предлагая ему присесть рядом с ней. – Эти твои руки… – Её голос затих, с игривой искоркой в глазах. Кокетливо, она увлажнила нижнюю губу в приглашении более древнем, чем само время.

– Да? – в его голосе появилась хрипота.

– То, что они такие талантливые и сильные…

– Да? – Его брови приподнялись. Вздох задержался в его горле, когда Лидия предложила этим рукам то, что потрясло и обрадовало Тэвиса МакТарвита до самой глубины

души.

* * *

Когда Гримм, наконец, покинул крышу в ту ночь и зашёл в главную комнату, он сдержал ругательство и начал пробираться, отступая на полной скорости, назад к двери. *В Большом Зале, где каждый мог увидеть! Лидия! И Тэвис* !

– Ох! Любовь! – заворчал он звёздам, которые мерцали над ним в беспристрастном великолепии.

* * *

Три месяца спустя здоровый крик младенца мужского пола огласил коридоры Далкита-на-море.

Хок Дуглас, лопаясь от гордости, сидел на кровати рядом с Эдриен.

– Посмотри на него, Хок! Он – совершенство! – воскликнула Эдриен.

– И не только он один! – хрипло сказал Хок, нежно убирая волосы с её лба.

Эдриен улыбнулась ему. Он держал её за руку на протяжении всех её родов, по очереди проклиная то самого себя, то её – прежде всего за то, что она позволила ему сделать её беременной.

Но ещё много будет таких раз, подумала Эдриен, потому что она с полной серьёзностью намеревалась завести полдюжины малышей. Так что Хоку просто придётся привыкнуть к процессу их прихода в этот мир.

Эдриен с удивлением прикоснулась к его щеке.

– Ты плачешь, – прошептала она.

– Слёзы счастья. Ты подарила мне новую жизнь, Эдриен – жизнь, которую я даже не мечтал когда-нибудь иметь.

Эдриен посмотрела на него с обожанием, их малыш уютно посапывал между ними.

Эдриен могла пребывать вот так часами, но в Павлинью комнату вошёл Гримм, оживлённо раздавая приказы страже.

– Поставьте её там, у кровати.

Хок бросил взгляд поверх плеча.

– Ах, колыбель. Я закончил её прошлой ночью. Полагаю, какое-то время он не будет часто видеть её. – Собственническим движением он взял своего крошечного сына на руки. – Ему следует спать с нами какое-то время, как ты думаешь?

– Не думаю, что смогу позволить ему быть вне поля моего зрения, а ты?

Соглашаясь, Хок кивнул головой, пока сосредоточенно разглядывал своего сына.

– Мой подбородок, – гордо сказал он. – Только посмотри на этот великолепный решительный угол.

Эдриен засмеялась.

– Упрямый угол, – поддразнила она, – и у него уже тёмные волосики.

Позади них Гримм издал задушенный возглас.

Хок бросил вопросительный взгляд через плечо.

– Что к чёрту…э, извините, миледи, – сказал он Эдриен, – прости меня, крошка, – сказал он малышу. – Но зачем ты вырезал это на колыбели, Хок? – спросил Гримм. – Разве с нас недостаточно было этих треклятых Эльфов?

Хок в замешательстве приподнял брови.

– О чём ты говоришь, Гримм? – Он мягко передал их сына Эдриен и подошёл к колыбели.

Струящиеся буквы были вырезаны глубоко в дереве. Вся колыбель целиком мерцала, словно была усеяна брызгами золотой пыли. Хок долго рассматривал слова, которые, как он знал, он не вырезал там. Улыбка тронула его губы, когда он вслух прочёл Эдриен:

Помните это, смертные – вы обладаете своей собственной вечностью – бессмертием любви.
Благословенны будут Дугласы.
Эобил, Королева Эльфов .